

ISSN 2073-6681

2024

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Том 16. Выпуск 1

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

PERM STATE UNIVERSITY

Volume 16. Issue 1

PERM UNIVERSITY HERALD
RUSSIAN AND FOREIGN PHILOLOGY

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюмень)
Фэвр-Дюпэтр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

<i>Новокрещенных И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланова С. Л.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Похаленков О. Е.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, КГУ им. К. Э. Циолковского)
<i>Братухин А. Ю.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Сидорова О. Г.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
<i>Дусаева Л. Р.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)	<i>Шляхова С. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen)
Anne Faivre Dupaigre (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennyykh</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Saint Petersburg State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Oleg Pohalnikov</i> (Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	
<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Гун Мин. Особенности семантики и функционирования лексем цветообозначения в языке русских и китайских СМИ (на примере зеленого цвета)	5
Заманова И. В. «Сердце» как универсальный психический концепт (на примере китайской и русской языковой картины мира)	13
Запрудская О. В. Благодарственный лозунг в немецкой политической коммуникации 30–50-х годов XX века	25
Казаченко О. В. Репрезентация ценностей в социальной рекламе	37
Кучер В. В. Полиmodalность как черта когнитивного стиля автора в изобразительном регистре англоязычного художественного текста (на материале произведений Дж. Стейнбека)	50
Кушнина Л. В., Фоменко Е. А. Переводчик как субъект экотранслатологии	59
Чжао Цзэли. Хезитационные явления в устном монологе-рассказе на неродном языке (на материале русской речи китайцев)	69
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	79
Бактыбаева А. Т. Ирония и контраст как способы выявления специфики национального характера в романе Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о NOMENCLATURE»	79
Богданова А. В. Рассказ «Старый учитель» В. С. Гроссмана: анализ мотивной и лексической организации текста	89
Богданова Ю. А. Заглавия романов «Каирской трилогии» (1956–1957) Нагиба Махфуза как интерпретационный материал	98
Домашнева В. В. Художественный мир философской сказки: реалии в творчестве Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова	106
Еременко А. А. Фигура города в современной прозе («Одинокий город» О. Лэнг и «Теряя наши улицы» А. Спяццатова)	116
Катаев Ф. А., Старикова Е. А. Роль литературного текста в трансмедийном повествовании: роман «Небесный Стокгольм» в системе авторских проектов О. Нестерова	125
Мисник М. А. Поэтика цвета как инструмент анализа художественного текста	137
Роготнев И. Ю. Дихотомии анализа комического текста	146

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Gong Ming. Peculiarities of the Semantics and Functioning of Color Lexems in the Language of the Russian and Chinese Media (the Case of Green Color)	5
Zamanova I. V. ‘Heart’ as a Universal Mental Concept (a Case Study of Chinese and Russian Language Worldviews)	13
Zaprudskaya O. V. Gratitude Slogans in German Political Communication in the 1930s – 1950s	25
Kazachenko O. V. Representation of Values in Social Advertising	37
Kucher V. V. Multimodality as a Feature of the Author’s Mind Style in the Descriptive Register of an English Literary Text (Based on J. Steinbeck’s Literary Works)	50
Kushnina L. V., Fomenko E. A. A Translator as a Subject of Ecotranslatology	59
Zhao Zeli. Hesitation Phenomena in an Oral Monologue Story in a Non-Native Language (Based on the Material of the Russian Speech of the Chinese)	69
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	79
Baktybayeva A. T. Irony and Contrast as Ways to Identify the Specifics of the National Character in the Novel ‘The Legend of NOMENCLATURA’ by D. Satpaev and E. Zhumagulov	79
Bogdanova A. V. The Story ‘The Old Teacher’ by V. S. Grossman: Analysis of the Motivic and Lexical Organization of the Text	89
Bogdanova Iu. A. The Titles of ‘The Cairo Trilogy’ Novels (1956–1957) by Naguib Mahfouz as an Object for Interpretation	98
Domashneva V. V. The Artistic World of a Philosophical Fairy Tale: Realia in the Works of G. M. Tsyferov and S. G. Kozlov	106
Eremenko A. A. The Figure of City in Contemporary Prose (Olivia Laing’s ‘The Lonely City’ and Albert Spiazatov’s ‘Losing Our Streets’)	116
Kataev Ph. A., Starikova E. A. The Role of the Literary Text in the Transmedia Narrative: the Novel ‘Heavenly Stockholm’ in the System of Oleg Nesterov’s Projects	125
Misnik M. A. Poetics of Color as a Tool for the Analysis of a Literary Text	137
Rogotnev I. Yu. Dichotomies of a Comic Text Analysis	146

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 811(161.1+581)'37:070
doi 10.17072/2073-6681-2024-1-5-12

EDN UGXRJM

Особенности семантики и функционирования лексем цветообозначения в языке русских и китайских СМИ (на примере зеленого цвета)

Гун Мин

аспирант кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119415, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 37. gongming1@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0009-0005-7900-8113>

ResearcherID: HTQ-4173-2023

Статья поступила в редакцию 15.04.2023

Одобрена после рецензирования 01.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Гун Мин. Особенности семантики и функционирования лексем цветообозначения в языке русских и китайских СМИ (на примере зеленого цвета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 5–12. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-5-12

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о функционировании лексем цветообозначения в современном русском и китайском языках. Внимание акцентируется на сопоставительном изучении особенностей семантики и функционирования лексем «зеленый», «绿» (зеленый, lǜ) и «青» (многозначное цветоименование со значением ‘зеленый’, qīng) в языке русских и китайских СМИ, в частности их языковой коннотации. В исследовании использовались описательный, сопоставительный методы и метод контекстного анализа полученных материалов. На примерах выражений и фраз с лексемой зеленого цвета в русских и китайских лингвистических базах данных, таких как Стандартизированная терминологическая база данных для иностранного перевода дискурса на китайском языке, Национальный корпус русского языка, Генеральный интернет-корпус русского языка и др., рассматриваются их основные и переносные значения. Анализируется многозначность лексем зеленого цвета в русских и китайских языках, отмечается процесс расширения значения лексем зеленого цвета, особенно в русских и китайских СМИ. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что появление нового значения лексемы зеленого цвета тесно связано с культурными и социальными изменениями в России и Китае. Важность употребления лингвокультуры цветообозначения в языке современных СМИ подчеркивается тем фактом, что лексема «зеленый» как яркое языковое средство выполняет функцию выразительного информирования, передает национальную ценность. Первоначальный анализ многозначности и метафоричности китайской лексемы «青» (qīng) заполняет пробел в изучении китайского перевода многозначного цветоименования «青» (qīng) при переводе произведений русских классиков и способствует его дальнейшему углубленному исследованию.

Ключевые слова: цветообозначение; лингвокультура; язык русских и китайских СМИ; зеленый цвет.

Язык – важное средство для исследования особенностей картины мира. Языковая картина мира отображает обыденное сознание, хранит прошлое мировосприятие народа, соотносится с картиной мира, противопоставлена научной, является наивной картиной мира, характеризуется яркой национально-культурной спецификой, закреплена в системе языковых средств. Важной частью языковой картины мира выступает лексика цветообозначений. Цвет обладает способностью воздействовать и на психику человека [Дедова 2010: 42]. Цвет – одно из свойств объектов материального мира, воспринимаемое посредством зрения. Цветовая картина мира, как важная часть картины мира, играет важную роль в мировосприятии человека. В последние годы российские ученые в области языка и культуры, такие как А. П. Василевич, Н. А. Мартыанова, Ю. Д. Апресян, З. И. Комарова, М. Б. Талапина, Ю. В. Дюпина, Р. М. Фрумкина, Е. С. Гладкова, А. А. Брагина и др., уделяют внимание изучению цветообозначений в аспекте соотношения разнотемных языков. Цвет, постепенно получая дополнительные смысловые оттенки, становится репрезентантом эстетических представлений и духовных особенностей каждой нации, изучение лексем цветообозначения в разных языках дает возможность сопоставления языковых картин мира.

Лексический состав каждого языка всегда развивается динамично, постоянно пополняется и обогащается, отражает события и изменения, происходящие в обществе. В связи с развитием отношения полисемии в лингвокультурологическом аспекте семантический объем лексических единиц цветообозначения расширяется. «Полисемия – интереснейшее явление в плане проблемы языка и мышления. За полисемией всегда скрывается усилие человеческой мысли в поисках новых и новых средств познания, выражения, экспрессии» [Абаев 1957: 40]. Многозначностью, или полисемией, называется свойство слов употребляться в разных значениях, поэтому рассмотрение механизма хранения значений слов в человеческом сознании и способов связи и расширения значений слов имеет важное значение для лингвистического исследования.

Между тем в конце прошлого века с развитием науки и технологии способы передачи информации сильно изменились. Появление Интернета, радио и телевидения сократило расстояние между людьми, обусловило изменение и развитие значений слов в новой эпохе, способствовало развитию человеческой цивилизации. Публицистический стиль очень важен и необходим для развития общества и формирования общественного мнения [Балли 2001: 128]. Главная ха-

рактеристика языка публицистического стиля заключается в том, что он всегда принимает средства других стилей (и разговорную, и терминологическую лексику) в свою систему, а также является сложностилистическим и многожанровым образованием. В настоящее время язык СМИ выступает объектом актуальных лингвистических исследований. С точки зрения формирования новых научных дисциплин в русских ученых кругах медиалингвистика как самостоятельное направление лингвистики сформировалась и развивалась за последние 20 лет, при этом изучение языка СМИ имеет определенное практическое значение.

В исследовании языка русских и китайских СМИ лексем цветообозначения занимают особое место. Возрастающим интересом к сопоставительному изучению цветообозначающей лексики в языке русских и китайских СМИ определяется актуальность выбранной темы. Но следует заметить, что данная область пока недостаточно исследована как в российском Китаеведении, так и в китайской русистике. Таким образом, научная новизна нашей работы состоит в том, что она выполнена в русле данной проблематики и посвящена сопоставительному изучению особенностей семантики и функционирования лексем со значением зеленого цвета в русских и китайских СМИ. Цель исследования – определение и анализ значений лексем «зеленый» в контекстах русских и китайских СМИ, рассмотрение их национально-культурных коннотаций в русском и китайском языках, а также выявление семантических и функциональных особенностей.

Исходя из вышеуказанных целей в наши задачи входит классификация значений цветообозначения «зеленый» в контекстах русских и китайских СМИ, лингвокультурологический анализ лексем «зеленый», описание более активно используемых способов семантизации. Для выполнения задач исследования использовались описательный, сопоставительный методы, метод контекстного анализа и коммуникативно-прагматический метод. Источниками языкового материала на русском языке выступили следующие электронные ресурсы: Национальный корпус русского языка, Генеральный интернет-корпус русского языка. Источниками языкового материала на китайском языке являются следующие сайты: Sina микроблогов; Baidu; Стандартизированная терминологическая база данных для иностранного перевода дискурса на китайском языке (далее – СТБД). Указанная база данных создана под эгидой Управления КНР по делам издания и распространения литературы на иностранных языках и Академии перевода КНР, является первой госу-

дарственной многоязычной авторитетной терминологической базой данных.

Известно, что зеленый цвет ассоциируется прежде всего с цветом растительности. Он является одним из трех основных цветов, наряду с красным и синим. Проанализируем значения и употребления цветообозначения «зеленый» на примере текстов из русских и китайских СМИ.

Зеленый цвет в СМИ представлен как цвет, символизирующий жизнь природы. Например, известное выражение «зеленый шум» используется в контексте пробуждения природы весной. Историк и журналист Илья Смирнов – о том, почему зеленый шум русской весны не стоит заглушать жужжанием газонокосилок [Смирнов 2014]. Выражение «зеленый шум» представляет собой прецедентное высказывание из стихотворения Н. А. Некрасова, передающее шум свежей густой весенней листвы: *Идёт-гудёт зелёный шум, Зелёный шум, весенний шум!* Его использование в вышеприведенном примере создает четкое и полное представление о весне с помощью метафорического значения лексемы «зеленый».

В китайском языке лексема «зеленый» (绿) также считается цветом жизни и ассоциируется с природой. В качестве примера приведем фрагмент из классической китайской поэзии: *绿野草铺茵, 空山雪积银* [Си... 2016] (перевод СТБД: *Зеленые луга стелются коврами по земле; а безлюдны горы наряжаются в серебро*). В данном стихотворении, созданном 600 лет назад послом в Центральной Азии Чэнь Чэном, описан узбекский пейзаж. Именно этот фрагмент процитировал председатель Си Цзинпин в своем послании «Славная новая глава в китайско-узбекской дружбе» в 2016 г. Приведенные русский и китайский примеры демонстрируют, что прямые значения лексемы «зеленый» и 绿 совпадают в русских и китайских СМИ.

Из вышесказанного можно заключить, что и русские, и китайцы любят зеленый цвет, потому что это цвет растений, весны, он может принести людям надежду, энергию и силу, бодрость и свежесть, спокойствие и радость. Несмотря на это, значения русской и китайской лексем «зеленый» и 绿 могут также приобретать отрицательные и иронические оттенки в процессе развития языка СМИ.

Обратимся к следующему примеру: *В Севастополе я наблюдал, как украинский морпех стрелял у «зеленого человечка» сигареты, после чего они с улыбками беседовали о чем-то, пока к «зеленому» не стали выстраиваться местные жители с просьбами о фотографии* [Беседин 2014]. Выражение «зеленый человечек» – иронически пренебрежительное обозначение солдата.

Дискурс российских СМИ новой эпохи характеризуется ироничным стилем повествования. Очевидно, что значение лексемы «зеленого» связано с пограничником, человеком, служащим (служившим) в пограничных войсках. «Зеленый» в военном дискурсе русского языка также имеет и положительную коннотацию, например: защитные зеленые укрытия для танков, снайперов, помогающие слиться с окружающей растительностью и сохранить жизнь. Если при осмотре местности (независимо от времени года) военные говорят: «*все зеленое*», это значит, что территория свободна от противника, все безопасно.

В Китае солдаты сухопутных войск также носят зеленую форму. Китайские СМИ демонстрируют преданность военнослужащих своей Родине. В качестве примера приведем выражение *绿色军营* (зеленый военный лагерь): это платформа, предназначенная для активных военнослужащих, ветеранов – пользователей Интернета. Когда речь идет о военном лагере, лексема со значением зеленого цвета 绿 имеет положительную коннотацию и имплицитно выражает любовь к отчизне. Между тем в китайском языке колоратив 绿 имеет и негативную коннотацию: он ассоциируется с неверностью и изменой жены в браке. Такое значение он приобретает во фразеологизме *戴绿帽子* (носить зеленую шапку), используемом для обозначения низкого иерархического или социального статуса человека в древнем Китае, а в современном языке можно перевести как «быть рогоносцем». Интересно заметить, что в русском языке такое выражение, образованное лексемой цветообозначения, отсутствует, так что мужчина может свободно выбрать цвет шапки в России, в то время как в Китае мужчины избегают носить шапку зеленого цвета.

Еще одно значение лексемы «зеленый» в русском языке – ‘доллар’ (денежные купюры США имеют зеленоватый цвет), например: *грязная зеленая бумажка, зеленый дождь*. В данном случае наблюдается субстантивация имени прилагательного. В китайском языке такое значение у колоратива 绿 отсутствует.

Положительной коннотацией обладает цветообозначение «зеленый / 绿» в структуре следующих фразеологизмов. Выражения *дать зеленый свет* и *дать зеленую улицу* имеют значение ‘содействовать осуществлению чего-либо’. Схожее значение лексемы «*зеленый*» представлено и в китайском языке: *绿色通道* (досл. ‘зеленый проход’; перен. ‘зеленый свет’) – простые, безопасные и быстрые каналы. Все эти фразеологизмы объединяет общее значение ‘благоприятный, удобный’. Такая коннотация возникает от психологического восприятия цветового сигнала светофора.

В конце XX в. все больше стран уделяют внимание экологическим вопросам. Люди стремятся к экологической безопасности и устойчивому развитию земли и окружающей среды, а также предпринимают действия для позитивных изменений. Появлялись такие «зеленые» организации, как «Гринпис» (Зеленый мир), «Российская экологическая партия «Зеленые», «Зеленый патруль» и т. д. Семантика лексемы «зеленый» меняется с появлением нового феномена, осознанием экологических проблем.

В китайских СМИ после 18-го съезда компартии Китая Си Цзиньпин выдвинул ряд «зеленых» инициатив, среди которых *«зеленые горы и изумрудные воды – несметные сокровища»* [СТБД: «Ключевые слова Китая – управление страной»] – как инициатива, демонстрирующая углубленное познание законов о социально-экономическом развитии общества, направленная на улучшение образа жизни, ориентированная на гармонию и баланс в обществе. Еще одно направление – *«Построение экологической цивилизации: зеленая реформа и трансформация – экологическое производство, экологически чистые города и экологически чистое потребление, ведущие к устойчивому развитию»* [Си 2014: 291], где *绿色产业* (зеленое производство) – экологически чистое производство; *绿色城镇* (зеленые города) – экологически чистые города; *绿色消费* (зеленое потребление) – экологически чистое потребление. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что значение лексемы «зеленый» в современных СМИ тесно связано с новой политикой в Китае.

Выше мы обсуждали значение лексемы «зеленый» в русских СМИ и соответствующие значения в китайских СМИ путем анализа примеров из СМИ с лексемой 绿. В то же время стоит отметить, что в китайском современном языке существует еще одна лексема со значением зеленого цвета – 青 как синоним лексемы 绿. Но лексема 青 в русском языке эквивалента не имеет: дело в том, что развитие лексемы «青» в китайской культуре своеобразно, она обладала значениями ‘зеленый, синий и черный цвета’ в китайском языке. Явление «растягивания» какого-либо цветоименования на несколько участков спектра мы будем называть «диффузностью», а сами многозначные цветоименования — «диффузными» [Богушевская 1999: 5]. Так, лексема 青 относится к диффузным, чьи прямые значения многозначны. Китайская лексема со значением зеленого цвета 青 малоизучена в сопоставлении с русским языком, тем не менее лексемы цветообозначений превосходно систематизированы в

китайском языке и обладают собственными способами выражения особенностей национальной культуры. Таким образом, изучение лексемы 青 со значением ‘зеленый’ приобретает более практическое значение для понимания китайской культуры и китайского языка.

青 – цвет востока [Сюй Шэнь 1963: 89]. На востоке восходит солнце, именно на востоке начинается новая жизнь. Поэтому цвет 青 – это символ начала жизни, цвет, свойственный Китаю, имеющий чрезвычайно важное значение в китайской культуре. Он символизирует силу, простоту, надежду и достоинство.

Как уже было отмечено выше, 青 обозначает зеленый цвет в китайском языке, который переводится как имя прилагательное «зеленый» в русском языке, например, 常青之州 (вечнозеленый край/штат) – другое название штата Вашингтона [Выступление... 2015], 青山 (зеленые горы) – горы, поросшие лесом [СТБД: «Ключевые слова Китая – управление страной»], данное словосочетание имеет переносное значение в китайских СМИ – красота родной страны. По данным интернет-версии «Жэньминь жибао» (официального печатного издания ЦК КПК), выражение 青山 заняло пятое место в списке ключевых слов для китайской политики 2021 г.

Лексема 青 часто встречается в китайском переводе русской классики, употребляется в литературном стиле. Так, предложение из рассказа А. Чехова *Мой Беликов из зеленого стал белым и точно оцепенел* [Чехов 1977: 50] переведено на китайский как 由青变白 (*Из зеленого стал белым*) [Чехов 2020: 34]. Очевидно, что в оригинальном тексте слово «зеленый» употреблено в переносном значении (‘нездоровый’, ‘уставший’). В китайском языке значение ‘больной’ передается колоративом ‘желтый’ – по-китайски 黄. Например, 面黄肌瘦 (букв. ‘лицо желтое, плоть тощая’, обр. «живые мощи, кожа да кости») значит ‘иметь голодный и болезненный вид’. Но в китайском языке для того, чтобы передать значение текста оригинала, переводчик использовал лексему 青 (зеленый), значение которой метафорически нагружено в контексте, таким образом сохранен стиль русского писателя.

В русском языке «зеленый» имеет значение ‘недозрелый, неспелый, неопытный’: «зеленое яблоко» – незрелое яблоко; «зеленый год» – неурожайный год. В китайском языке есть выражение 青涩 ‘незрелый, неопытный (о молодежи)’, где лексема 青 имеет значение ‘молодой’. Приведем примеры: в китайской культуре есть организация 世界民主青年联合会 (Всемирная федерация демократической молодежи); в предложении

Проехали на автомобиле три комсомольца во фраках и белых перчатках из известного романа [Чехов 1974: 38] комсомолец переводится как 共青团员 [Чехов 2005: 24]. Итак, в русском языке «зеленый» используется для передачи значения молодости (зеленая молодежь; молодо-зелено погулять велено; зелен виноград). Между тем в китайском языке лексема «белый» также считается символом молодости, неопытности, например, 一张白纸 (досл. ‘один лист белой бумаги’, перен. ‘чистый лист’) – неопытная молодежь, новичок; 技术小白 (技术 – техника, спец. знания, искусство; 小白 – новичок, чайник, где 白 – белый) – неопытный техник, чайник в технической науке.

Кроме того, лексема 青 в китайском языке обозначает синий, а также черный цвет. Так, употребление лексемы 青 для передачи значения синего цвета широко представлено в китайской классической литературе, а именно в книге «Сюнь-цзы», на которую часто ссылаются и сегодня: 青出于蓝而胜于蓝 (синяя краска происходит от индиго, но превосходит его по синеве) [Сюнь 2009: 1024]. Выражение говорит о том, что ученик превзошел учителя, превзошел своих учителей, превзошел предшественников. Рассмотрим другие примеры: – Пошел вон!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал [Достоевский 1868: 166]. «Посиневший генерал» переводится в китайском языке как 脸色发青的将军 [Достоевский 1986: 36]. Этого сюрприза даже и Барашиков, приученный к «синякам фортуны», не мог вынести; он сошел с ума и чрез месяц помер в горячке [Ильф, Петров 1961: 45].

«Синякам фортуны» переводится в китайском языке как 命运揍得青一块紫一块 [Ильф, Петров 2004: 40]. Обратим внимание на «синяки фортуны» – явная метафора в русском языке: жизнь наносит человеку удары, человеку больно, он страдает. Эквивалентный перевод «синяки» в китайском языке – 青一块紫一块 (букв. кусочек синий, кусочек фиолетовый) – гематома на человеческом теле. Использованная стратегия перевода позволяет сочетать метафоричность китайского варианта с русским оригиналом, является важным принципом для передачи адекватности смысла. Лексема «青» также обозначает ‘черный’, например, 青衣 (букв. одежда черного цвета) имеет значение ‘женское амплуа со скромной черной одеждой в китайском театре’; 青睐 (перен. зн. – ‘благосклонность, расположение’, где иероглиф 青 обозначает черный зрачок, а иероглиф 睐 имеет зн. ‘пристально всматриваться’ и имеет ключ «глаз»), но 受青睐 – пользоваться благосклонностью. Очевидно, что лексема 青 передает метафорические смыслы.

Проведенный анализ трех лексем со значением зеленого цвета в русских СМИ в сопоставлении с соответствующими китайскими переводами показал, что физическое восприятие зеленого цвета совпадает в русских и китайских СМИ (цвет растительности, природы), сходство заключается в прямом значении лексем со значением зеленого цвета. Однако его переносное значение и употребление в культурном национальном контексте могут различаться. Рассмотрим разницу между значениями лексем «зеленый» в русских и китайских СМИ (таблица).

Сопоставление значений лексем «зеленый» в русских и китайских СМИ
Comparison of the meanings of the lexemes ‘green’ in the Russian and Chinese media

Дифференциальный семантический признак	Лексемы цветообозначения «зеленый» в русских и китайских СМИ		
	Зеленый	绿 (lǜ)	青 (qīng)
Военнослужащий (ироническое значение)	+	–	–
Военнослужащий (положительное значение)	+	+	–
Измена жены	–	+	–
Доллар США	+	–	–
Безопасный и быстрый	+	+	–
Экологический	+	+	–
Нездоровый, уставший	+	–	+
Молодой	+	–	+

Как показано в таблице, из сопоставленных 8 значений лексема «зеленый» в русских СМИ имеет 7, лексема 绿 в китайских СМИ – 4, лексема 青 в китайских СМИ – 2. Отсюда видно, что общее количество значений лексем «зеленый»

в русских и китайских СМИ почти совпадает, можем считать, что частота употребления лексем «зеленый» в китайском и в русском СМИ одинакова. Но разница в значениях большая: лексемы «зеленый», 绿 и 青 в русских и китай-

ских СМИ как лингвокультуры характеризуются совокупностью понятийного и предметного содержания, они отличаются переносными значениями, связанными с национальным духом, историей народа, своеобразием культуры и быта. Так, иронические выражения «зеленый человек», «грязная зеленая бумажка» и «戴绿帽子 (носить зеленую шапку)» могут становиться источником недоразумения и даже конфликта при обмене мнениями между двумя народами. Наряду с этим особое внимание уделяется ситуациям употребления лексем 绿 и 青 в китайском переводе русского языка. Русская лексема «зеленый» и китайская 绿 совпадают только по значениям «военнослужащий (положительно), безопасный и быстрый, экологический», а лексемы русская «зеленый» и китайская 青 могут ассоциироваться с «нездоровый, уставший и молодой». В отличие от общего цветоименования зеленого цвета 绿 в китайском языке лексема 青 имеет разные прямые значения, что часто неизвестно и малопонятно для иностранных учащихся. Эти значения происходят из древнего китайского языка, поэтому лексема 青 часто встречается в литературных публикациях и в фразеологических выражениях китайских СМИ. Кроме того, стоит подробно исследовать метафоричность лексемы 青 в переводе из русских классиков для того, чтобы позволить переводчикам найти наиболее подходящее выражение для передачи точной мысли автора произведения.

Отметим также, что возникновение нового значения слова или словосочетания, в сущности, является отражением культурных и социальных изменений. Лексема зеленого цвета в китайском языке имеет именно такую судьбу. Лексемы зеленого цвета 绿 и 青 (как социальное явление) широко появляются в современных СМИ Китая. Сегодня значение лексем цветообозначения 绿 и 青 непрерывно развивается и точно отражает социальный и политический прогресс Китая – от традиционного «черного» развития к современному «зеленому» развитию. Китай старается преобразить экономическую модель, таким образом, новая концепция «зеленого развития» глубоко укоренилась в сознании людей. После 18-го съезда КПК лексема зеленого цвета уже широко употребляется в разных отраслях: зеленая революция, зеленое финансирование, зеленая энергия, зеленые города и т. д. Зеленое развитие активно внедряется во все сферы жизни народа. В общественном транспорте популярна социальная реклама «зеленый выезд». Очевидно, что лексема зеленого цвета символизирует надежду народа на прекрасное будущее, она приобретает

новую жизнь в китайских СМИ. А в русском языке лексический объем значения зеленого цвета расширяется медленнее, чем в китайском языке. В целом можно утверждать, что с помощью подробного описания семантики и функционирования лексем «зеленый» в русских и китайских СМИ уточнены функции информирования и воздействия современных СМИ, что позволило объяснить причины выбора лингвокультурем в качестве целей и стратегий участников коммуникации.

Список источников

Беседин 2014 – Платон Беседин. Дождь кончился // Известия. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/39162084> (дата обращения: 17.03.2014).

Выступление... 2015 – 习近平在华盛顿州当地政府和美国友好团体联合欢迎宴会上的演讲 [Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на приветственном ужине, организованном местными органами власти и дружественными организациями в США]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/23/c_1116656143.htm (дата обращения: 23.09.2015). (На китайском.)

ГИКРЯ – Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: www.webcorpora.ru.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Си 2014 – Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2014, 488 с. 习近平.谈治国理政.北京: 外文出版社出版. 2014. 488 p.

Си... 2016 – 习近平在乌兹别克斯坦媒体发表署名文章 [Си Цзиньпин опубликовал в СМИ Узбекистана авторскую статью]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2016-06/21/c_129080140.htm (дата обращения: 21.06.2016). (На китайском.)

Смирнов 2014 – Илья Смирнов. Апологеты американской лысины // Известия. URL: <https://iz.ru/news/570165> (дата обращения: 30.04.2014).

СТБД – 中国特色话语对外翻译标准化术语库 [Стандартизированная терминологическая база данных для иностранного перевода дискурса на китайском языке]. URL: <http://210.72.20.108/index/index.jsp>.

Бaidu [Baidu, Байду]. URL: <https://www.baidu.com>.

新浪微博 [Sina Weibo, Сина Вейбо]. URL: <https://www.weibo.com>.

Список литературы

Абаев В. И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 31–43.

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 394 с.

Богусhevская В. А. О цветоименовании в китайском языке // Известия Восточного института. 1999. № 4. С. 131–138.

Дедова О. В. О языке Интернета // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 3. С. 25–38.

Достоевский Ф. М. Идиот // Русский Вестник. 1868. № 2. С. 561–656.

Достоевский Ф. М. Идиот / пер. Рон Рудэ. Шанхай: Шанхайское изд-во переводов, 1986. 597 с. 陀思妥耶夫斯基. 白痴. 上海译文出版社, 译者: 荣如德. 1986. 597 页. (Tuo si tuo ye fu si ji. Bai chi. Shang hai yi wen chu ban she, yi zhe: Rong rude. 1986. 597 p.)

Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев // Собр. соч. в 5 т. М., 1961. Т. 1. 561 с.

Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев / пер. Чжан Пэйвэнь. Пекин: Изд-во Народ. лит., 2004. 372 с. 伊·伊里夫 / 叶·彼得罗夫. 十二把椅子. 人民文学出版社, 译者: 张佩文. 2004. 372 页. (Yi Yi li fu / Ye Bi de luo fu. Shi er ba yi zi. Ren min wen xue chu ban she, yi zhe: Zhang peiwen. 2004. 372 p.)

Сюй Шэнь (Династия Восточная Хань). Перефразирование текстов и слов. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1963. 558 с. 许慎 (东汉). 说文解字. 北京: 中华书局. 1963. (Xu shen (Dong han). Shuo wen jie zi. Beijing: Zhong hua shu ju. 1963. 558 p.)

Сюнь цзы, подраздел «Наставления». Большой словарь китайских аллюзий, Пекин, 2009. 1094 с. 荀子, 劝学篇. 中国典故大辞典. 北京. 2009. 第529页. (Xun zi, Quan xue pian. Zhong guo dian gu da ci dian. Beijing. 2009. 529 p.)

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. М.: Наука, 1974. Т. 2. С. 164–166.

Чехов А. П. Рассказы Чехова. Пекин: Издательство Китайской драмы, 2005. 376 с. 契诃夫. 契诃夫短篇小说精选. 中国戏剧出版社. 2005. 376 页. (Qi hefu. Qi hefu duan pian xiao shuo jing xuan. Zhong guo xi ju chu ban she. 2005. 376 p.)

Чехов А. П. Человек в футляре. Сочинения: в 18 т. // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 10. Рассказы, 1898–1903. С. 42–54.

Чехов А. П. Человек в футляре // Рассказы А. П. Чехова. Ухань: Чанцзянское изд-во литературы и искусства, 2020. 240 с. 契诃夫. 装在套子里的人: 契诃夫短篇小说. 长江文艺出版社. 2020. 240 页. (Qi hefu. Zhuang zai tao zi li de ren: Qi hefu duan pian xiao shuo. Chang jiang wen yi chu ban she. 2020. 240 p.)

References

Abaev V. I. O podache omonimov v slovare [On the presentation of homonyms in a dictionary]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1957, issue 3, pp. 31–43. (In Russ.)

Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 394 p. (In Russ.)

Bogushevskaya V. A. O tsvetonaimenovanii v kitayskom yazyke [On color naming In Chinese]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], 1999, issue 4, pp. 131–138. (In Russ.)

Dedova O. V. O yazyke Interneta [On the language of the Internet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], 2010, issue 3, pp. 25–38. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. Idiot [Idiot]. *1868 Russkiy Vestnik* [1868 Russian Herald], 1868, issue 2, pp. 561–656. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. Bai chi [Idiot]. Transl. by Rong Rude. Shanghai, Shanghai Translation Publishing House, 1986. 597 p. (In Ch.)

Ilf I. A., Petrov E. P. Dvenadsat' stol'yev [The Twelve Chairs]. *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh* [Collected Works in 5 vols.]. Moscow, 1961, vol. 1. 561 p. (In Russ.)

Ilf I. A., Petrov E. P. Shi er ba yi zi [The Twelve Chairs]. Transl. by Zhang Peiwen. Beijing, People's Literature Publishing House, 2004. 372 p. (In Ch.)

Xu Shen (Eastern Han Dynasty). Shuo wen jie zi [Word and Expression]. Beijing, Zhonghua Book Company, 1963. 558 p. (In Ch.)

Xunzi. Quan xue pian [Encouraging Learning]. *Zhong guo dian gu da ci dian* [Dictionary of Chinese Allusions]. Beijing, 2009. 529 p. (In Ch.)

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t. Sochineniya* [A Complete Collection of Works and Letters in 30 vols. Works]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 164–166. (In Russ.)

Chekhov A. P. Qi hefu duan pian xiao shuo jing xuan [Selected Short Stories of Chekhov]. Beijing, China Drama Publishing House, 2005. 376 p. (In Ch.)

Chekhov A. P. Chelovek v futlyare. *Sochineniya: v 18 tomakh* [The man in the case. Works in 18 vols.]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t.* [A Complete Collection of Works and Letters in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 10. Rasskazy, 1898–1903 [Stories, 1898–1903], pp. 42–54. (In Russ.)

Chekhov A. P. Zhuang zai tao zi li de ren [The man in the case]. *Qi hefu duan pian xiao shuo* [Chekhov's Short Stories]. Wuhan, Changjiang Literature and Art Publishing House, 2020. 240 p. (In Ch.)

Peculiarities of the Semantics and Functioning of Color Lexemes in the Language of the Russian and Chinese Media (the Case of Green Color)

Gong Ming

Postgraduate Student at the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

37, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119415, Russian Federation. gongming1@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7900-8113>

ResearcherID: HTQ-4173-2023

Submitted 15 Apr 2023

Revised 01 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Gong Ming. Osobennosti semantiki i funktsionirovaniya leksem tsvetoooboznacheniya v yazyke russkikh i kitayskikh SMI (na primere zelenogo tsveta) [Peculiarities of the Semantics and Functioning of Color Lexemes in the Language of the Russian and Chinese Media (the Case of Green Color)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 5–12. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-5-12 (In Russ.)

Abstract. The article deals with color-term lexemes in the modern Russian and Chinese languages. The focus is on a comparative study of the semantics and functioning of the lexemes ‘zelenyi’ (green), ‘绿’ (green, lǜ), and ‘青’ (a polysemous color name with the meaning of ‘green’, qing) in the Russian and Chinese mass media; their language connotations are investigated. The study employed the descriptive and comparative methods and the method of contextual analysis. The article analyzes the main and implied meanings of green-color terms through the examples of expressions and phrases with a green lexeme found in Russian and Chinese linguistic databases such as the Standardized terminology base for foreign translation of Chinese characteristic discourse, Russian National Corpus, General Internet Corpus of Russian, etc. The author seeks to investigate the multiple meanings of green-color lexemes in the Russian and Chinese languages, notes the expansion of their meaning, especially in the Russian and Chinese mass media. The conducted research shows that the emergence of the new meaning of the green-color lexeme is closely connected with the cultural and social changes in Russia and China. The importance of using linguocultural color lexemes in the language of modern media is emphasized by the fact that the lexeme ‘green’ as a bright language feature performs the function of expressive informing, conveys the national value. The initial analysis of the polysemy and metaphoricity of the Chinese lexeme ‘青’ (qing) carried out in the article fills a gap in the study of the use of the polysemous color name ‘青’ (qing) in translation of texts written by the Russian classics into Chinese and contributes to further in-depth lexicosemantic, lexicographical, and translation studies on the translation of this lexeme.

Key words: color term; linguocultureme; Russian and Chinese media language; green; qing.

УДК 81-119

doi 10.17072/2073-6681-2024-1-13-24

EDN NIHUVG

«Сердце» как универсальный психический концепт (на примере китайской и русской языковой картины мира)

Илона Владимировна Заманова

аспирант кафедры русского языка

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10. lizhecu@163.com

преподаватель русского языка и литературы,

сотрудник Научного центра исследования русского языка и литературы

Чжэнчжоуский педагогический университет

450000, Китай, пров. Хенань, г. Чжэнчжоу, ул. Иньцай, 6

SPIN-код: 3026-4983

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-6433>*Статья поступила в редакцию 15.06.2023**Одобрена после рецензирования 04.08.2023**Принята к публикации 01.12.2023***Информация для цитирования**

Заманова И. В. «Сердце» как универсальный психический концепт (на примере китайской и русской языковой картины мира) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 13–24. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-13-24

Аннотация. В статье рассматривается концепт «сердце» в семантико-когнитивном аспекте, выявляются номинативные составляющие с последующим сопоставлением содержания в русском и китайском языках. Предлагается анализ концепта по сферам реляции и культурной суггестии. Зона языковой реляции была представлена анализом внутренней формы лексем, содержащих компонент «сердце», а также компонентным анализом пласта лексем психической лексики, который показал наличие инвариантной гиперсемы «сердце». В китайском языке зона реляции исследовалась в соответствии с наличием компонента в составе иероглифа или в составе неделимого сочетания иероглифов. Зона суггестии анализировалась с опорой на паремии и фразеологизмы. Утверждается высокий уровень универсальности понятийного поля концепта, однако в языковой картине мира (в формальном устройстве лексико-семантической системы) установлен ряд отличий: отмечается разное положение компонента «сердце» в некоторых лексемах и сочетаниях, имплицитность и эксплицитность компонента не всегда совпадают, может отличаться стилевая принадлежность. «Сердце» выступает концептом, функционирующим в качестве гиперонима всей совокупности психических лексем как в китайском, так и в русском языке. Опровергнуты положения о том, что в русском языке в концепте «сердце» отсутствует ярко выраженный мыслительный компонент, а также о том, что «сердце» не образует метафоры, связанные с почвой и растениями, что наблюдается в китайском языке. Уточнен перевод словарной статьи «сердце» в китайском языке. Выявлены и сопоставлены ядерные и периферийные зоны концепта, установлена центральная значимость «сердца» при концептуализации психических процессов. Ядерная зона полиструктурна, состоит из компонентов: *мысли, чувства, желания*, – каждый из которых способен сформировать отдельное семантическое поле. Периферийная зона представлена компонентами: *жалость, злость, память, единомыслие, речь не вслух* и др. Частотно-

ценностная структура номинативного поля совпадает в двух языках. Исследование проводилось на материале 2000 психических лексем, 100 фразеологизмов и пословиц, контекстов русского языка с элементом «сердце», 200 фразеологизмов, 200 лексем с имплицитным компонентом «сердце», а также расширенных и минимальных контекстов китайского языка, отобранных из словарей и интернет-источников. В статье приводится около 60 китайских фразеологизмов с компонентом «сердце» с переводом на русский язык, что также может быть полезно для исследователей, занимающихся смежной темой. Практическая значимость работы заключается в возможности применения материала в толковой и идеографической лексикографии психической лексики и фразеологии, в теории перевода, а также в курсе преподавания РКИ.

Ключевые слова: семантический множитель «сердце»; концепты внутреннего мира человека; психическая лексика; контрастивный анализ китайского и русского языков; картина мира; сомати́змы.

Введение

Концептология – это направление в русской лингвистике, появившееся в конце XX в., основной единицей изучения которого является концепт (от латинского *conceptus* – идея, понятие). В данном исследовании концепт рассматривается в рамках семантико-когнитивной парадигмы концептологии как понятие, расширенное культурными, философскими и религиозными слоями. Выявляя структуру номинативных полей и описывая взаимоотношения между ними, мы тем самым устанавливаем обобщенное содержание знания у народа на заданную тему. Согласимся с Е. С. Кубряковой в том, что у когнитивной науки большое прошлое и краткая предыстория, а проблемы, которые обсуждаются сейчас, не являются новыми [Кубрякова 1994: 36]. О природе понятий рассуждали с античных времен (Парменид, Платон, Аристотель), новое осмысление вопрос получил в эпоху средневековой схоластики (возник номинализм). В XVIII в. В. фон Гумбольдт обратил внимание на относительность (релятивность) структуры понятий в разных языках, ученый сделал вывод о том, что язык влияет на мировосприятие. Взгляды В. фон Гумбольдта были поддержаны Б. Уорфом, Э. Сепиром: «Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [Уорф 1960: 175]. Одним из актуальных методов исследования представлений о мире остается контрастивный анализ понятий. Исследования в рамках контрастивного анализа не только выявляют специфические компоненты структуры концептов в разных языках, но и описывают тождественную, универсальную часть. Общие компоненты в структуре семантемы называются *универсальными*, так как они свойственны нескольким языкам. Особая роль при этом принадлежит

сопоставлению по лексико-семантическим полям языков разной типологической классификации (например, изолирующего китайского и флективного русского). По замечанию В. Ю. Апресян, «естественно ожидать, что в силу биологической обусловленности многое в том, как люди разных языков и культур воспринимают действительность, мыслят и чувствуют, будет совпадать или, по крайней мере, в высокой степени пересекаться <...> В связи с этим типологически ценным может оказаться изучение не только концептуальных различий, но и сходств между языками» [Апресян 2011: 20].

Материалы и методы

Данное исследование направлено на выявление тождественных и дифференциальных черт концепта «сердце» в русском и китайском языках, для чего применяется метод поля, т. е. изучается структура номинативных полей, ценность семантемы в структуре поля. Конституенты полей выявляются путем анализа внутренней формы (компонентный, словообразовательный анализы), также исследуется зона суггестии культуры – фразеологизмы и пословицы. Описанный методологический принцип был разработан З. Д. Поповой, И. А. Стерниным [Попова, Стернин 2007], однако мы считаем целесообразным разделить анализ по сферам реляции и суггестии, поскольку реляция (законы выражения смысла языковым знаком) определяется влиянием языковых структур на мировосприятие носителя; зона суггестии (содержание и форма прецедентных высказываний и текстов) есть влияние культуры – но не структур языка – на сознание носителя *посредством* языка. Методика отличается также от предложенной Ю. С. Степановым [Степанов 2004] тем, что направлена на синхронический лингвистический анализ. Не интерпретировались метафоры и ассоциации по методике Дж. Лаккоффа, например, «сердце – сосуд, потому что его можно разбить и наполнить», «сердце – птица, потому что оно взлетает» и под., так как дан-

ное исследование не направлено на анализ об-разной составляющей.

Контексты отбирались преимущественно из корпусов русского языка, фразеологизмы и по-словицы – из соответствующих словарей русско-го языка, пласт иероглифов с компонентом «сердце» (в трех вариациях) и минимальные кон-тексты – из словарей и поисковых баз китайского языка. Ядро/периферия определялись на основа-нии частотности и широты каждого из номина-тивных микрополей макрополя «сердце».

Теоретическим материалом выступили рабо-ты, посвященные изучению концепта «сердце», исследователей Кемеровской школы (М. В. Пи-менов, В. В. Колесова, О. Н. Кондратьевой), О. Н. Лагуты [Лагута 2003], Р. Р. Даниловой [Данилова 2009], В. Л. Макаровой [Макарова 2010], О. Ю. Динисламовой [Динисламова 2017], Л. А. Ерофеевой [Ерофеева 2014], К. М. Аби-шевой [Абишева 2019] и др.; также работы И. А. Сапегинной [Сапегина 2010], Сюе Веньбо [Сюе 2020], которые рассматривают проблемы сопоставления концепта «сердце» в русском и китайском языках.

В ходе исследования мы получили следую-щие результаты: структура концепта «сердце» в высшей степени универсальна, система семан-тических смыслов, номинированных данной лексемой, аналогична в двух языках. Наиболее значимым является вывод об универсальном характере компонента «сердце» в качестве ги-перонима всех психических лексем, а также о том, что реакция сердца как органа (интенсив-ное, замедленное, нормальное сердцебиение) закодирована в составе психических лексем двух языков. Данный вывод важен тем, что под-тверждает антропоморфную перцептивную тео-рию языка: «оязыковление» психических про-цессов опирается на реакцию внутренних орга-нов человека. Кроме того, вывод можно приме-нять как критерий выделения психической лек-сики: наличие имплицитного компонента «серд-це» дает основание отнести лексему к психиче-скому полю.

Обсуждение результатов

1. Сопоставление внутренней формы

В русском языке существует большое количе-ство слов с корневым компонентом «сердце»: *сердечный человек, сердяга, сердиться, сердать, сердобольный, в сердцах, милосердие, жестоко-сердие, усердие, усердный, бессердие*. Тематиче-ски их можно разделить на свойства характера, чувства и сосредоточенность мыслей. По заме-чанию Д. В. Тимошиной, компонент *серд-* диа-хронически является активным словообразова-

тельным элементом в русском языке [Тимошина 2015: 10].

Компонент «сердце» присутствует также в ряду: *сердцевина, середка, посреди, средоточие* со значением «внутри», «внутренняя часть». По замечанию этимологов, это значение было кон-цептумом (отправной смысловой точкой) всех полей, связанных с сердцем. Так, в словаре Н. М. Шанского утверждается, что «сердце по-лучило имя по своему местоположению в теле» [Шанский]. В китайском языке эта семема име-ется в словах 花蕊, 花心 (сердцевина цветка, се-редина цветка, тычинки), 白菜心 (кочерыжка от капусты), 手心 (ладонь), 中心 (центр чего-либо). Очевидно, что *сердце-орган* было первичнее *сердца – внутренней части*, поскольку сам иеро-глиф в первоначальном варианте представлял собой почти точный рисунок сердца, а затем трансформировался. Представляется возможным, что и в индоевропейских языках значение органа все же первично.

Внутренняя форма затрагивает не только сло-вообразовательный ярус. По замечанию ученых В. фон Гумбольдта, Э. Кассирера, Н. Д. Голева, Г. Г. Шпета, А. М. Камчатнова, внутренняя фор-ма существует на всех языковых ярусах, пред-ставляя собой закон организации любого типа смысла. Поэтому целесообразно рассмотреть функционирование компонента «сердце» в каче-стве имплицитного, т. е. встроенного в семную структуру других лексических единиц. Если компонент встраивается в широкое поле других единиц, он считается гиперонимом. Компонент-ный анализ более 2000 лексем психической лек-сики русского языка показал, что «сердце» явля-ется имплицитной семой всего кластера. В пра-вой части толкового словаря психической лекси-ки присутствуют следующие семантические множители: *чувство, психическое состояние, психическое свойство*. Разложение данных мно-жителей на семантические компоненты показы-вает наличие семы сердца, так как «любые чув-ства и состояния человека сказываются в его сердце» [Даль 1989б, т. 4: 178]. Неслучайно Ю. Д. Апресян рассматривает *сердце* как обслу-живающий орган всех духовных систем человека [Апресян 1995: 356].

Проследим наличие компонента «сердце» в «визуальном» составе иероглифов. В качестве компонента «сердце» входит в следующий ряд: 想 думать, скучать, желать, 念 скучать, вспоми-нать, 思 думать, 怨 жаловаться, 态 состояние, 忠 zhōng верность, 忌 зависть, 忍 терпение, 志 zhì волноваться, 忑 tè волноваться, 忘 забыть, 志 zhì мечта, воля, 急 спешить, торопиться, 怒 злиться,

恶 зло, 恩 ēn благодеяние, 恳 kěn искренность, 恐 страх, 恋 любовь, 拈 тяжение, 恕 shù прощать, 息 отдыхать, 恙 yàng боль, 患 huàn боль, 惩 chéng наказывать, 愁 chóu тоска, 慈 cí доброта, 感 чувство, 意 смысл, 愚 глупость, 愿 желание, 慧 мудрость, 慰 покой, 悲 печаль.

Второй вариант компонента «сердце» 忄 образует следующий ряд: 害怕 страх, 可怜 жалкий, 恼怒 гнев, 恨 ненависть, 爱情 любовь, 吃惊 удивление.

Как видно, основная часть иероглифов также является психической лексикой.

Кроме того, «сердце» может фигурировать в китайском языке не только имплицитно (в составе одного иероглифа), но и эксплицитно (выступать отдельным словом в сочетании, которое номинирует одно понятие). Синтагматическая сочетаемость представлена следующим рядом: 放心 спокойствие, 担心 волнение (переживание), 粗心 недобросовестность (небрежность), 细心 внимательность, 小心 осторожность, 贴心 бережность, 关心 забота, 心疼 переживание за кого-то, 伤心 огорчение, 恶心 отвращение (тошнота в прямом и переносном смысле), 良心 совесть, 开心 радость, 热心 энтузиазм (доброхотство, добросердечие, дружелюбие), 狠心 безжалостность (жестокость), 恒心 жестокосердие, 善心 добросердечность, 少女心 чувствительность, сентиментальность, 爱心 человеколюбие (любовь к людям), 欢心 веселость, 嫉妒心 зависть, 一心 единство (также искренне – нареч.).

И. А. Сапегина считает, что концепт «сердце» в русском языке связан с эмоциональной сферой в большей степени, чем с мыслительной, а в китайском языке наблюдается тесная связь сердца с мыслительной сферой [Сапегина 2010: 70]. На наш взгляд, подсчет иероглифов с компонентом «сердце» свидетельствует о превалировании психических иероглифов над мыслительными.

2. Зона суггестии культуры.

Паремии, фразеологизмы

Внутреннюю форму концепта следует отграничивать от суггестивных культурных структур типа прецедентных высказываний и текстов. «Обладая языком как хорошо сформированной системой передачи желаний из одной головы в другую, коллектив осуществляет также воспитание и обучение посредством языка (косвенное влияние), закрепляет языком систему ценностей и этических норм, что отчетливо видно во фразеологизмах, фольклоре, литературе, в продуктах СМИ. Здесь уместно говорить о языковой сугге-

стивности, т. е. о применении языковых структур с определенной целью» [Заманова 2023: 220]. Анализ и идеографическая классификация фразеологизмов и паремий может помочь выявить дополнительные поля и слоты концепта, которые не были обнаружены при анализе внутренней формы. Логично ожидать, что паремии и фразеологизмы должны кодировать культурно специфичные смыслы и разница в их идеографической структуре должна быть значительна.

Распределим языковой материал по смысловым полям и сравним содержание каждого поля в двух языках.

Согласно словарю Р. И. Яранцева, сердце не фигурирует в рубрике «Характеристика явлений и ситуаций», а отмечается только в составе психических групп «Эмоции и чувства человека» [Яранцев 1997: 45–56], «Свойства человека и качества его характера» [там же: 57–66].

Р. И. Яранцевым были выделены следующие номинативные поля:

Раздражение: с сердцем, в сердцах. В китайском языке не было найдено фразеологизмов о гневе, но иероглиф 怒 гнев содержит «сердце» непосредственно в графическом изображении.

Желание: сердце лежит / не лежит. Синкретизм мыслей, желаний и чувств отмечается и в некоторых контекстах. Так, фразеологизмы *прийтись по сердцу*, *сердце к кому-то / чему-то рвется*, а также пословицы *Куда сердце лежит – туда и око глядит*, *Куда сердце летит – туда око бежит* [Даль 1989а, т. 2: 224] отражают тот факт, что человек стремится направить свою деятельность к тому, что вызывает в нем желание. В некоторых других контекстах тоже просматривается синкретичное функционирование *сем мыслей, желаний и чувств*. Так, *скрепя сердце* – значит «я не хочу этого делать, но это надо сделать, я думаю об этом не вслух». Сюда можно причислить *оторвать от сердца* (не хотеть давать), *всей душой*, *всем сердцем* (говорящий очень хочет чего-либо).

В китайском языке желания также отождествляются с сердцем: человек хочет чего-то очень сильно, при этом волнуется его сердце, мысли направлены на определенный объект. *全心全意 [quán xīn quán yì]. Желать чего-то всем сердцем, всем душой. 心驰神往 [xīn chí shén wǎng]. Сердце и душа рвутся к чему-либо, куда-то неумолимо стремятся. 合。。。的心意 [hé... de xīnyì]. Быть кому-либо по сердцу, по душе. Нравиться кому-либо* [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Беспокойство: сердце падает, обрывается, отрывается; с замиранием сердца; болеть ду-

шой, сердцем; сердце не на месте [Яранцев 1997]; взять/забрать за сердце [Жуков 1987: 43]. Беспокойство в китайском языке выражается звукоподражанием, повторением слов, копирующих неровный ритм сердца: 人心惶惶 [rén xīn huáng huáng]. Сердце трепещет. 雄心勃勃 [xióng xīn bó bó]. Сердце героя бьется сильно. О высоких идеях, сопровождающихся ускоренным сердцебиением. 忧心忡忡 [yōu xīn chōng chōng]. Сердце от беспокойства переворачивается, волнуется. 惊心动魄 [jīng xīn dòng rò]. Удивить сердце, возмутить душу. О крайней степени удивления [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Огорчение, грусть: скребет на сердце; кошки скребут на сердце. В китайском языке сердце присутствует в составе иероглифа 愁 тоска, также в сочетании 伤心 огорчение, хотя фразеологизмов не найдено.

Страдание: сердце разрывается, сердце рвется на части; сердце кровью обливается; сердце болит; с тяжелым сердцем; нож в сердце. Психофизиологическая боль отражается в следующих фразеологизмах: пронзить сердце (стрелой), ножом по сердцу, (из)ранить сердце. Сердце разбилось, сердце раскололось, сердце треснуло представляют собой метафору целостности (все было хорошо), которая затем перестала существовать. Пословица Слово не стрела, а сердце сквозит [Даль 1989а, т. 1: 363] говорит о том, что слова осуждения, критики от другого человека вызывают отрицательную психическую реакцию, которая, сказываясь на смене ритма сердцебиения, квалифицируется как боль (возможно даже физическая в области сердца), отсюда аналогия с ножом, стрелой, колющим предметом. В китайском языке фразеологизмы о тоске, страдании отражают сокращение сердца как органа, физическую боль в сердце: 忧心如捣 [yōu xīn rú dǎo]. Тоска на сердце, как толкушка. Замедленное сердцебиение, которому предшествовал быстрый ритм (радость, надежда, любовь), легло в основу фразеологизма 心灰意冷 [xīn huī yì lěng]. Сердце испепелилось, мысли заледенели. 心灰意懒 [xīn huī yì lǎn]. Сердце испепелилось, мысли изорвались. О депрессии после неудачи. 归心似箭 [guī xīn sì jiàn]. О тоске по Родине. Сердце, которое хочет домой, словно стрелой пронзенное. 心如刀搅 [xīn rú dāo jiǎo]. Сердце, как ножом исполосовали. 万箭穿心 [wàn jiàn chuān xīn]. Тысячи стрел пронзили сердце [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Страх: с замиранием сердца; сердце уходит в пятки; сердце упало, падает, отрывается, обрывается [Жуков 1987: 153]. В китайском языке

страх описан как заледенение, остановка сердца: 心惊胆战 [xīn jīng dǎn zhàn]. Сердце беспокоится, желчный пузырь трясется. О сильном страхе. 心惊胆落 [xīn jīng dǎn luò]. Сердце замерло, желчный пузырь оборвался (опал). Желчный пузырь распирает, сердце вздрагивает. 心惊肉跳 [xīn jīng ròu tiào]. Сердце тревожится, мышцы трясутся. О крайней степени тревоги, проникающей во все тело [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Обращает на себя внимание элемент «желчный пузырь», который не функционирует в русской картине мира. По некоторым сведениям от информантов, народ заметил, что иногда в бою погибали лошади, хотя у них не было обнаружено ран. При разделывании туш таких лошадей заметили, что их желчный пузырь был разорван от страха. С тех пор орган стали связывать со страхом.

Обида: держать, иметь сердце. В китайском языке фразеологизмы данной рубрики не обнаружены, но существует иероглиф 恼 сердиться, обижаться.

Облегчение: отлегло от сердца; камень с сердца свалился. Покой и облегчение в китайском языке выражается сравнением со спокойной водой: 心同止水 [xīn tóng zhǐ shuǐ]. Сердце, как ровная вода (без волнения). 心满意足 [xīn mǎn yì zú]. Сердце наполнено, желания удовлетворены. О крайней степени довольства и удовлетворенности, блаженстве. 心平气和 [xīn píng qì hé]. Сердце спокойное, дыхание ровное. Об абсолютном покое.

Искренность: открыть сердце; от всего сердца; от чистого сердца; положила руку на сердце; всей душой, всем сердцем; отдать сердце [там же: 155], сердце друга, с чистым сердцем, открыть сердце, облегчить сердце [там же: 275–276]. Искренность и чистота помыслов отмечается и в китайской фразеологии: 赤子之心 [chì zǐ zhī xīn]. Сердце новорожденного дитяти. Существует также большое количество имплицитных выражений об искренности, которые были представлены в первой части статьи [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Доброта: большое сердце. В китайском языке существует фразеологизм 心宽体胖 у толстяка широкое сердце (о доброте).

Терпение: скрепя сердце. В китайском языке отсутствуют фразеологизмы, но есть сочетание иероглифов 耐心 терпение и др.

На основании языкового материала, отобранного нами из корпусов, сайтов и словарей, идеографическая классификация Р. И. Яранцева была дополнена следующими рубриками.

Единство мнений, взглядов: *быть едиными сердцем, сплотиться в едином порыве сердец, братья по сердцу, сплотиться сердцами. Одна думка, одно и сердце.* Поисковик «Яндекс» дает 8 млн результатов по запросу «единение сердец», «единство сердец». Примеры речевого функционирования: *Душой и сердцем мы едины.* Л. Галстян, название стихотворения (стихи.ру). *Мы сердцем едины и непобедимы.* В. Субботин, название статьи (<http://mtaleysk.ru>). *Мы братья по сердцу, // Мы братья по духу, // Нас Бог разлучил, // Разделив наши души! Давид Бас (стихи.ру).* В китайском языке группа о единстве мнений и желаний в коллективе представлена довольно большим количеством фразеологизмов: *协力同心* [xié lì tóng xīn]. *Единая сила, единое сердце. О единомыслии.* 同心合力 [tóng xīn hé lì]. *Единое сердце, общие усилия.* 万众一心 [wàn zhòng yī xīn]. *У толпы единое сердце. О единомыслии, о единстве желаний.* 一心一德 [yī xīn yī dé]. *Одно сердце – одна мораль* [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Усердие: *прилагать сердце к чему, делать что-либо с сердцем, с любовью.* Пример речевого функционирования. *Сбывается всё, о чём мы мечтаем, если прилагать сердце к этой мечте...* (<https://artareaproject.ru>). В китайском языке данный подкласс представлен в зоне внутренней формы иероглифов.

Любовь (на материале русских пословиц): *Не та хороша, что хороша, а та хороша, что к сердцу пришла.* В китайском языке фразеологизмы о любви немногочисленны, однако сфера «сердце – любовь» активно фигурирует в современном песенном дискурсе и в повседневной речи современного носителя.

Внимание и невнимание (на материале русских пословиц): *Чего сердце не заметит, того и глаз не увидит.* В китайском языке фразеологизмов о внимании больше, чем в русском. Многочисленны фразеологизмы, которые отражают целеустремленность, сосредоточенность / рассеянность, небрежность. 心无旁骛 [xīn wú páng wù]. *О сосредоточенности на одном деле;专心致志* [zhuān xīn zhì zhì]. *Целеустремленный человек достигнет многого, а без сосредоточенности ничего не достигнешь.* 心猿意马 [xīn yuán yì mǎ]. *Сердце как обезьяна, мысли как лошадь.* О постоянной смене идей, планов, мыслей, чувств. 漫不经心 [màn bù jīng xīn]. *Не принимать близко к сердцу.* О человеке, который не может сосредоточиться. 漠不关心 [mò bù guān xīn]. *Не прилагай сердца и мыслей к чему-либо.* 小心谨慎 [xiǎo xīn jǐn shèn]. *Маленькое сердце (сжатое, сосредоточенное сердце).* Вниматель-

но и сосредоточенно что-либо делать. Не нужно мечтать о чем-либо постороннем [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Жалость (на материале русских пословиц и поговорок): *сердце кровью обливается, сердце кровью подплывает* [Даль 1989а, т. 1, с. 107], *сердце не камень* [там же: 105]. В данных контекстах отражается сжимающееся ощущение сердца. В китайском языке фразеологизмы и пословицы о жалости не были обнаружены, но есть иероглиф с компонентом сердца 可怜 жалкий, достойный жалости.

Внутренний мир, скрытые чувства, мысли (на материале русских фразеологизмов, пословиц, поговорок): *затаить в сердце, держать на сердце, у сердца нет окна, глазами плачет, а сердцем смеется* [Даль 1989а, т. 2: 151], *голосом завывает, а сердцем кутьи поджидает* [там же: 151], *на языке медок, а на сердце – ледок* [там же: 153], *сердце человека – темные воды.* В китайском языке неискренность, тайные умыслы также связаны с сердцем человека: 口是心非 [kǒu shì xīn fēi]. *Рот – да, а сердце – нет.* На языке мед, на сердце – лед. О двуличном человеке. 别有用心 [bié yǒu yòng xīn]. *Скрытый мотив. Скрытое стремление. Подколенные мысли.* 心口不一 [xīn kǒu bù yī]. *Сердце и уста не едины.* О противоречии в поведении, о лицемерии. Человек говорит одно, а думает – другое. 居心叵测 [jū xīn ěr cè]. *В сердце поселился какой-то умысел.* Невозможно предугадать мысли человека. 推心置腹 [tuī xīn zhì fù]. *Открыть сердце и нутро другому человеку* [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Сердце как средоточие всех мыслей и переживаний, которые трудно узнать и понять другому человеку, выступает во фразеологизме 将心比心 [jiāng xīn bǐ xīn]. *Сравни свое сердце с другим. Представь себя на месте другого человека* [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

Память: *память сердца, зарубить на сердце, выкинуть из сердца, таить в сердце, вошло в сердце, запасть в сердце, запечатлелось на сердце (в сердце), легло на сердце.* Если мы обратимся к рассказу К. Паустовского «Зарубки на сердце», убедимся, что сердце легко восстанавливает связь со смыслом запомнить что-то очень хорошо, прочувствовать, понять, запомнить на всю жизнь. Примечательно, что эпиграфом к этому рассказу взят отрывок из стихотворения К. Н. Батюшкова «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной...». В русском языке есть выражение *память сердца*, которое соответствует фразеологизму китайского языка 刻骨铭心 [kè gǔ míng xīn]. *Зарубка на костях, печать на*

сердце. О том, чего невозможно забыть. Сам иероглиф 记忆 (память) вмещает имплицитный вертикальный компонент «сердце».

Жестокость: волчье сердце, собачье сердце. У тебя волчье сердце, а душа лукавой гадины. Н. Гоголь. Страшная месть (НКРЯ). В китайском языке при описании жестокости также используется сравнение человека и животного. 狗心狗行 [gǒu xīn gǒu xíng]. Собачье сердце – собачьи поступки. 人面兽心 [rén miàn shòu xīn]. Лицо человека, а сердце зверя. О крайне жестоком человеке. 狼心狗肺 [láng xīn gǒu fèi]. Волчье сердце, собачьи легкие [Словарь идиом китайского языка: эл. ресурс].

В ходе анализа фразеологизмов, пословиц и поговорок русского и китайского языков не было выявлено значимых отличий концепта «сердце», и первоначальное предположение о существенной разнице концептов в русском и китайском языках не подтвердилось.

Структура концепта «сердце» полиядерна: мысли, чувства, желания образуют ядро, при этом сами по себе способны образовывать макрополя. Особое место занимает поле «психические свойства человека», которое отделилось от класса чувств.

«Сердце» в основном вступает в номинацию отрицательных психических реакций с интенсивным или, напротив, слишком замедленным сердцебиением, репрезентируя при этом макрополе чувств: страх, душевную боль, злость, беспокойство, жалость. Позитивные психические состояния почти не отражены во фразеологизмах и паремиях с лексемой сердце, поэтому они представляют периферию данного макрополя.

Мыслительный компонент в концепте «сердце» присутствует как в русском, так и в китайском языке. Макрополе «мысли» взаимодействует с макрополем «желания». Оно представлено следующими микрополями: желания, единство мнений и взаимопонимание, усердие, внимание и рассеянность, память, скрытый замысел.

Все выявленные поля входят в класс «психика человека».

Прокомментируем некоторые взгляды исследователей на концепт «сердце».

Сюе Веньбо утверждает, что «сердце в древней китайской философии рассматривалось не только как источник эмоций, но и центр мышления, которым в западной философии служит мозг. Вследствие функции мышления выводятся переносные значения – “орган мышления” и “орган как символ мыслей”, которыми не обладает русское слово *сердце*» [Сюе 2020: 412].

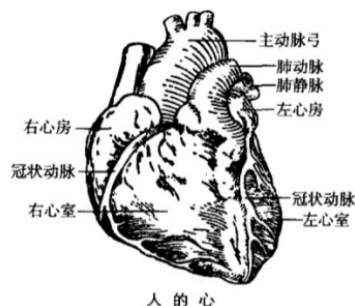
Данное утверждение относится к историческому мышлению. В двух языках сердце связывалось с мыслительной сферой исторически, но по мере развития науки, объединения научной картины мира с обыденной происходило уточнение понятий об устройстве мышления, поэтому в концепте «сердце» мыслительный компонент вытеснился эмоциональным. Мыслительный компонент не утратился полностью, а перешел в понятие «внутреннего», т. е. неслышного, невидимого, непознанного, ср.: в сердце не влезешь, в сердце нет окна (не понятно, о чем думает и что чувствует другой человек) [Даль 1989б, т. 1: 269]. В подтверждение можно привести также работы О. Н. Кондратьевой, в которых находим положение о том, что в древнерусском языке ментальный компонент «сердце» был актуальным [Кондратьева 2005: 82]. М. В. Пименова также заметила, что «и сердце, и душа соотносятся не только с эмоциональной сферой жизни человека, но и его интеллектуальной сферой» [Пименова 2012: 232].

Сюе Веньбо также считает, что в русском языке нет соответствия «сердце-земля», «сердце-растение» [Сюе 2020: 413]. На наш взгляд, подобные соответствия есть. Например, сочетания: *взрастить в сердце, заронить в сердце (семя чего)* суть прямая аналогия *сердце – благодатная почва*. В работе О. Н. Кондратьевой также можно найти примеры ярких древнерусских растительных метафор *сердце-корень, сердце-дерево, сердце-сад, сердце-нива* [Кондратьева 2005: 83].

Недостаточное понимание места мыслительной составляющей в структуре концепта приводит к неточностям перевода. Так, вторая семема статьи «Сердце» Китайского толкового словаря [Толковый... 2016: 1453] (рисунок) переводится как «орган мысли», что приводит нас к заключению: в китайском языке сердце то же, что мозг в русском. Между тем правильный перевод выглядит следующим образом: «Часто сердце выступает как орган, связанный с мышлением, чувствами и подобным: 心思 (мысли в сердце), 心得 (опыт, духовное приобретение), 用心 (старательность), 谈心 (говорить по душам), 一心一意 (одно сердце – одни мысли), 你心想到哪里去了 (досл. Куда это твое сердце собралось идти? // Размечтался! / О чем ты вообще думаешь? / Много ты хочешь! / Показывает на то, что человек стремится к тому, чего больше всего сердцем хочется. Напр., в ситуации диалога: – Поедем на конференцию, погуляем по городу! – Размечтался! Будешь сидеть на секциях, а вечером – в библиотеке!))».

xīn (心)

心 xīn ① 人和高等动物身体内推动血液循环的器官。人的心在胸腔的中部,稍偏左方,呈圆锥形,大小约跟本人的拳头相等,内部有四个空腔,上部两个是心房,下部两个是心室。心房和心室的舒张和收缩推动血液循环全身。也叫心脏。② 通常也指思想的器官和思想、感情等:~思|~得|用~|谈~|~一意|你~想到哪里去了? ③ 中心;中央的部分:江~|圆~|重~。④ 二十八宿之一。⑤ (Xīn)图。姓。

Статья «Сердце» из Толкового словаря
современного китайского языка
The dictionary entry for 'Heart' from the Explanatory
Dictionary of the Modern Chinese Language

Выводы

1. В целом данные свидетельствуют о полном соответствии сигнификативного содержания концепта «сердце» в двух языках. Лексема «сердце» выступает как универсальный гипероним всех понятий психической сферы в китайском и русском языках. Важно осознать, что «сердце» может выступать образом и метафорой в языке, но также является компонентом денотативного пространства сигнификативного содержания всех психических лексем. Таким образом, концепт «сердце» является доминантой базовых психических концептов в классификации М. В. Пименовой [Пименова 2013: 129].

2. Компонент «сердце» может выражаться эксплицитно (в составе словосочетаний и фразеологизмов) и имплицитно (в составе иероглифа, в морфологической структуре слова, а также быть имплицитной семой понятия). Анализ показал, что на уровне внутренних структур каждого языка и на уровне трансляции культурных смыслов в речи концепт реализует аналогичные признаки. Одни и те же семантические признаки могут репрезентироваться в разных формах: то, что выражается в русском эксплицитно, может быть выражено в китайском имплицитно. Так, «жalousть» номинируется в русском языке чаще такими сложными единицами, как пословицы, фразеологизмы с компонентом «сердце», в китай-

ском – «сердце» входит в имплицитную структуру самого иероглифа, также обстоит дело с гневом, любовью. Таким образом, понятийная картина мира совпадает, а семантизированная в языке – отличается.

3. Фразеологизмы в обоих языках показывают более активную номинацию беспокойства, страха, боли с участием лексемы «сердце», менее активную номинацию положительных психических состояний. Объясняется это, на наш взгляд, прагматической функцией фразеологизма – сообщить и побудить слушателя к помощи, незамедлительной реакции, когда говорящему плохо, угрожает опасность, вызвать сочувствие, удивление и т. д. При положительных реакциях такой необходимости не появляется. Кроме того, чем ярвственнее ощущение в области сердца, тем больше номинаций возникает в языке.

4. Концепт имеет полиядро *мысли / чувства / желания* и периферийную зону, представленную как единство микрополей в двух языках аналогичным образом.

5. В обоих языках сердце связано с мыслительной сферой, которая, в свою очередь, сопряжена с желанием, так как реакция сердца параллельна желанию (я думаю, что хочу / не хочу, могу / не могу получить что-либо – следует ускоренное / замедленное сердцебиение). В макрополе мыслей входят микрополя искренности, недоступности мышления (мыслей о желании) для знания другим человеком, памяти и др.

Реакция сердца как органа на любой эмоциональный раздражитель явилась важной составляющей при кодировании сигнификатов психического поля словесными знаками. О. Н. Лагута приводит интересное замечание архиепископа, хирурга Луки Войно-Ясенецкого о том, что сердце не просто мышечный мотор, но орган психоэмоциональной системы человека [Лагута 2003: 118].

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

Список литературы

Абишева Р. А. Контрастивно-когнитивный анализ соматизмов концептов “сердце”, “жүрек”, “heart” / К. М. Абишева, Р. А. Айкенова, К. Х. Абдрахманова [и др.] // Наука и мир. 2019. № 10–1(74). С. 64–68.

Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–51.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка. Попытка системного описания // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и

системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348–388.

Даль В. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худ. литература, 1989а. Т. 1 431 с. Т. 2 447 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989б. Т. 1. 704 с. Т. 2. 782 с. Т. 3. 558 с. Т. 4. 686 с.

Данилова Р. Р. Функционирование концепта «сердце» в эмоционально-чувственной и духовной сферах человека в татарской и русской языковых картинах мира // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 11. С. 228–234.

Динисламова О. Ю. Функционирование лингвокультурного концепта сым 'сердце' в мансийской языковой картине мира // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск: Формат, 2017. С. 106–125.

Ерофеева Л. А. Сердце и душа как ментально-психологические сущности в поэтической картине мира Р. М. Рильке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 2-2. С. 15–17.

Жуков В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров; под ред. В. П. Жукова. М.: Рус. яз., 1987. 440 с.

Заманова И. В. Суггестивность культурного кода текста (на примере лексико-семантического поля «психологическое состояние» в русском языке) // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: материалы II Междунар. науч. конф. (22–23 апреля 2022 г.). М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2023. Вып. 2, ч. 1. С. 213–230.

Кондратьева О. Н. Душа, сердце, ум // Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 80–92.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука. 1994. № 4. С. 34–47.

Лагута О. Н. Метафорическое «мировидение» русскоговорящих // Мир человека и мир языка: колл. монография / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. С. 95–142. (Сер. «Концептуальные исследования». Вып. 2).

Макарова В. Л. Et abigo ea manu cordis: о некоторых метафорических употреблении лексемы сог в «Исповеди» Аврелия Августина // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2010. № 14-2. С. 176–190.

Пименова М. В. Символические признаки в структуре концепта (когнитивные модели «сердце – бог», «сердце – солнце» и «сердце – жертва») // Язык. Текст. Дискурс. 2012. № 10. С. 232–242.

Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2(54). С. 127–131.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Сапегина И. А. Базовая лексическая репрезентация концепта «сердце» в русском и китайском языках // Русский язык за рубежом. 2010. № 5(222). С. 66–70.

Словарь идиом китайского языка (полный). URL: https://guoxue.baike.so.com/query/index?type=idiom&word_inc=%E5%BF%83&wordcount=4&tag=&structure= (дата обращения: 25.03.2023).

Толковый словарь современного китайского языка / Отдел лексикографии Ин-та лингвистики Кит. акад. обществ. наук. Пекин: Комерцпресс, 2016). 1802 с. 现代汉语词典 (第7版). 中国社会科学院语言研究所词典编纂室. 北京: 商务印书馆, 2016年.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2004. 992 с.

Сюе Вэньбо. Сопоставительный анализ структур русского концепта «сердце» и китайского концепта 心 // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2(81). С. 411–413.

Тимошина Д. В. Словообразовательная активность гнезда с этимологическим корнем *сърд- в истории русского языка // Вестник СамГУ. 2015, № 4(126). С. 9–15.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. М., 1960. С. 135–198.

Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/c/сердце> (дата обращения: 20.03.2023).

Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М.: Рус. яз., 1997. 845 с.

References

Abisheva R. A. Kontrastivno-kognitivnyy analiz somatizmov kontseptov 'serdtse', 'zhirek', 'heart' [Contrastive-cognitive analysis of somatic concepts 'serdtse', 'zhirek', 'heart']. K. M. Abisheva, R. A. Aykenova, K. Kh. Abdrakhmanova [et al.]. *Nauka i mir* [Science and World], 2019, issue 10–1(74), pp. 64–68. (In Russ.)

Apresyan V. Yu. Opyt klasternogo analiza: russkie i angliyskie emotsional'nye kontsepty [Cluster analysis of emotive concepts In Russian and English]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2011, issue 1, pp. 19–51. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka. Popytka sistemnogo opisaniya [The image

of a person according to language data. An attempt at a system description]. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow, School of Languages of the Russian Culture Publ., 1995, vol. II Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of language and systemic lexicography], pp. 348–388. (In Russ.)

Dal V. *Poslovitsy russkogo naroda v dvukh tomakh* [Proverbs of the Russian people in two volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989a, vol. 1. 431 p.; vol. 2. 447 p. (In Russ.)

Dal V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]: in 4 vols. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989b, vol. 1. 704 p.; vol. 2. 782 p.; vol. 3. 558 p.; vol. 4. 686 p. (In Russ.)

Danilova R. R. Funktsionirovanie kontsepta 'serdtse' v emotsional'no-chuvstvennoy i dukhovnoy sferakh cheloveka v tatarskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira [Functioning of the concept 'heart' in the emotional, sensual and spiritual spheres of a person in the Tatar and Russian language pictures of the world]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2009, issue 11, pp. 228–234. (In Russ.)

Dinislamova O. Yu. Funktsionirovanie lingvokul'turnogo kontsepta sym 'serdtse' v mansiyskoy yazykovoy kartine mira [Functioning of the linguocultural concept sym 'heart' in the Mansi language picture of the world]. *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa* [Problems and Prospects of Socio-Economic and Ethnocultural Development of the Indigenous Peoples of the North]. Khanty-Mansiysk, Format Publ., 2017, pp. 106–125. (In Russ.)

Erofeeva L. A. Serdtse i dusha kak mental'no-psikhologicheskie sushchnosti v poeticheskoy kartine mira R. M. Ril'ke [Heart and soul as mental and psychological entities in the poetic picture of the world of R. M. Rilke]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Topical Issues of the Humanities and Natural Sciences], 2014, issue 2-2, pp. 15–17. (In Russ.)

Zhukov V. P. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Phraseological Synonyms of the Russian Language]. V. P. Zhukov, M. I. Sidorenko, V. T. Shklyarov; ed. by V. P. Zhukov. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1987. 440 p. (In Russ.)

Zamanova I. V. Suggestivnost' kul'turnogo koda teksta (na primere leksiko-semanticheskogo polya 'psikhologicheskoe sostoyanie' v russkom yazyke) [Suggestiveness of the cultural code of a text (a case

study of the lexical and semantic field 'psychological state' in the Russian language)]. *Slovo. Tekst. Istochnik: Metodologiya sovremennogo gumanitarnogo issledovaniya: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (22–23 aprelya 2022 g.)* [Word. Text. Source: Methodology of Modern Humanities Research: Proceedings of the 2nd International Scientific Conference (April 22–23, 2022)]. Moscow, Kosygin State University of Russia Press, 2023, issue 2, pt. 1, pp. 213–230. (In Russ.)

Kondrat'eva O. N. Dusha, serdtse, um [Soul, heart, mind]. *Antologiya kontseptov* [The Anthology of Concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, vol. 1, pp. 80–92. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka* [The Initial Stages of the Formation of Cognitivism: Linguistics – Psychology – Cognitive Science], 1994, issue 4, pp. 34–47. (In Russ.)

Laguta O. N. Metaforicheskoe 'mirovidenie' russkogovoryashchikh [Metaphorical 'worldview' of Russian speakers]. *Mir cheloveka i mir yazyka* [The World of Man and the World of Language]: a collective monograph. Ed. by M. V. Pimenova. Kemerovo, Kompleks 'Grafika' Publ., 2003, pp. 95–142. (Seriya 'Kontseptual'nye issledovaniya. Vypusk 2 [Series 'Conceptual Studies'. Issue 2]). (In Russ.)

Makarova V. L. Et abigo ea manu cordis: o nekotorykh metaforicheskikh upotrebleniyakh leksemy cor v 'Isповеди' Avreliya Avgustina [Et abigo ea manu cordis: on some metaphorical uses of the cor lexeme in the Confessions of Aurelius Augustine]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2010, issue 14–2, pp. 176–190. (In Russ.)

Pimenova M. V. Simvolicheskie priznaki v strukture kontsepta (kognitivnye modeli 'serdtse – bog', 'serdtse – solntse' i 'serdtse – zhertva') [Symbolic signs in the structure of the concept (cognitive models 'heart – god', 'heart – sun' and 'heart – sacrifice')]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse], 2012, issue 10, pp. 232–242. (In Russ.)

Pimenova M. V. Tipy kontseptov i etapy kontseptual'nogo issledovaniya [Types of concepts and stages of conceptual research]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2013, issue 2–2(54), pp. 127–131. (In Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 2007. 314 p. (In Russ.)

Sapagina I. A. Bazovaya leksicheskaya reprezentatsiya kontsepta 'serdtse' v russkom i kitayskom yazykakh [Basic lexical representation of the concept of 'heart' in the Russian and Chinese languages]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Lan-

guage Abroad], 2010, issue 5 (222), pp. 66–70. (In Russ.)

Dictionary of Chinese idioms (complete). Available at: https://guoxue.baikē.so.com/query/index?type=idiom&word_inc=%E5%BF%83&wordcount=4&tag=&structure= (accessed 25 Mar 2023). (In Ch.)

Xian Dai Han Yu Ci Dian. Explanatory Dictionary of the Modern Chinese Language. Department of Lexicography of the Institute of Linguistics of the Chinese Academy of Social Sciences. Beijing, Komertspress, 2016. 1802 p. (In Ch.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ.)

Xue Wenbo. Sopostavitel'nyy analiz struktur russkogo kontsepta 'serdtse' i kitayskogo kontsepta 心 [A contrastive analysis of conceptual structures of 'heart' In Russian and Chinese]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, and Education], 2020, issue 2(81), pp. 411–413. (In Russ.)

Timoshina D. V. Slovoobrazovatel'naya aktivnost' gnezda s etimologicheskim kornem *s'rd- v istorii russkogo yazyka [Derivational activity of the nest with the etymological root *s'rd- in the history of Russian language]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of the Samara State University], 2015, issue 4(126), pp. 9–15. (In Russ.)

Whorf B. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku. Nauka i yazykoznanie. Lingvistika i logika [The relation of norms of behavior and thinking to language. Science and linguistics. Linguistics and logic]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow, 1960, pp. 135–198. (In Russ.)

Shanskiy N. M. *Etimologicheskii onlayn-slovar' russkogo yazyka* [Etymological Online Dictionary of the Russian Language]. Available at: <https://lexicography.online/etymology/shansky/c/сердце> (accessed 20 Mar 2023). (In Russ.)

Yarantsev R. I. *Russkaya frazeologiya. Slovar'-spravochnik* [Russian Phraseology. Dictionary-Reference Book]. Moscow, Russian language Publ., 1997. 845 p. (In Russ.)

‘Heart’ as a Universal Mental Concept (a Case Study of Chinese and Russian Language Worldviews)

Ilona V. Zamanova

Postgraduate Student at the Department of Russian Language

Pushkin Leningrad State University

10, Peterburgskoe shosse, town of Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russian Federation. lizhecu@163.com

Teacher of the Russian Language and Literature,

Staff Member of the Scientific Center for the Study

of the Russian Language and Literature

Zhengzhou Normal University

6, Ying cai st., building of the Institute of Foreign Languages, Zhengzhou, Henan Province, 450000, China

SPIN-code: 3026-4983

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7612-6433>

Submitted 15 Jun 2023

Revised 04 Aug 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Zamanova I. V. «Serdtsse» kak universal'nyy psikhicheskiy kontsept (na primere kitayskoy i russkoy yazykovoy kartiny mira) ['Heart' as a Universal Mental Concept (a Case Study of Chinese and Russian Language Worldviews)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 13–24. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-13-24 (In Russ.)

Abstract. The article examines the concept 'heart' in the semantic-and-cognitive aspect, identifies nominative components with subsequent comparison of the content in Russian and Chinese. The author proposes an analysis of this concept conducted separately for the zones of correlation and cultural suggestion. The zone of language correlation was studied through an analysis of the internal form of lexemes containing the component 'heart' as well as a component analysis of mental vocabulary, which showed the presence of an invariant hyperseme 'heart'. In Chinese, the correlation zone was studied in accordance with the presence of the component within a hieroglyph or as part of an indivisible combination of hieroglyphs. The suggestion zone was analyzed based on paroemias and phraseological units. The study showed a high level of universality of the conceptual field. However, there are a number of differences established in the linguistic pictures of the world (in the formal structure of the lexicosemantic system): different positions of the 'heart' component in some lexemes and combinations; the implicitness and explicitness of the component do not always coincide; there can be difference in the style-related use of the concept. 'Heart' is a concept functioning as a hyperonym of the whole set of mental vocabulary in both Chinese and Russian. The study refutes the statements that in the Russian language there is no pronounced mental component in the concept 'heart' and that 'heart' does not form metaphors associated with soil and plants, which is observed in Chinese. The article clarifies the translation of the dictionary entry 'heart' in Chinese. The author has identified and compared the nuclear and peripheral zones of the concept, established the central importance of 'heart' in the conceptualization of mental processes. The nuclear zone is polystructural, it consists of the components *thoughts, feelings, desires*. Each of the components is able to form a separate semantic field. The peripheral zone is represented by the components *pity, anger, memory, like-mindedness, speech not out loud*, and others. The frequency-value structure of the nominative field coincides in the two languages. The study was conducted based on the material of 2,000 mental lexemes, 100 phraseological units and proverbs, contexts of the Russian language with the element 'heart', 200 phraseological units, 200 lexemes with the implicit component 'heart' as well as expanded and minimum contexts of the Chinese language selected from dictionaries and Internet sources. The article contains about 60 Chinese phraseological units with the component 'heart' and their translation into Russian, which could also be of interest to researchers studying related topics. The practical significance of the research lies in the possibility of using the material in explanatory and ideographic lexicography related to mental vocabulary and phraseology as well as in courses on the Russian language for foreigners and in the theory of translation.

Key words: semantic multiplier 'heart'; concepts of the inner world of a person; mental vocabulary; contrastive analysis of Chinese and Russian; worldview; somatism; somatic phraseological units.

УДК 811.132'42

doi 10.17072/2073-6681-2024-1-25-36

EDN OFILAZ

Благодарственный лозунг в немецкой политической коммуникации 30–50-х годов XX века

Ольга Вадимовна Запрудская

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта190121, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Декабристов, 35. olgaminjailo@mail.ru

SPIN-код: 5632-6300

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2086-4619>

ResearcherID: HPH-3018-2023

*Статья поступила в редакцию 08.04.23**Одобрена после рецензирования 14.09.23**Принята к публикации 01.12.2023***Информация для цитирования**

Запрудская О. В. Благодарственный лозунг в немецкой политической коммуникации 30–50-х годов XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 25–36. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-25-36

Аннотация. Статья посвящена изучению благодарственных лозунгов в немецкой политической коммуникации. Актуальность работы обусловлена пристальным вниманием к функционально-политическому дискурсу и его потенциальным возможностям воздействия на людей. Цель исследования – рассмотреть функционирование благодарственного лозунга в политической коммуникации, выделить основные структурные и содержательные характеристики, разработать классификацию. Материалом исследования выступили тексты протоколов заседаний немецкого парламента в 30–50-е гг. XX в. В политической коммуникации благодарственные высказывания имеют агитационный характер, поскольку призваны изменить состояние адресата, особенно в тех случаях, где содержится призыв к благодарению, и трансформировать оценочные суждения реципиентов. В классификации типов благодарственных лозунгов в немецкой политической коммуникации выделены призывы, констатации и констатации-призывы. Все они носят декларативный характер. В содержательном аспекте благодарственный лозунг в политической коммуникации может постулировать: саму благодарность; прогностическую благодарность; необходимость выражения благодарности; призыв быть благодарным (эксплицитный/имплицитный призыв); благодарность-манипуляцию; прогностическую неблагодарность. При анализе комбинаторности речевого акта благодарности выявлено, что чаще всего пару смежности они составляют с требованиями, призывами и просьбами. Их комбинаторность обуславливает двустороннее влияние друг на друга и наложение на благодарность характеристик и установок лозунга. Существует несколько типов благодарственных лозунгов, и все они имеют большой воздействующий потенциал, однако их историческая связь с языком нацистской партии привела к снижению их частотности и экспрессивности. Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что она вносит определенный вклад в исследование политического дискурса. Практическая значимость результатов связана с возможностью их применения при обучении иностранному языку студентов гуманитарных специальностей, в частности лингвистов.

Ключевые слова: речевое воздействие; политическая коммуникация; лозунг; агитация; благодарность; благодарственный лозунг.

Функционально-политический дискурс все чаще становится объектом различных прагматингвистических исследований. М. В. Ларионова пишет о направленности функционально-политического дискурса на то, «чтобы путём убеждения, суггестивного воздействия или стратегии манипулирования влиять на социальное поведение, мнения или суждения потенциального электората, призывать к действию или, наоборот, к бездействию в интересах адресанта сообщения» [Ларионова 2020: 121]. Агитация, являясь обязательным компонентом политического идеологического курса, часто осуществляется посредством лозунгов. В связи с изучением особенностей тоталитарного языка предметом исследований многих лингвистов стал лозунг ([Клемперер 1998; Lang 1999; Енина 1996; Левин 1998; Шейгал 2000; Михалева 2009; Тортюнова 2015; Вальтер 2016] и др.). Лозунг оказывает влияние на формирование идеологически заданного мышления электората. Частично речевой акт благодарности, выраженный в форме лозунга, уже рассматривался нами ранее как тактика манипулятивной стратегии в немецкой парламентской политической коммуникации [Запрудская 2022]. Однако ему было уделено наименьшее внимание среди всех аспектов исследования. И нам представляется необходимым изучить природу лозунгов, в том числе благодарственных, подробнее.

Актуальность исследования обусловлена пристальным вниманием к функционально-политическому дискурсу и его потенциальным возможностям воздействия на людей. В отечественной лингвистике практически не отмечаются работы, посвященные изучению агитационного воздействия на массового адресата сообщения речевого акта благодарности, выраженного в форме лозунга.

Цель исследования – рассмотреть функционирование благодарственного лозунга в политической коммуникации, выделить основные структурные и содержательные характеристики, разработать классификацию.

Научная новизна заключается в детальном изучении благодарственных лозунгов как отдельного типа лозунгов, анализе их содержательного аспекта и разработке их классификации, что в результате позволило выявить специфику лозунговой благодарности в немецкой политической коммуникации.

Материалом исследования выступили тексты протоколов заседаний немецкого парламента в 30–50-е гг. XX в.

Лозунг предстает как часть речевого портрета любой политической фигуры. А. П. Чудинов

определяет лозунг как «краткую и ёмкую фразу (способную выполнять задачу привлечения внимания), содержащую основную идею, которую необходимо донести до адресата» [Чудинов 2006: 36]. Похожее определение встречается у М. В. Ларионовой [Ларионова 2020: 122]. Ученые-лингвисты фиксируют в основном устойчивую клишированную форму лозунга и относят его к жанру политических текстов. Лозунг актуализуется в форме утвердительного или восклицательного предложения (иногда вопросительного). К его основным характеристикам относятся: «целенаправленная заданность, информативность содержания и, как правило, оригинальность формы» [там же]. Функция социальной интеграции лозунгов обусловлена направленностью на сплочение сторонников определенной политической идеи или идеологии [Николаева 1995: 85]. В период предвыборной кампании специфика лозунга проявляется в «указании и воплощении одной или нескольких актуальных для определенной группы электората проблем» [Ильясов 2000: 121]. Он содержит в себе акцент, предложение или сообщение конкретной агитационной кампании.

Ю. И. Левин также обращает внимание на то, что «лозунги являются прагматически ориентированными текстами *par excellence*, их основная цель – воздействие на адресата» [Левин 1998: 550]. Функционирование лозунга в политическом дискурсе, отмечает М. В. Ларионова, «подчинено главной задаче – привлечь внимание адресата с целью оказать на него оптимальное воздействие» [Ларионова 2020: 122]. Исследователь говорит о «детерминированности лозунга когнитивно-языковыми и прагматическими характеристиками и конкретным социально-политическим контекстом, в котором он реализуется». Для успешной реализации перлокутивного, или воздействующего, эффекта политического лозунга, под которым понимается «влияние дискурсивного текста на сложившуюся систему суждений и поведение адресата в интересах адресанта», необходим учет адресантом факторов, релевантных при интерпретации текста адресатом [там же]. Воздействующий потенциал лозунга обусловлен такими коммуникативными параметрами, как: 1) групповой субъект, т. е. возможность в лозунговом тексте выразить свою идеологическую позицию через самоотжествление с разными политическими группами; 2) полиадресатность – адресованность как «своим», так и «чужим»; 3) тематическая злободневность, зачастую включенность в политические события; 4) реализация фатической функ-

ции (понимаемой в широком смысле как стремление достичь кооперации с единомышленниками); 5) использование языковых средств и речевых приемов, которые превращают лозунговый текст в инструмент активного воздействия [Васюхник 2017: 68].

К ключевым особенностям лозунга относятся «предельная сжатость» и суггестивность. Его содержательное и структурное своеобразие определяется: «идеологической маркированностью, максимальной эксплицитностью в пропозициональном и аксиологическом плане, эмоциональностью, наличием лозунговых слов; преобладанием простых нераспространенных утвердительно-восклицательных предложений, наличием часто повторяющихся клишированных структур, ритма, рифмы и аллитерации» [Шейгал 2000: 63]. Звуко-ритмическая организация лозунга имеет большое значение для повышения уровня его воздействия и ослабления эффективности фильтров принимающей системы (фасцинативности) [Саленко 1978: 117].

В силу краткости лозунг *не содержит* аргументации (но сам является аргументом. – *Прим. авт.*), «его дискурсивное воздействие актуализируется, как правило, благодаря суггестивному эффекту, который создаётся в результате взаимодействия языковых компонентов и экстралингвистических условий их употребления в конкретном коммуникативно-прагматическом контексте» [Ларионова 2020: 122]. При внушении адресату определенных мыслей и чувств лозунг побуждает его к действию, апеллируя при этом к чувствам и эмоциям, а не к разуму, тем самым обеспечивая программирование необходимого социального поведения.

Ф. Я. Хабибуллина и Г. А. Трапезникова при анализе политических лозунгов-афоризмов приводят функции, которые, на наш взгляд, характерны почти для всех типов лозунгов: «номинативная (констатация определенного положения дел); информационная (информация, отражающая в одной короткой фразе основную идею, которую хочет донести создатель лозунга); побудительная, или директивная (функция воздействия на адресата, форма прямого донесения мысли, мобилизации избирателей для проведения конкретных акций); коммуникативная (информация, цель которой – оказать воздействие на преобразование существующей в сознании адресата картины политического мира, призывая потенциального избирателя к диалогу); аттрактивная (привлечение внимания избирателей и запоминание ими электоральной информации); персуазивная (убеждение избирателя); эмотивная,

или оценочная (выражение эмоций автора и возбуждение эмоций адресата); кумулятивная (хранение и накопление знаний с помощью языка, передача народной мудрости); эстетическая (первостепенное внимание к форме сообщения, к тому, как выражена мысль)» [Хабибуллина, Трапезникова 2016: 110]. На соотношении этих функций применительно к благодарственному типу лозунгов мы остановимся позднее.

Классификация, или типизация, лозунгов в отечественной науке основывается на следующих критериях: 1) «*коммуникативная техника*, используемая при их создании: лозунг-имидж, лозунг-утверждение, лозунг-девиз, лозунг-обещание» [Киселев 2002; Хазагеров 2002; Ложева 2010]; 2) «*императивность*: лозунги прямого действия, содержащие прямое побуждение к действию; утверждение политической идеи и лозунги косвенного действия» [Купина 1999; Енина 1996; Амиров 2002].

И. А. Тортунова (2015) проанализировала типовые мотивы поведения, на которые могут быть ориентированы лозунги, и выделила лозунги, направленные: на самосознание; чувственное (эмоциональное) восприятие; рациональные мотивы; созидание; критику (разрушение) существующего. В основе лозунгов «в содержательном аспекте могут выступать: провозглашение ценностей, ценностный конфликт; декларация реальных или символических целей, призыв к их достижению; использование групповых противоречий и социальных проблем; угроза, заверение, обещание; внушение, убеждение» [Ильясов 2000: 120–121].

Ключевой задачей данной статьи является рассмотрение благодарственного типа лозунга, или лозунговой благодарности. В форме лозунга в политической коммуникации может быть выражен и речевой акт благодарности. В таком случае мы говорим о так называемой **лозунговой благодарности**, когда на речевое высказывание, манифестирующее какую-либо определенную программную идею, наслаивается интенция благодарения (долга или необходимости).

Ранее нами уже было установлено, что «коммуникативные акты благодарности – это акты позитивной оценочности, и при их реализации ожидается повышенный уровень внимания и доверия со стороны адресата, таким образом становится проще осуществлять речевое воздействие, внушая основные идеи, и проще манипулировать сознанием, подменяя идеологические аспекты с негативной коннотацией на более положительные» [Запрудская 2022: 69]. Благодарственные лозунги четкие, лаконичные, направленные, ока-

зывающие безапелляционное воздействие на эмоциональное состояние реципиентов.

В политической коммуникации благодарственные высказывания имеют агитационный характер, поскольку они призваны *изменить состояние адресата*, особенно в тех случаях, где содержится призыв к благодарению, и *изменить оценочные суждения реципиентов*. Благодарственные лозунги как средство агитации или пропаганды всегда имеют под собой существенный стимул (масштабные заслуги, деяния, социально-экономические процессы, являющиеся результатом эффективной деятельности правительственных партий и имеющие важное значение для нации в целом, поддержка избирателем на выборах), и они (лозунги) могут быть в таких случаях как перспективными, так и ретроспективными. Поводы благодарности практически не эксплицируются в самих благодарственных актах, но при этом зачастую отражены в пропозиции. Благодарственные лозунги, как любой вид лозунга, всегда направлены на массового адресата. В качестве адресата, на которого направлено воздействие, выступают: отдельные представители партии, правительственные партии, народ, отдельные персоналии.

Однако благодарственные лозунги редко функционируют в чистом виде и часто представлены повествовательными предложениями, пространственными определенным количеством лозунговых слов, которые используются намеренно и служат для повышения уровня экспрессивности речи. Любое высказывание, дополненное *лозунговыми словами*, есть речевая форма, стремящаяся к лозунгу, имеет ту же цель привлечения внимания и агитационного и пропагандистского воздействия и, как любое высказывание, служит для передачи информации. Лозунговые слова в языковой ткани любого высказывания играют особую роль [Шейгал 2000; Михальская 1996; Bosmajian 1983]. В тексте лозунга они являются ключевыми, «они положительно эмоционально окрашены, имеют большой персуазивный потенциал и создают у реципиента положительное отношение к тексту и его отправителю» [Михальская 1996: 155–156]. Эквивалентом лозунговых слов в немецком языке является термин *Schlagworte* («ударные слова») [Шейгал 2000: 349]. Х. Босмаджан, анализируя лозунговые слова в нацистской пропаганде, отмечает, что «ударная сила таких слов притупляла критические способности слушателей», и нацисты использовали слова «не как мосты к разуму слушателей, а как гарпуны, которые должны вонзиться в мягкую плоть их подсознания»

[Bosmajian 1983: 18]. В благодарственных лозунгах, которые были проанализированы нами, преобладают следующие лозунговые слова: *Generation, Volk, Bevölkerung, Deutschland, Arbeiterschaft, Zukunft/zukünftige, Dank, Reichstag, Dank des Landes, Dank des Vaterlandes*. Последние, например, делают речь более патетичной и акцентирующей внимание.

Если применить содержательные характеристики лозунгов к благодарственным, то мы увидим, что они релевантны. Так, *максимальная эксплицитность благодарственных лозунгов* раскрывается в однозначности их трактования. Не может быть в таких высказываниях никакого варьирования смысла, иронических усмешек или намеков. Благодарность становится *безоговорочной* и *масштабной*, и такие лозунги всегда содержат в себе сему благодарения. *Тематическая однофокусность* благодарственных лозунгов связана не с тем, что благодарность выражает общее позитивное состояние, сопряженное с ее фатическим аспектом, т. е. ее направленностью на установление и поддержание контакта, а с тем, что она есть конкретное предписание за определенный повод или стимул. И призыв к благодарению становится способом привлечь на свою сторону нейтральный электорат, своих сторонников и оппонентов, а также возвысить собственный авторитет. *Аксиологическая маркированность* связана с идеологической заданностью коммуникативных актов благодарности и предусматривает намеренное акцентирование партией или государством в целом поводов благодарения. Так, поощряться будет то, что сопряжено с деятельностной стратегией государства, например, труд на благо Родины или помощь народу. В то же время предусматривается, что обе стороны коммуникации – как адресант (государство), так и адресат (народ) – в равной мере трактуют и оценивают те или иные глобальные действия и процессы, за которые может быть выражена благодарность. В иных случаях мы говорим *об искажении смыслов и намеренной подмене понятий и манипулятивном использовании благодарственных лозунгов*. *Эмотивный аспект* политического благодарственного лозунга связан с самой природой речевого акта благодарности, в основе которого лежит позитивная оценочность, и, «в связи с тем, что политический лозунг – это всегда эмоционально окрашенное, оценочное высказывание, воздействующее на эмоциональную сферу адресата и подготавливающее благоприятную почву для продвижения новых установок» [Хабибуллина, Трапезникова 2016: 114], именно благодар-

ственный лозунг оптимально подходит для реализации этой цели.

В ходе анализа материала нами было установлено, что в содержательном аспекте **благодарственный лозунг в политической коммуникации** может постулировать:

– саму благодарность (*Dank gebührt nur Ihnen!*);

– прогностическую благодарность (*Die nächste Generation wird Ihnen dankbar sein; Ihre Wähler werden es Ihnen danken*);

– необходимость выражения благодарности;

– призыв быть благодарным (эксплицитный/имплицитный призыв);

– благодарность-манипуляцию, часто выраженную с помощью сослагательного наклонения *Konjunktiv* (*Die betroffene Bevölkerung wäre dafür sehr dankbar* или *Geführt sind aber auch, was insbesondere die Rückführung unserer Kriegsgefangenen aus dem Ausland nach Deutschland angeht, die Geschäfte von Herren, die sich, glaube ich, der Dankbarkeit des ganzen deutschen Volkes verschern müssen*);

– прогностическую **неблагодарность** (*Sie werden nicht dankbar; Was haben wir für Siege errungen im Westen, Osten, Süden, überall in Europa! Und dann ist unser Volk undankbar geworden*).

Нам также представляется целесообразным рассмотреть **классификацию благодарственных лозунгов**. На основании иллюкативной цели Х. Вальтер выделяет: лозунги-призывы, лозунги-пожелания, лозунги-констатации, лозунги-патетики. Превалирующей функцией у всех типов является «призывность», и выражена она прямо или косвенно во всех случаях [Вальтер 2016: 41]. Лозунги *этикетного* и «*благодарственного*» типа, по мнению Вальтера, можно отнести именно к группе лозунгов-пожеланий. «Теоретически лозунги-констатации должны содержать определенную объективацию элементов действительности, однако и здесь имплицитруемая ими «призывность» делает практически каждую констатацию, заключенную в них, глобализированной, а следовательно, субъективной» [там же]. В лозунгах-констатациях имплицитруемая «призывность» объясняет тот факт, что количественно они не уступают первой группе лозунгов-призывов, прямо призывающих адресата совершить что-либо [Lang 1999: 25]. Лозунги-констатации относятся к *декларативным*, так как они содержат представление о ценностях и предпо-

чтениях и провозглашают политическую позицию [Шейгал 2000: 353]. Е. И. Шейгал говорит о том, что «декларативные лозунги типичны для стационарных лозунговых жанров, в них превалирует не агитационная, а *пропагандистская функция*, которая содержит в себе элемент дидактичности (просветительства)» [там же]. Она также рассматривает высказывания квалификативно-идентифицирующего типа как отдельную разновидность декларативных лозунгов и относит экспрессивные речевые акты благодарности, репрезентированные в лозунговой форме, к типу декларативных лозунгов.

Опираясь на типологию Х. Вальтера и Ю. И. Левина, который выделяет три группы лозунгов (призывы, здравицы, констатации) [Левин 1998: 542], мы можем выделить среди благодарственных лозунгов:

– **призывы** (*Machen Sie Neuwahlen dann wird Ihnen das Volk dankbar sein!*), реализующие функцию побуждения адресата к действию;

– **констатации** (*Die Rettung des Vaterlandes aber wird dereinst euer Dank sein!; Er verdient unseren höchsten Dank!* – очевидно, что призыв имплицитен, но подразумевается);

– и одновременно **констатацию-призыв** (*Diesen Dank hier abzustatten, ist Pflicht jeder nationalen Partei!*).

Кроме этого, в качестве особой разновидности выделяются лозунги, которые образуются **посредством формы будущего времени глагола** и выполняют прогностическую функцию (*Das Volk wird Ihnen danken!*). Возможна также ситуация, при которой констатирующий лозунг является одновременно призывом к одобрению и согласию с вносимыми предложениями: *Die dortige Wohnbevölkerung dankt Ihnen, wenn Sie dem Richtplaneintrag zustimmen, mit dem Zusatz des Minderheitsantrags drei*. В данном случае навязывается идея того, что будущая пропозиция имеет заведомо положительную оценку и за нее будет выражена благодарность *die dortige Wohnbevölkerung dankt Ihnen*. При условии выполнения предложения *wenn Sie dem Richtplaneintrag zustimmen, mit dem Zusatz des Minderheitsantrags drei* лозунг, представленный в форме проспективной благодарности, становится существенным аргументом в персуазивной коммуникации.

На основании вышесказанного можно представить классификацию благодарственных лозунгов следующим образом (рис. 1).

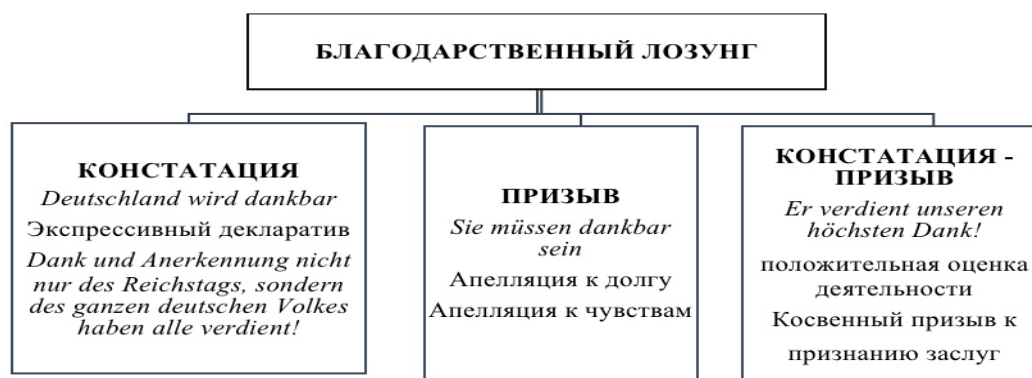

Рис. 1. Классификация благодарственных лозунгов

Fig. 1. Classification of gratitude slogans

Наиболее ярким примером использования благодарственных лозунгов для агитационного и пропагандистского воздействия являются высказывания рейхсфюрера Германии, который «использовал благодарственные лозунги, манипулируя сознанием людей и внушая им основные догматы проводимой политики и побуждая их к определенным действиям» [Запрудская 2022: 69]. Используя благодарность, он имплицитно манипулировал человеческим сознанием: *Die Rettung des Vaterlandes aber wird dereinst euer Dank sein* (имплицитный призыв к действиям, направленным на подвиги во имя спасения Родины); *Ich danke euch für euere treue Pflichterfüllung. Gehorcht auch im Neuen Jahr der ewigen Losung: Alles für Deutschland!* – констатация заслуг адресата благодарности (народа) и сразу же призыв к безоговорочному повиновению и служению стране; *Und Gott sei Dank, wir sind heute auch stark genug, um uns selbst schützen zu können!* В лозунге, в котором фюрер признает и внушает народу, что у страны есть силы защищаться, в первую очередь выражается благодарность высшим силам, которые играли значительную роль в его пропагандистской деятельности и символизировали его сверхпредназначение. Основными идеями лозунгов в коммуникативных актах благодарности во времена фашистской Германии выступают: идея создания «новой» Германии, идея спасения и защиты Родины, всё для Германии, идея абсолютной верности и преданности, идея исполнения долга перед фюрером и страной. В основном «эти лозунги, отражающие фундаментальные категории, направлены на подмену понятий Родина – А. Гитлер и его политический режим; на то, что служение режиму сопряжено с идеей счастья; на внушение идеи и долга быть верным и преданным, и в этих лозунгах благодарность как речевая тактика позитивного позиционирования и тактика конструирования надцели (сверхцели) вплетена в общую стратегию самопрезентации А. Гит-

лера, стратегию презентации будущего Германии» [там же: 70].

Как мы уже писали ранее, функционирование прямых, изолированных от других речевых актов благодарственных лозунгов встречается довольно редко. Также редко в немецком парламентском дискурсе встречается восклицательная форма. В отрывке *Dank und Anerkennung nicht nur des Reichstags, sondern darüber hinaus des ganzen deutschen Volkes haben alle verdient, die sich an diesen Werken beteiligt haben, alle die bedeutenden Männer der Wissenschaft und Praxis* «включение в благодарность еще одного адресанта des ganzen deutschen Volkes происходит с помощью парного противительного союза nicht nur /sondern, который только усиливает интенцию долга немецкого народа обязательно выражать благодарность выдающимся деятелям науки и практики» [там же]. При этом функция противительного союза заключается в смещении фокусировки внимания *Reichstag – ganzes deutsches Volk*. Другими словами, груз благодарности перекладывается с немецкого парламента еще и на плечи всего немецкого народа. Усилению способствует количественная гипербола *ganzes deutsches Volk*.

Другой вопрос, который касается классификации благодарственных лозунгов, напрямую связан с тем, что высказывания с интенцией благодарности часто образуют пару смежности с другим речевым актом, в составе которого актуализируется лозунг. Поскольку лозунг выражен краткой, емкой клишированной и эмоционально окрашенной фразой, то и акт благодарности, предваряющий лозунг, получает от него дополнительный эмоциональный заряд и сам становится частью лозунга. К тому же благодарность усиливает следующий за ней лозунг, и это связано в первую очередь с ее эмотивной функцией, например: *So spreche ich euch denn als des deutschen Volkes Führer und des Reiches Kanzler im Namen aller Deutschen, deren Sprecher ich in diesem Augenblicke bin, den Dank der Nation aus und*

versichere euch des Glückes, das uns in dieser Stunde bewegt, da ihr nun wieder bei uns sein werdet als Söhne unseres Volkes und Bürger des neuen Deut-

schen Reiches!. В данном случае мы наблюдаем триаду: речевой акт благодарности, промиссивный речевой акт и лозунг (рис. 2).

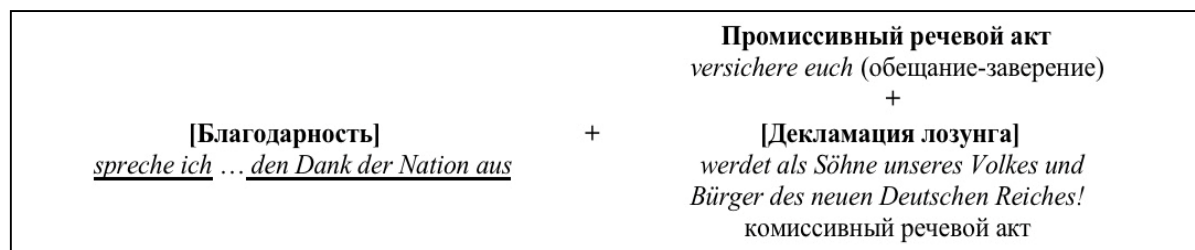

Рис. 2. Комбинаторность речевого акта благодарности с промиссивным актом и лозунгом-обещанием
 Fig. 2. The speech act of thanking accompanied by an act of promising and a commissive slogan

Подобная ситуация встречается в комбинации директивного (реквестивного) речевого акта просьбы и лозунга, выраженного речевым актом благодарности: *Deshalb bitte ich den Bundesrat dringend, bald wirkungsvolle Beschlüsse zu fassen. Ich bin überzeugt davon, dass ihm der Großteil des Schweizervolkes dankbar dafür sein wird!* При призыве оратор приводит аргумент в форме убежденности (*ich bin überzeugt davon*) в будущей благодарности со стороны большей части швейцарского народа (*ihm der Großteil des Schweizervolkes dankbar dafür sein wird*). Такая лозунговая благодарность является манипуляцией со стороны коммуниканта и используется как аргумент для убеждения федерального совета в своей позиции и побуждения его принять решения. При этом лозунг используется именно для усиления просьбы через воздействие на эмоциональную сторону восприятия адресата.

Призывы и девизы близки к лозунгам и чаще всего включаются в речи как лозунги. Поэтому в коммуникативном фрагменте *Jeder von uns im Saal brauchte einmal eine Bildung, vielleicht sogar eine Weiterbildung. Wer bisher auf Spital und Pflege verzichten konnte, kann sich glücklich schätzen. Gewiss jeder von uns wird einmal froh und dankbar sein, wenn ihm geholfen wird. Wir müssen unseren Einfluss geltend machen, dass wir Gesetze und Kontrollorgane haben, die einen Missbrauch aufdecken und zu verhindern wissen* девиз *Gewiss jeder von uns wird einmal froh und dankbar sein, wenn ihm geholfen wird* становится лозунгом государственной политики, при котором каждый имеет право на получение медицинской помощи, и эта идея далее раскрывается в программном заявлении и требовании необходимости использования законодательных и контролирующих органов в области здравоохранения (рис. 3).

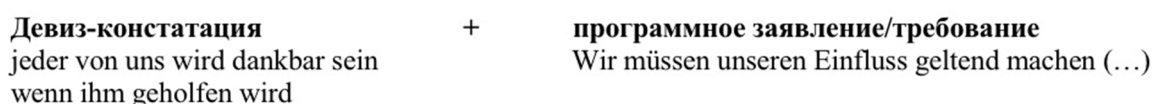

Рис. 3. Благодарственный лозунг и программное заявление/требование
 Fig. 3. A gratitude slogan and a mission statement/ requirement

В следующем примере мы можем наблюдать лозунг-призыв и усиливающий и подтверждающий его благодарственный лозунг-констатацию: *Gehen wir den richtigen Weg und legen wir uns nicht unnötige Steine in den Weg. Die zukünftigen Generationen werden es uns danken* (констатация положительного исхода положения дел) (рис. 4).

Таким образом, речевой акт благодарности чаще всего следует после лозунгов-просьб, призывов, требований или предшествует им (рис. 5).

Анализ материала позволил нам установить, что к прототипической/типовой формуле благодарственного лозунга можно отнести следующие шаги: Адресант, Стимул/повод (обязательно бенефактивный), сама Благодарность (рис. 6).

Призыв	+	[Благодарность - лозунг] (прогностическая)
<i>Gehen wir den richtigen Weg und legen wir uns nicht unnötige Steine in den Weg</i>		<i>Die zukünftigen Generationen werden es uns danken.</i>

Рис. 4. Призыв и подтверждающий лозунг-благодарность

Fig. 4. An appeal and a gratitude slogan

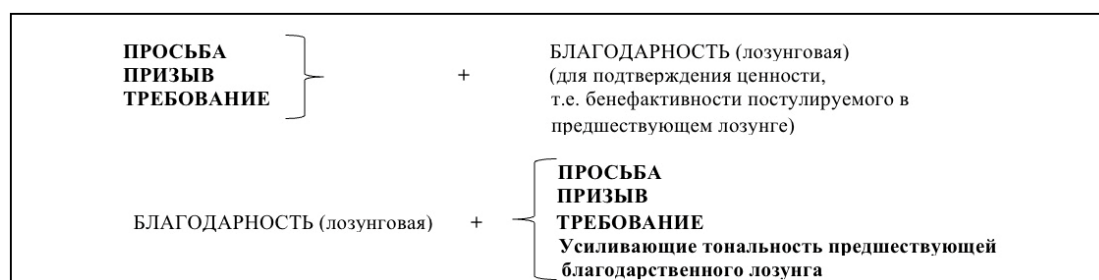

Рис. 5. Комбинаторность речевого акта благодарности

Fig. 5. Combinability of the speech act of thanking

(1) Кто	(кому)*	(2) за что	(3) благодарен должен быть благодарен будет благодарен должен быть отблагодарён заслуживает благодарности и т. д.
---------	---------	------------	---

Рис. 6. Прототипическая формула благодарственного лозунга

Fig. 6. The prototypical form of a gratitude slogan

Промежуточным необлигаторным шагом может являться директивное указание адресата благодарности.

Остается ответить на главный вопрос: когда коммуникативный акт благодарности в политической коммуникации выступает как лозунг в персуазивной коммуникации, а когда является лишь частью фатической коммуникации? Чаще всего вплетенный в речевое полотно коммуникативный акт благодарности используется намеренно для речевого воздействия, направленного на массового адресата. Поскольку намеренная актуализация речевого акта благодарности политиком часто манипулятивна, то он (речевой акт) становится частью идеологической политической программы. Благодарность именно как благо для государства и для народа в равной степени становится неким смысловым ядром высказывания, обращенным на прошлый или будущий результат определенной деятельности конкретной группы людей, и используется политическим деятелем для усиления собственного имиджа и авторитета (стратегия самопрезентации). При этом влияние данной деятельности будет пози-

тивно/бенефактивно для всех участников коммуникации, даже если адресат дистанцирован. К концу эпохи существования Третьего рейха благодарственные лозунги видоизменились, их очевидные признаки стерлись, и большую часть таких лозунгов можно назвать благодарственными лишь косвенно. Их проявленность в речи едва ли можно сравнить с функционированием таких экспрессивных пропагандистских форм лозунга, как, например, *Die Rettung des Vaterlandes aber wird dereinst euer Dank sein!* Часто их можно спутать с рядовыми актами благодарности, однако их ситуационное употребление и наличие у них определенных лозунговых лексем, связанных с Anerkennung, Vaterland, Volk, Generation, Arbeit, Hilfe, позволяет нам относить их к политическому жанру лозунгов. Вместе с тем их частотная комбинаторность с актами просьбы и призыва, а также употребление наряду с очевидными структурным и содержательным признакам лозунгами лишь способствует повышению силы внушения и убеждения адресата в необходимости предлагаемых/навязываемых решений и действий.

Выводы

В немецкой политической коммуникации речевой акт благодарности (прямой и косвенный) может быть выражен в форме лозунга. Благодарственный тип лозунга, или лозунговая благодарность, представляет собой речевое высказывание, манифестирующее какую-либо определенную программную идею, на которое наслаивается интенция благодарения (долга или необходимости). Подобные благодарственные высказывания имеют агитационный характер, поскольку они направлены на изменение состояния адресата, особенно в тех случаях, где содержится призыв к благодарению, и на изменение оценочных суждений реципиентов. Прототипическая формула такого лозунга включает следующие шаги: Адресант, Стимул/повод (обязательно бенефактивный), сама Благодарность – и выражает идею о том, кто за что благодарен, должен быть благодарен, будет благодарен, должен быть отблагодарен, заслуживает благодарности и т. д. Промежуточным необлигаторным шагом может являться директивное указание на того, кому должна быть выражена благодарность адресанта (или на кого направлена). Поводы благодарности практически не эксплицируются в самих благодарственных актах, но при этом зачастую отражены в пропозиции. В содержательном аспекте благодарственный лозунг в политической коммуникации может постулировать: саму благодарность; прогностическую благодарность; необходимость выражения благодарности; призыв быть благодарным (эксплицитный/имплицитный призыв); благодарность-манипуляцию; прогностическую неблагодарность. В благодарственных лозунгах в период 30–50-х гг. преобладают следующие лозунговые слова: *Generation, Volk, Bevölkerung, Deutschland, Arbeiterschaft, Zukunft/zukünftige, Dank, Reichstag, Dank des Landes, Dank des Vaterlandes*. Благодарственные лозунги можно классифицировать как констатации, призывы, констатации-призывы, все они являются декларативными. Чаще всего пару смежности они составляют с требованиями, призывами и просьбами. Их комбинаторность обуславливает двустороннее влияние друг на друга и наложение на благодарность характеристик и установок лозунга. Всё вышеизложенное и тот факт, что лозунговая благодарность предстает в политической коммуникации не как фатическая, а как персуазивная, направленная на изменение оценочных суждений массового адресата и имеющая манипулятивный и агитационный характер, позволяет нам отнести лозунговую благодарность к определенной разновидности политических лозунгов.

Список источников

Verhandlungen des Deutschen Reichstags. URL: <https://www.reichstagsprotokolle.de/rthbiiizu.html> (дата обращения: 20.12.2022).

Die Kabinettsprotokolle der Bundesregierung. URL: <https://www.bundesarchiv.de> (дата обращения: 20.12.2022).

Die Protokolle der Plenarsitzungen des Bundesrates. URL: <https://www.bundesrat.de/DE/service/archiv/pl-protokoll-archiv/pl-protokoll-archiv-node.html> (дата обращения: 23.12.2022).

Список литературы

Амиров В. М. Агитационный предвыборный свертхтекст: организация содержания и стратегии реализации: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 228 с.

Вальтер Х. Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса // Медиалингвистика. 2016. № 3(13). С. 33–45.

Васюхник К. С. Лозунг как коммуникативная технология политического дискурса // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 17 / науч. ред. А. А. Малышев. СПб., 2017. С. 63–68. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32326891_74143350.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

Енина Л. В. Коммуникативная форма современного лозунга // Российская журналистика – от «Колокола» до «Спид-инфо»: к 60-летию факультета журналистики Урал. гос. ун-та. / ред.-сост. Л. М. Макушин. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. С. 137–139.

Запрудская О. В. Благодарность в политической коммуникации как средство манипуляции и суггестии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2022. Т. 19, № 2. С. 65–72. doi 10.14529/ling220209

Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М.: Имп-пресс, 2000. 200 с.

Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 242 с.

Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с. URL: https://imwerden.de/pdf/klemperer_yazyk_tretjego_reicha_1998__ocr.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 176 с.

Ларионова М. В. Лозунг в испанском политическом дискурсе: когнитивно-языковое и прагматическое измерение // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 23, № 3. С. 121–128. doi 10.24833/2410-2423-2020-3-23-121-130

Левин Ю. И. Семиотика советских лозунгов // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 542–558.

Ложева Н. В. Языковые особенности и коммуникативные типы политического слогана конца XX – начала XXI века: дис. ... канд. филол. наук. Нижневартонск, 2010. 233 с.

Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительноисторической риторике: учеб. пособие для студ. гуманит. фак. М.: Academia, 1996. 189 с.

Николаева Т. М. Качели свободы/несвободы: трагедия или спасение? // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тез. конф. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1995. С. 83–88.

Саленко И. И. Языковая фасцинация // Общественное: теоретические и прагматические проблемы. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1978. С. 117–124.

Тортунова И. А. Жанрово-стилистический портрет современного политического лозунга // Научный диалог. 2015. № 9(45). С. 100–111.

Хабибуллина Ф. Я., Трапезникова Г. А. Функционирование афоризмов-лозунгов в политическом дискурсе разнотипных языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 106–121.

Хазарегов Г. Г. Политическая риторика. М.: Николо-Медиа, 2002. 313 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

Bosmajian H. A. The Language of Oppression. New York; London: University Press of America, 1983. 156 p.

Lang E. Wendehals und Stasilaus. Demosprüche vor der Wende. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1999. 128 s.

References

Amirov V. M. Agitatsionnyy predvybornyy sverkh-tekst: organizatsiya soderzhaniya i strategii reali-

zatsii. Diss. kand. filol. nauk [Agitational pre-election supertext: Organization of the content and the realization strategy. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2002. 228 p. (In Russ.)

Walter H. Lozung kak rechevoy zhanr publitsisticheskogo diskursa [Slogan as a speech genre in the publicistic discourse]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2016, vol. 13, issue 3, pp. 33–45. (In Russ.)

Vasyukhnik K. S. Lozung kak kommunikativnaya tekhnologiya politicheskogo diskursa [Slogan as a communicative technology of political discourse]. *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzglyad molodykh issledovateley* [Contemporary Media Environment: Traditions, Current Practices and Tendencies. Young Researchers' View]: an inter-university collection of scientific papers of students and postgraduate students. Issue 17. Ed. by A. A. Malyshev. St. Petersburg, 2017, pp. 63–68. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32326891_74143350.pdf (accessed 15 Feb 2023). (In Russ.)

Enina L. V. Kommunikativnaya forma sovremennogo lozunga [Communicative form of the modern slogan]. *Rossiyskaya zhurnalistika – ot 'Kokkola' do 'Spid-info': k 60-letiyu fakul'teta zhurnalistiki Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. M. Gor'kogo* [Russian Journalism – from the 'The Bell' to 'The Spid-info': on the occasion of the 60th anniversary of the foundation of the Journalism Faculty at Ural State University named after A. M. Gorky]. Comp. and ed. by L. M. Makushin. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 1996, pp. 137–139. (In Russ.)

Zaprudskaya O. V. Blagodarnost' v politicheskoy kommunikatsii kak sredstvo manipulyatsii i suggestii [Gratitude in political communication as a means of manipulation and suggestion]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 'Lingvistika'* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2022, vol. 19, issue 2, pp. 65–72. doi 10.14529/ling220209 (In Russ.)

Il'yasov F. N. *Politicheskiy marketing. Iskustvo i nauka pobezhdat' na vyborakh* [Political Marketing. Science and Art to Win Elections]. Moscow, IMA-press, 2000. 200 p. (In Russ.)

Kiselev K. V. *Politicheskiy slogan: problemy semanticheskoy politiki i kommunikativnaya tekhnika* [Political Slogan: Problems of Semantic Policy and the Communicative Technique]. Yekaterinburg, Ural Branch of RAS Publ., 2002. 242 p. (In Russ.)

Klemperer V. *LTI. Yazyk Tre'tego reykh: Zapisnaya knizhka filologa* [The Language of the Third Reich. A Philologist's Notebook]. Transl. by A. B. Grigor'ev. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 1998. 384 p. Available at: <https://www.imwerden.ru>

de/pdf/klemperer_yazyk_tretjego_reicha_1998__ocr.pdf (accessed 17 Jan 2023). (In Russ.)

Kupina N. A. *Yazykovoe soprotivlenie v kontekste totalitarnoy kul'tury* [Language Resistance in the Context of Totalitarian Culture]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 1999. 176 p. (In Russ.)

Larionova M. V. Lozung v ispanskom politicheskom diskurse: kognitivno-yazykovoe i pragmaticheskoe izmerenie [Slogan in the Spanish political discourse: cognitive, linguistic and pragmatic dimension]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Linguistics & Polyglot Studies], 2020, vol. 23, issue 3, pp. 121–128. doi 10.24833/2410-2423-2020-3-23-121-130 (In Russ.)

Levin Yu. I. Semiotika sovetskikh lozungov [The Semiotics of Soviet Slogans]. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow, LRC Publishing House, 1998, pp. 542–558. (In Russ.)

Lozheva N. V. *Yazykovye osobennosti i kommunikativnye tipy politicheskogo slogana kontsa XX – nachala XXI veka*. Diss. kand. filol. nauk [Language features and communicative types of political slogan of the late 20th – early 21st centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhnevartovsk, 2010. 233 p. (In Russ.)

Mikhaleva O. L. *Politicheskii diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political Discourse. The Specific Features of Manipulative Influence]. Moscow, Knizhnyy dom 'Librokom' Publ., 2009. 256 p. (In Russ.)

Mikhal'skaya A. K. *Russkiy Sokrat: Lektsii po sravnitel'noistoricheskoy ritorike*: [Russian Socrates: Lectures on Comparative and Historical Rhetoric]: a textbook for students of the humanities faculties. Moscow, Academia Publ., 1996. 189 p. (In Russ.)

Nikolaeva T. M. Kacheli svobody/nesvobody: tragediya ili spasenie? [A swing of freedom/unfreedom: tragedy or salvation?]. *Rechevye i mental'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii*: Tez. konf. In-t slavyanovedeniya i balkanistiki RAN

[Speech and Mental Stereotypes in Synchrony and Diachrony]: a conf. abstracts. Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 1995, pp. 83–88. (In Russ.)

Salenko I. I. *Yazykovaya fastsinatsiya* [The Fascination of Language]. *Obshchenie: teoreticheskie i pragmaticheskie problemy* [Communication: Theoretical and Pragmatic Problems]. Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences Publ., 1978, pp. 117–124. (In Russ.)

Tortunova I. A. Zhanrovo-stilisticheskii portret sovremennogo politicheskogo lozunga [A genre-and-stylistic portrait of modern political slogan]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2015, vol. 45, issue 9, pp. 100–111. (In Russ.)

Khabibullina F. Ya., Trapeznikova G. A. Funktsionirovanie aforizmov – lozungov v politicheskom diskurse raznostrukturnykh yazykov [Aphorism-slogans functioning in political discourse of languages with different structures]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2016, issue 2, pp. 106–121. (In Russ.)

Khazagerov G. G. *Politicheskaya ritorika* [Political Rhetoric]. Moscow, Nikolo-Media Publ., 2002. 313 p. (In Russ.)

Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]: a textbook. 2nd rev. ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 256 p. (In Russ.)

Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Diss. d-ra filol. nauk [The semiotics of political discourse. Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2000. 431 p. (In Russ.)

Bosmajian H. A. *The Language of Oppression*. New York & London, University Press of America, 1983. 156 p. (In Eng.)

Lang E. *Wendehals und Stasi-Laus. Demokratische Sprüche vor der aus der DDR*. [Democratic Slogans from the GDR]. Munich, Wilhelm Heyne Verlag, 1999. 128 p. (In Ger.)

Gratitude Slogans in German Political Communication in the 1930s – 1950s

Olga V. Zaprudskaya

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages

Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health

35, Dekabristov st., St. Petersburg, 190121, Russian Federation. olgaminjailo@mail.ru

SPIN-code: 5632-6300

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2086-4619>

ResearcherID: HPH-3018-2023

Submitted 08 Apr 23

Revised 14 Sep 23

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Zaprudskaya O. V. Blagodarstvennyy lozung v nemetskoj politicheskoy kommunikatsii 30–50-kh godov XX veka [Gratitude Slogans in German Political Communication in the 1930s – 1950s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 25–36. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-25-36 (In Russ.)

Abstract. The article deals with gratitude slogans in German political communication and aims to analyze the functions of such slogans, to identify their fundamental features related to their structure and the meanings they can convey, and to classify the slogans. Data for this study were collected from the minutes of the German governments' meetings held between 1930 and 1959. Utterances expressing gratitude in political communication are motivational and inspirational in nature because they are aimed at changing the recipient's emotional condition and are used to change the audience's attitude toward the problem discussed. The article pays much attention to the classification of gratitude slogans into different types. Such slogans used in political communication in Germany can be divided into three groups: appeals, statements, and slogans comprising the qualities of both appeals and statements. Slogans of all the three types are declarative in nature. In terms of content, a gratitude slogan in political communication can convey: gratitude itself; prognostic gratitude; the need to express gratitude; an appeal to be grateful (can be expressed both implicitly and explicitly); gratitude-manipulation; prognostic ingratitude. Having analyzed the capability of the speech act of gratitude and its combinations with other speech acts, the author has discovered that they are most often combined with demands, appeals, and requests. Such compatibility allows these speech acts to mutually influence each other, which results in gratitude obtaining the features and functional properties of slogans. This study has shown that gratitude slogans have significant influential potential and come in many different forms; however, their historical connection with the language of the Nazi Party had a negative impact on the frequency of use and the expressiveness of such slogans.

Key words: speech impact; political communication; slogan; agitation; gratitude slogans; gratitude; political ideological discourse; classification of gratitude slogans.

УДК 81'23:659

doi 10.17072/2073-6681-2024-1-37-49

EDN LFADUQ

Репрезентация ценностей в социальной рекламе

Оксана Васильевна Казаченко

д. филол. н., профессор департамента филологии

Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корп. 1. kazachenko_07@mail.ru

доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации

Финансовый университет при Правительстве РФ

125167, Россия, г. Москва, просп. Ленинградский, 49/2

SPIN-код: 6510-3761

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9208-6785>

ResearcherID: AIE-3920-2022

Статья поступила в редакцию 08.04.2023

Одобрена после рецензирования 12.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Казаченко О. В. Репрезентация ценностей в социальной рекламе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 37–49. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-37-49

Аннотация. Ценности играют важную роль в жизнедеятельности человека, определяя его мировосприятие, развитие и поведение. Актуальность исследования обусловлена поисками источников формирования ценностей, а также их социальным конструированием, что является необходимым условием для производства эффективной рекламы, служащей государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что особенно важно в условиях распада ценностных культурных стереотипов в европейском пространстве. Материал собран из различных медиабанков сети Интернет методом сплошной выборки и далее проанализирован при помощи дескриптивно-аналитического и дескриптивно-сопоставительного методов исследования. Автором подчеркивается превалирование личностных ценностей над общественными, что необходимо учитывать при создании социальной рекламы. Новизна подхода заключается в анализе социальной рекламы как одного из факторов формирования личностной системы ценностей. При этом отмечается частое использование контраста ценностей и антиценностей. Социальная реклама включает множество типов, таких как антитеррористическая, семейная, межпоколенная, здоровья и здорового образа жизни, безопасности. Особенности социальной рекламы являются сочетание вербального и невербального (аудиовизуального) компонентов, применение антитезы и рифмовки текста слоганов, что реализуется в оппозиции «ценность – антиценность». Использование суггестивного потенциала стихотворного текста способствует в определенной степени конструированию «правильной» модели поведения в социально значимых ситуациях. Использование антитезы соответствует двум типам фрагментов репрезентируемой действительности: проблемной и идеальной. Таким образом, автором делается вывод о том, что социальная реклама способствует формированию определенной ценностной сферы, являющейся частью образа мира человека.

Ключевые слова: ценности; антиценности; социальная реклама; антитеррористическая реклама; семейная реклама; реклама здоровья и здорового образа жизни; образ мира.

Ценности являются для человека жизненными ориентирами, которые определяют его мировосприятие, развитие и поведение, поэтому изучение способов их репрезентации и интериоризации является насущной научной проблемой. О важности ценностей в переломный для жизни российского общества момент дискутируют не только философы, социологи, психологи, лингвисты, но и церковнослужители и политики разных уровней. Так, например, в 2022 г. президентом РФ В. В. Путиным был подписан Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Комментарий к Конституции РФ), в котором определен конкретный список традиционных ценностей народов, проживающих на территории РФ и разделяющих русскую культуру: *жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимопомощь, историческая память и преемственность поколений, единство народов России* (Комсомольская правда 2022). В приведенном документе также упомянуты наиболее значимые сферы, оказывающие влияние на формирование традиционных ценностей и включающие образование, культуру, науку, межнациональные отношения, СМИ и некоторые другие. Таким образом, на сегодняшний день изучение способов и факторов формирования системы ценностей продолжает занимать одну из ведущих позиций современной гуманитаристики.

Актуальные междисциплинарные изыскания часто затрагивают когнитивные процессы, ассоциирующиеся с индивидом и личностью, и социальное конструирование, играющее большую роль на уровне общества. В данной статье мы постараемся проследить, как формируются ценности под воздействием социальной рекламы. Как известно, ценности являются достоянием как отдельной личности, так и отражением среды, в которой она живет, т. е. социума, поэтому необходимо анализировать, какие факторы внешней среды влияют на становление системы ценностей. Важно также понимать, что ценности не могут быть установлены государством директивно, поскольку они зарождаются и развиваются в сознании человека и в своей основе имеют общественное мнение. Согласимся с исследователем А. Н. Перенджиевым, который утверждает, что «ценности <...> могут быть предложены или

навязаны обществу не в законодательных актах, а в процессе информационно-психологического воздействия на граждан со стороны власти» [Перенджиев 2020]. Социальная реклама, по сути, является примером такого информационно-психологического воздействия, поскольку она транслируется во многих общественных местах, по ТВ, радио и в интернете.

Являясь частью СМИ, реклама прочно вошла в жизнь современного человека, зачастую определяя его желания, поведение и, шире, смыслы. Таким образом, можно заключить, что реклама способствует формированию определенного образа мира или картины мира человека и отражению отношения к окружающим его людям и предметам. Под образом мира мы понимаем упорядоченную систему знаний человека о себе, мире, людях, опосредующую и модифицирующую любое внешнее воздействие. Важно подчеркнуть, что человек строит в своем сознании не мир, а именно его цельный образ, через значения родного языка (А. Н. Леонтьев), поэтому на него влияют все сферы жизнедеятельности человека. Согласно мнению Т. Евгеньевой и А. Федоровой, построение определенного образа мира относится к стратегическому уровню, который «призван легитимизировать те нормы, которые существуют/предлагаются..., правильные действия “встраиваются” в качестве логичного элемента» [Евгеньева, Фёдорова 2000: 11]. Низший уровень – тактический – направлен на закрепление конкретных норм и правил, соответствуя, таким образом, набору действий, производимых человеком.

Социальная реклама – это «тезис или утверждение, отражающее базисную *ценностную установку* (курсив наш. – О. К.) и ориентирующее поведение адресата относительно абстрактного идеала миропорядка, существующего в той или иной культуре в определенный период времени» [Давыдкина 2017: 23]. Таким образом, социальная реклама тесно связана с ценностями личности и как особый вид коммуникации призвана осветить актуальные проблемы общества [Isanova 2017], затронуть его нравственные ценности. Иными словами, «ее назначение – гуманизация общества и формирование нравственных ценностей. Ее миссия – изменение поведенческой модели общества» [Николайшвили 2009: 102]. Во многих определениях социальной рекламы подчеркивается желаемая для заказчиков ценностный сфера и изменение поведения человека в соответствии с заданным идеалом.

Анализ изучения социальной рекламы показал, что ее применение способствует решению многих проблем – «от формирования государственных ценностей до решения конкретных

прикладных задач» [Давыдкина 2017: 3]. Однако отметим, что оценка ее эффективности довольно затруднительна, поскольку она не рекламирует конкретный товар, а направлена на изменение отношения к абстрактному понятию и, шире, «отношению к миру», т. е. предлагает образ жизни без «товарного» приложения. Зарубежные ученые эффективность социальной рекламы измеряют количеством денежных пожертвований, количеством зарегистрированных человек и гостей на сайтах организаций социальной направленности, отслеживанием осведомленности потребителей о проблеме, а также узнавания некоторых рекламных персонажей социальных реклам [O'Bagh 2006]. Многие авторы подчеркивают, что реклама тесным образом связана с ценностными ориентациями человека, представляя собой «своеобразный идеологический конструкт, код, выстраивающий систему символических ценностей: социальных, моральных, гендерных, семейных и других» [Овчаренко 2006: 151]. Таким образом, формирование ценностной сферы отдельного человека – одна из задач социальной рекламы.

Однако для заказчиков социальной рекламы (государственных и муниципальных структур, некоммерческих организаций, общественных движений, международных благотворительных фондов, профессиональных объединений и союзов, торговых и гражданских ассоциаций) и ее создателей важно осознавать, что существует несоответствие личностных ценностей ценностям общества, выражающееся в их состязательности, которое проявляется в том, что «общественные ценности представлены сейчас и будут представлены в будущем ценностями индивидов, принадлежащих к различным социальным общностям, выделяемым по множествам оснований, например, по возрасту, по профессии и т. д., и находящихся на разных этапах социально-культурного развития» [Худякова 2004: 1]. Похожую мысль находим и у других исследователей, утверждающих, что «лишь тогда социальные ролики и фильмы, претендующие на внедрение в сознание желаемого “образа мира”, будут выполнять свою задачу, когда они будут апеллировать к личности, а не к группе, ориентировать не на расслабление, а на активное приобщение к происходящему, активную работу ума и души [Кудрявцева, Шевченко 2015]. Зарубежные исследователи подчеркивают две индивидуальные характеристики – аффект и когнитивные способности, которые могут оказывать влияние на эффективность рекламы [Ruiz, Sicilia 2004: 257–258]. При этом, в отличие от коммерческой рекламы, имеющей весьма ограниченную целевую

аудиторию, социальная реклама ставит своей целью изменение отношения к различным социальным проблемам всего общества как минимум и формирование новых социальных ценностей как максимум. Ученые подчеркивают массовость социальной рекламы, поскольку она транслирует разделяемые большинством населения нормы и ценности [Дыкин 2009].

Таким образом, для того чтобы быть эффективной, социальная реклама должна быть персонализированной, т. е. показывать человека и быть ему близкой, призывать быть не «против», а «за» (антивоенная, антитеррористическая, антиковидная), содержать созидательный призыв, способствовать бережному отношению к национальному, культурному, историческому наследию, не формировать сиюминутное действие, а работать на перспективу, приводя примеры социально значимого поведения [Балашова, Вайнер].

Помимо привычных печатных и аудиовизуальных СМИ исследователи выделяют и наружные носители, например, городская среда (билборды, пилларсы), которые также увеличивает влияние на аудиторию [Дыкин 2009].

Спецификой социальной рекламы является также и то, что она высвечивает какую-то проблему общества, зачастую не обозначенную вербальными средствами, иными словами, «проблема может существовать вне текста, который, однако, подразумевает ее наличие в социальной практике. Она может кратко упоминаться в тексте. И, наконец, она может полноправно существовать в тексте, являясь способом оценки и понимания конкретных фактов социальной практики. Но в любом случае нацеленность на проблему есть способ осмысления происходящего, способ конструктивного поиска решения» [Вычуб, Фролова 2008: 4]. Иными словами, являясь социальным конструктом, социальная реклама призвана показать пути решения проблемной ситуации, обозначая ценностные приоритеты. Многие исследователи подчеркивают наличие вербального и аудиовизуального компонентов рекламного сообщения, позволяющих значительно усилить коммуникативную эффективность сообщения [Пищерская 2012; Дробышева 2010; Ухова 2014].

Социальная реклама затрагивает множество областей жизни общества, поэтому существует несколько типов социальной рекламы, таких как антитеррористическая, семейная, межпоколенная, здоровья и здорового образа жизни, безопасности в широком смысле слова и многих других. Исследователи выделяют следующие тематические направления социальной рекламы: реклама здорового образа жизни (включая ре-

кламу, направленную против наркотиков, курения, СПИДа, аборт и сиротства); реклама законопослушания (уплата налогов, соблюдение закона, соблюдение правил безопасности и ПДД, экология); реклама социальной активности (донорство, охрана окружающей среды, поддержка добра и справедливости) [Мещерякова 2012: 33–35], воспитание детей и крепкие семейные отношения; противодействие бытовому насилию; борьба с пьянством за рулем; проблема беженцев и голод в странах третьего мира; СПИД, раковые заболевания, донорство крови; экология и переработка отходов [цит. по: Давыдкина 2017: 20–21]; готовность населения к критическим ситуациям (пожарам, наводнениям, торнадо, землетрясениям и т. д.); отношение к людям, имеющим проблемы со здоровьем [Bhasin 2023].

Для анализа вербальной и невербальной репрезентации ценностей в социальной рекламе нами методом сплошной выборки были отобраны 65 примеров из разных источников (видеореклама, картинки билбордов, постеров и плакатов). Далее был проведен анализ выбранных единиц при помощи дескриптивно-аналитического (интерпретативного) метода исследования, который заключается в том, что «значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» [Демьянков 1999]. При этом в данном анализе важно подчеркнуть, что интерпретация часто учитывает множество контекстных условий, входящих в сферу не только лингвистического, но и социологического и психологического описания.

Рассмотрим некоторые сферы подробнее, начав с антитеррористической социальной рекламы.

Антитеррористическая социальная реклама включает множество аспектов, таких как «информационно-аналитическая деятельность (подготовка и выпуск всевозможных памяток, брошюр, книг, обращений, плакатов, социальной рекламы, публикации в прессе о деятельности правоохранительных органов и антитеррористических комиссий, создание тематических документальных фильмов и видеороликов и т. д.); пропагандистская работа; идеологическая деятельность (формирование религиозной и межнациональной терпимости, патриотизма, здорового образа жизни, приоритетов общечеловеческих ценностей и т. д.); организационная деятельность (содействие деятельности общественных и религиозных объединений конструктивной антитеррористической направленности; взаимодействие со СМИ, проведение конкурсов на лучшие материалы антитеррористической направленности, конференций, слётов, “круглых столов” и т. д.);

разработка системы социальной рекламы по пропаганде антитеррористических ценностей» [Ермаков, Брижак 2010: 72]. Антитеррористическая социальная реклама направлена на создание желательных моделей поведения и их сравнение с нежелательными. Так, в видеоролике, созданном службой ФСБ, с нарисованными мультипликационными героями дается такой стихотворный текст:

*Маленький мальчик сумку нашел,
сумка бесхозная: взял – и пошел.
Сумка потикала и перестала,
Мы не покажем, что с мальчиком стало.
Мальчик постарше коробку нашел,
Вызвал милицию – и отошел.
Час никого к ней не подпускал.
Мальчик хороший. Получит медаль
(Антитеррористические мультфильмы ФСБ).*

Здесь мы видим призыв не трогать бесхозные предметы потому, что они потенциально могут представлять собой угрозу для жизни и здоровья нашего и окружающих его людей.

В приведенном тексте следует подчеркнуть две немаловажные особенности. Во-первых, это интертекстуальность, которая в данном случае проявляется в том, что есть отсылка к так называемым «садистским стишкам» конца 80-х – начала 2000-х гг. Однако остается вопрос о том, как воспримут современные дети, в отличие от взрослых, эту интертекстуальность. А во-вторых, это его стихотворная форма. Как утверждал А. А. Леонтьев, «специфическая ритмическая организация текста, а также акцентуационная и интонационная организация синтагм и установка на отбор определенных звуковых признаков» [Леонтьев 1997: 136] стихотворного текста позволяет лучше запомнить, а значит, и сконструировать «правильную» модель поведения в таких ситуациях. Зачастую рифмованным является только слоган, например: *Победили фашизм – победим и терроризм*, дающий отсылку к победе русских солдат и офицеров во Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., или *Дарите мир и добро, а не тьму и террор*, однако на картинках такой социальной рекламы часто рисуется обратная ситуация.

Многие исследователи социальной рекламы отмечают, что одним из универсальных принципов организации текста социальной рекламы является контраст – «динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения..., что соответствует двум типам фрагментов репрезентируемой действительности: *проблемной* (определяется категориями “смерть”, “болезнь”, “упадок”, “изъяс”, “дистар-

мония” и др.) и *идеальной* (желаемой) (определяется категориями “жизнь”, “здоровье”, “успех”, “идеал”, “гармония” и др.)» [Мельник 2010: 12]. Самыми распространенными разновидностями оппозиций являются «“жизнь – смерть”, “здоровье – болезнь”, “добро – зло”, “безопасность – опасность”» [там же: 65]. Следует также отметить, что эти отношения в основном характери-

зуются антитезой и цель социальной рекламы – это «закрепление в сознании целевой аудитории идеального (желаемого) фрагмента действительности» [Мельник 2010: 12]. В антитеррористической социальной рекламе также часто задействован контраст, показывающий противоположные ситуации: мира и войны, разрушения и благополучия, опасности и уверенности и т. д. (рис. 1).

Рис. 1. Примеры контраста в антитеррористической социальной рекламе
Fig. 1. Examples of contrast in anti-terrorist social advertising

Важно отметить, что во всех приведенных примерах выделяются такие частотные элементы языка, как *нет*, *стоп* или *против*. Употребление отрицательных частиц характерно не только для антитеррористической социальной рекламы, но и для некоторых других типов, таких как реклама терпимости и толерантности (*Не допустим, чтобы расизм стал частью игры*), действий при чрезвычайных ситуациях (*Пожар! Позвони 01 и предупреди соседей! Опасайся отравления дыхания! Не пользуйся лифтом! Защити легкие! Не перегружайте электросеть! Не подходи! Не трогай! Не бери!*), семейных ценностей (*Чужих детей не бывает! Они заклеили мои грустные глаза, чтобы у вас настроение не испортилось! Не отводите взгляд при встрече с бездомными детьми! Если вы им не поможете, то кто по-*

может? Это пчелы. За них все решила жизнь. Мы же строим свою жизнь сами. Не бойтесь перемен!) и мн. др. Признаем неоднозначность восприятия отрицательных частиц в слоганах, так как психология и соционика доказали, что наш мозг не воспринимает частицу «не».

В приведенных выше примерах антиценности сопоставляются с ценностями, такими как *мир*, *любовь*, *семья*, *жизнь* и др. (рис. 2).

Ценность *семья* в социальной рекламе естественным образом часто репрезентируется через образ полноценной семьи, в которой присутствует межпоколенная связь: родители – дети (рис. 3). Отметим, что это именно современное понимание нуклеарной семьи (родители и преимущественно 2–3 ребенка), поскольку на картинках обычно отсутствует старшее поколение.

Рис. 2. Примеры антиценностей в антитеррористической социальной рекламе
Fig. 2. Examples of anti-values in anti-terrorist social advertising

Рис. 3. Примеры ценности семья в социальной рекламе
Fig. 3. Examples of the family value in social advertising

Социальная реклама института семьи и брака призвана сохранить традиционные российские ценности. Отметим, что, согласно результатам социологического опроса, ценность *семья* является самой главной ценностью носителей русского языка и культуры [Казаченко 2021]. Ценность семьи закреплена в Конституции РФ, выступая одним из главных факторов развития здорового общества, полноценного воспитания новых поколений граждан. Государство, путем принятия разнообразных государственных мер по поощрению материнства, охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, ее социальной поддержке, обеспечению семейных прав граждан, закрепляет ценности на законодательном уровне (Комментарий к Конституции РФ. Ст. 38). С ценностью *семья* часто связаны ценности *материнства*, *отцовства* и *детства*, что выражается во множестве слоганов, таких как:

Семья бесценна – когда полноценна.

Папа, мама, брат, сестра, мы отличная семья!

Как хорошо, что есть семья: сестренка, мама, папа, я!

Ура! У меня будет братик! Подарите своему ребенку друга.

Мама, я тебя люблю!

Мамы много не бывает.

Зубов пока нету, но есть брат с сестрой, они меня понимают.

Третий не лишний. Около 17% супружеских пар в России не имеют детей.

Каждому ребенку нужна семья.

Уделите им больше времени!

Также отметим, что при анализе ассоциативных словарей, выполненном в диссертационном исследовании О. В. Казаченко, наблюдалось полное совпадение реакций *дом* и *дети* на стимул *семья* во всех словарях, что свидетельствует о том, что семья «воспринимается как неразрывная триада семья – дети – дом» [Казаченко 2021: 156]. Кроме того, реакции (=4688) респондентов на стимул *семья* отражают на 99,96% положительные ассоциации, за исключением таких ассоциатов, как *война* и *холод*, упомянутые респондентами лишь единожды [там же: 156–157]. Это говорит о безусловном принятии ценности *семья* в российском обществе, которая, несмотря на существующие проблемы (неполные семьи, жилищные проблемы, социальные девиации и проч.), воспринимается как идеал, к которому нужно стремиться. Однако некоторые исследователи уверены, что рекламные ситуации в СМИ

зачастую «навязывают регрессивные стереотипы разделения ролей в обществе и семье, они отражают правду только частично, а том смысле, что в семье женщинам действительно отводится роль домохозяйки», что «идет вразрез с современными традициями демократизма и свободы» [Мандель 2012: 153].

В социальной рекламе зачастую вышеупомянутые ценности противопоставлены антиценно-

стям, таким как: *алкоголизм, насилие, жестокость, наркотики, аборты и неполная семья* (рис. 4). Выделяют следующие цели рекламного текста: информирование граждан и самих детей о способах решения возникающих проблем, призыв граждан обратить внимание на проблему, сбор пожертвований, попытка привлечь внимание всего общества на проблему [Киреев 2008: 81].

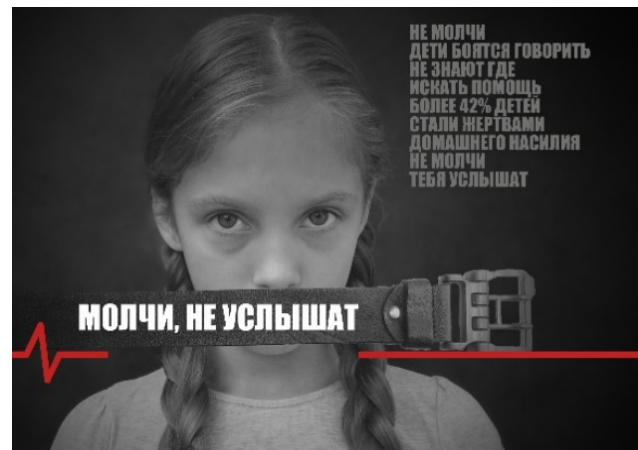

Рис. 4. Примеры антиценностей в социальной рекламе семьи
Fig. 4. Examples of anti-values in social advertising of the family

Примерами слоганов такой рекламы выступают следующие:

А у меня уже голубые глаза.

Он с тобой никогда бы так не поступил. Аборт?!

Аборт! Мама убила лялю!

АБОРТ (слово выложено из гинекологических медицинских инструментов).

Каждому ребенку нужна семья!

Социальная реклама часто направлена на ценность *здоровье и здоровый образ жизни*, что,

безусловно, является залогом здорового общества, а также на искоренение вредных привычек, таких как алкоголизм, курение, чрезмерное употребление фастфуда, неправильное питание и др. (рис. 5).

Социальная реклама, пропагандирующая ценности *здоровье и здоровый образ жизни*, часто показывает образы счастливых семей или друзей, совместно проводящих досуг, в противовес страдающим детям, различным зависимостям (от алкоголя, курения, фастфуда) и смерти.

Рис. 5. Примеры антиценностей в социальной рекламе здоровья и здорового образа жизни
Fig. 5. Examples of anti-values in social advertising of health and healthy lifestyle

Таким образом, ценность *здоровье* оказывается связанной с ценностями *жизнь*, *семья* и *детство*.

Исследователи констатируют, что такие темы социальной рекламы, как популяризация спорта и физической культуры, являются «традиционными формами пропаганды здорового образа жизни, которые закрепились в сознании людей исследования опроса ВЦИОМ, опубликованного 30 ноября 2023 г. Результаты опроса относительно важности различных сторон в жизни людей показали, что для россиян наиболее значимыми остаются здоровье (58 % опрошенных) и отношения в семье (56 %); эти ценности являются общими для всех социально-демографических групп (ВЦИОМ URL).

Социальная реклама также уделяет большое внимание безопасности. В данном виде широко используются средства выразительности, факты и образы, вызывающие эмоциональный шок, которые направлены на максимальный сугге-

стивный эффект [Киреев 2008: 8], поскольку “emotional appeals are more likely to achieve engagement” («эмоциональные призывы с большей вероятностью приведут к вовлечению») (перевод наш. – О. К.) [Yousef, Dietrich, Rundle-Thiele 2021]. В основном это безопасность на дорогах, однако также попадает реклама пожарной безопасности, безопасности на железной дороге и безопасности в сети Интернет.

Основными образами такой рекламы являются пристегивание ремня безопасности в автомобиле, снижение скорости перед пешеходными переходами и в жилых кварталах, использование детских кресел и светоотражающих элементов на одежде, отказ от мобильных устройств при нахождении за рулем, роковой выезд на полосу встречного движения и т. д. Частыми последствиями несоблюдения правил обычно являются *инвалидность* или *смерть*, как примеры последствий нежелательного поведения и своего рода антиценности (рис. 6).

Рис. 6. Пример социальной рекламы безопасности дорожного движения

Fig. 6. An example of social advertising of road safety

В качестве примера приведем несколько слоганов социальной рекламы:

Умная зебра ходит по зебре, безумные лоси ходят по раздельной оси.

40 лет не дожидаясь пенсии.

Сбавь скорость, и тебя дождутся!

Твое решение – твоя безопасность.

Не бывает малых доз за рулем!

Жизнь каждого человека – это вселенная, потерю которой нельзя восполнить. Жизнь бесценна!

Кто мчится на большой скорости, играет жизнью наших детей.

Закрывая глаза на правила движения, открываешь счет своим потерям.

Проскочив на красный цвет, можно попроситься с белым.

Разговаривая по мобильному телефону за рулем, Вы рискуете навсегда оказаться вне зоны доступа.

В слоганах такой рекламы зачастую отсутствует контраст, однако картинки часто дополняют образ, рисуя, например, испуганные глаза ребенка (*Есть повод для обгона?*); ребёнок кричит, рука выставлена вперед (*СТОЙ водитель! Я ХОЧУ жить!*); полупрозрачную девочку (*Мам, домой не жди. Дядя водитель «торопился»*).

Результаты исследования показали, что в социальной рекламе эксплицируются ценности или их группы, которые пропагандируются ее заказчиками. Важной составляющей является оппозиция «ценность – антиценность», предполагающая зачастую конкретные модели поведения в иллюстрированных или описываемых ситуациях. Поскольку любое поведение человека соотносится с пониманием «идеального», «желанного», то отражение в сознании такой деятельности можно считать фрагментом образа мира человека. Подтверждение данного утверждения мы находим в работах выдающихся психологов и психолингвистов XX в. (А. Н. Леонтьева, А. А. Леон-

тьева, Л. С. Выготского), разрабатывающих деятельностный подход. Результаты согласуются с исследованиями, в которых И. Б. Давыдкина, Г. Г. Николайшвили, Н. Л. Худяков, М. Е. Кудрявцева, А. С. Шевченко рассматривали формирование нравственных ценностей в социальной рекламе, подчеркивая ее обязательный аксиологический аспект. По мнению авторов, в социальной рекламе выделяются тематические направления, которые соотносятся со многими областями жизни общества, где существуют социальные проблемы, и представляют возможные модели их решения и поведения [Мещерякова 2012; Давыдкина 2017; Bhasin 2023].

Исследование аксиологического ракурса социальной рекламы вносит определенный вклад в выявление ценностного компонента в одной из сфер человеческой деятельности, подчиненной выполнению социально значимых целей. Результаты могут быть верифицированы в разных типах социальной рекламы, что потенциально обогатит изучение и применение теории речевого воздействия, внося коррективы в изучение рекламного текста как такового.

В качестве перспективы исследования возможно наметить проведение экспериментов с использованием методик, направленных на изучение визуальной составляющей восприятия текста, а также восприятие целостной картинки, насколько она легко «считывается» респондентами.

Таким образом, путем сплошной выборки нами были отобраны и при помощи дескриптивно-аналитического (интерпретативного) метода проанализированы различные виды социальной рекламы, имеющие как вербальный, так и невербальный компоненты, и ценности, репрезентированные в различных типах. Важной составляющей различных тем социальной рекламы выступает контраст, и ценности высвечиваются на фоне «антиценностей». Важно подчеркнуть, что при помощи социальной рекламы государство и

общество на разных уровнях стремятся создать желательный идеальный социальный конструкт, часто отражающийся в системе ценностей личности, влияющий на тип мышления. Социальная реклама, иллюстрирующая «неправильные» и «правильные» ситуации, закладывает в образ мира человека «желательные» ценности, которые впоследствии будут определять не только отношение к различным факторам его жизнедеятельности, но и поведение по отношению к себе, обществу, государству.

Список источников

Антитеррористические мультфильмы ФСБ. URL: https://www.youtube.com/watch?v=B7YuuW2aMl8&list=PLu3vK2LjGK4360cqbXv_OMSl9a126pKI&index=1 (дата обращения: 30.09.2023).

Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhiznennye-prioritety-rossiyan-semya-dengi-ili-tvorchestvo> (дата обращения: 28.03.2023).

Комментарий к Конституции РФ. Статья 38. URL: <https://konstitutsiia.ru/38> (дата обращения: 28.03.2023).

Комсомольская правда: электрон. версия. 2022. 9 нояб. URL: <https://www.kp.ru/daily/27469/4675139/> (дата обращения: 30.09.2023).

Список литературы

Балашова А., Вайнер В. Социальная реклама – когда прибыль больше, чем деньги. URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=4963&SECTION_ID=107 (дата обращения: 24.03.2023).

Брушкова Л. А. Социальная реклама как средство репрезентации ценностей здорового образа жизни в российском обществе // Социодинамика. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-kak-sredstvoreprezentatsiitsennostey-zdorovogo-obraza-zhizni-v-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 28.03.2023). doi 10.25136/2409-7144.2018.2.25311

ВЦИОМ Традиционные ценности, современные цели. 30 ноября 2023 года. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения: 20.02.2024).

Вычуб Г. С., Фролова Т. И. Проблематика периодической печати: учеб. пособие. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2008. 112 с.

Давыдкина И. Б. Социальная реклама в системе социальных коммуникаций и социального управления: монография. М.: ИНФРА-М, 2017. 126 с.

Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5–12.

Дробышева О. В. Функционирование вербального компонента в журнальном рекламном тексте гендерной направленности: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 21 с.

Дыкин Р. В. Социальная реклама в системе массовой коммуникации: динамический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 224 с.

Евгеньева Т., Федорова А. «Позвони родителям!» или «Проголосуй за мистера Х!» // Сообщение. 2000. № 10. С. 11–13.

Ермаков П. Н., Брижак З. И. Высшее образование и система противодействия идеологии терроризма // Российский психологический журнал. 2010. Т. 7, № 5-6. С. 68–75.

Казаченко О. В. Структура и содержание аксиологической сферы русского образа мира в XXI веке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 399 с.

Киреев С. И. Дискурс и концептосфера социальной рекламы: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 128 с.

Кудрявцева М. Е., Шевченко А. С. Социальная реклама как инструмент формирования желаемого «образа мира» // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. тр. по материалам второй междунар. науч. конф.: в 2 ч. (26 марта 2015 г.) Ч. 2. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 156–162. URL: https://vuzdoc.org/221726/-/sotsialnaya-reklama_instrument_formirovaniya_zhelaemogo_obraza_mira (дата обращения: 28.03.2023).

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Мандель Б. Р. Социальная реклама: учеб. пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. 302 с.

Мельник О. А. Текст социальной рекламы в СМИ: способы моделирования информации: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 146 с.

Мещерякова Н. В. Стилистические и прагматиколингвистические особенности рекламных текстов социальной направленности: на материале текстов социальной рекламы на русском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 241 с.

Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: некоторые вопросы теории и практики // Ответственные науки и современность. 2009. № 1. С. 101–109.

Овчаренко А. Н. Основы рекламы: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 350700 «Реклама». М.: Аспект Пресс, 2006. 494 с.

Перенджиев А. Н. Ценностный фактор в антитеррористической политике России до 2020 года: постановка проблемы // Политическое образование. URL: <http://old.lawinrussia.ru/content/cennostnyy-faktor-v-antiterroristicheskoy-politike-rossii-do-2020-goda-postanovka-problemy?ysclid=lf rz82rid1115745947> (дата обращения 28.03.2023).

Пицнерская Е. Н. Роль вербальных и визуальных компонентов баннерной рекламы в реализации стратегии убеждения // Вестник ИГЛУ. 2012. № 1(17). С. 58–63.

Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста: сб. ст. М.: Директ-Медиа, 2014. 200 с.

Худякова Н. Л. Онтологическое основание возникновения и развития ценностного мира человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2004. 40 с.

Bhasin H. Public service advertising: Meaning and examples. June 10, 2023. URL: <https://www.marketing91.com/public-service-advertising/> (дата обращения: 19.06.2023).

Isanova G. Social advertising: its understanding and role in public consciousness // ISJ Theoretical & Applied Science. 2017. № 3(47). P. 59–62.

O'Barr W. M. Public Service Advertising // Advertising & Society Review. 2006. Vol. 7, issue 2. doi 10.1353/asr.2006.0027

Ruiz S., Sicilia M. The impact of cognitive and/or affective processing styles on consumer response to advertising appeals // Journal of Business Research. 2004. № 57(6). P. 657–664.

Yousef M., Dietrich T., Rundle-Thiele S. Social Advertising Effectiveness in Driving Action: A Study of Positive, Negative and Coactive Appeals on Social Media // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. № 18(11). P. 5954. doi 10.3390/ijerph18115954

References

Balashova A., Vayner V. *Sotsial'naya reklama – kogda pribyl' bol'she, chem den'gi* [Social advertising – when profit is more than just money]. Available at: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=4963&SECTION_ID=107 (accessed 24 Mar 2023). (In Russ.)

Brushkova L. A. *Sotsial'naya reklama kak sredstvo reprezentatsii tsennostey zdorovogo obraza zhizni v rossiyskom obshchestve* [Social advertising as a means of representing the values of a healthy lifestyle in Russian society]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2018, issue 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-kak-sredstvo-representatsii-tsennostey-zdorovogo-obraza-zhizni-v-rossiyskom-obshchestve> (accessed 28 Mar 2023). doi 10.25136/2409-7144.2018.2.25311. (In Russ.)

VTSIOM Traditsionnye tsennosti, sovremennye tseli [Traditional values, modern aims (VTSIOM overview)]. 2023, November 30. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-tsennosti-sovremennye-celi> (accessed 20 Feb 2024). (In Russ.)

Vychub G. S., Frolova T. I. *Problematika periodicheskoy pechati* [Problems of Periodicals]. Moscow, Moscow University named after A. S. Griboyedov Press, 2008. 112 p. (In Russ.)

Davydkina I. B. *Sotsial'naya reklama v sisteme sotsial'nykh kommunikatsiy i sotsial'nogo upravleniya* [Social Advertising in the System of Social Communication and Social Management]: a monograph. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 126 p. (In Russ.)

Dem'yankov V. Z. Interpretatsiya kak instrument i ob'ekt lingvistiki [Interpretation as a tool and object of linguistics]. *Voprosy filologii* [Philological Issues], 1999, issue 2, pp. 5–12. (In Russ.)

Drobysheva O. V. *Funktsionirovanie verbal'nogo komponenta v zhurnal'nom reklamnom tekste gendernoy napravlenosti: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Functioning of the verbal component in a magazine advertising text of gender orientation: based on the material of the Russian and English languages. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2010. 21 p. (In Russ.)

Dykin R. V. *Sotsial'naya reklama v sisteme massovoy kommunikatsii: dinamicheskiy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [Social advertising in the mass communication system: Dynamic aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2009. 224 p. (In Russ.)

Evgen'eva T., Fedorova A. 'Pozvoni roditelyam!' ili 'Proglasuy za mistera X!' ['Call the parents!' or 'Vote for Mr. X!']. *So-obshchenie* [Communication], 2000, issue 10, pp. 11–13. (In Russ.)

Ermakov P. N., Brizhak Z. I. *Vysshee obrazovanie i sistema protivodeystviya ideologii terrorizma* [Higher education and the system of counteraction to ideology of terrorism]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2010, vol. 7, issue 5–6, pp. 68–75. (In Russ.)

Kazachenko O. V. *Struktura i sodержanie aksiologicheskoy sfery russkogo obraza mira v XXI veke*. Diss. d-ra filol. nauk [The structure and content of the axiological sphere of the Russian image of the world in the 21st century. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2021. 399 p. (In Russ.)

Kireev S. I. *Diskurs i kontseptosfera sotsial'noy reklamy*. Diss. kand. filol. nauk [Discourse and conceptosphere of social advertising. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2008. 128 p. (In Russ.)

Kudryavtseva M. E., Shevchenko A. S. *Sotsial'naya reklama kak instrument formirovaniya*

zhelaemogo 'obraza mira' [Social advertising as a tool for forming the desired 'image of the world']. *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii: sbornik nauchnykh trudov po materialam vtoroy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 'Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii'*. 26 marta 2015 g. V 2 ch. [Language and Culture in the Globalization Era: Collection of Proceedings of the 2nd International Scientific Conference. March 26, 2015. In 2 pts.]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Press, 2015, pt. 2, pp. 156–162. Available at: https://vuzdoc.org/221726/-/sotsialnaya_reklama_instrument_formirovaniya_zhelaemogo_obraza_mira (accessed 28 Mar 2023). (In Russ.)

Leont'ev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [The Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p. (In Russ.)

Mandel B. R. *Sotsial'naya reklama* [Social Advertisement]: a textbook. Moscow, Vuzovskiy uchebnyk: INFRA-M Publ., 2012. 302 p. (In Russ.)

Mel'nik O. A. *Tekst sotsial'noy reklamy v SMI: sposoby modelirovaniya informatsii*. Diss. kand. filol. nauk [Text of social advertising in the media: Ways of modeling information. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2010. 146 p. (In Russ.)

Meshcheryakova N. V. *Stilisticheskie i pragmalingvisticheskie osobennosti reklamnykh tekstov sotsial'noy napravlenosti: na materiale tekstov sotsial'noy reklamy na russkom i nemetskom yazykakh* [Stylistic and pragmalinguistic features of social advertising texts: based on the material of social advertising texts in Russian and German. Diss. kand. filol. nauk]. Moscow, 2012. 241 p. (In Russ.)

Nikolayshvili G. G. *Sotsial'naya reklama: nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Social advertising: some issues of theory and practice]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2009, issue 1, pp. 101–109. (In Russ.)

Ovcharenko A. N. *Osnovy reklamy* [The Fundamentals of Advertising]. Moscow, Aspekt Press, 2006. 494 p. (In Russ.)

Perendzhiev A. N. Tsennostnyy faktor v antiterroristicheskoy politike Rossii do 2020 goda: postanovka problemy [The value factor In Russia's anti-

terrorist policy until 2020: Problem statement]. *Politicheskoe obrazovanie* [Political Education]. Available at: <http://old.lawinrussia.ru/content/cennostnyy-faktor-v-antiterroristicheskoy-politike-rossii-do-2020-goda-postanovka-problemy?ysclid=lfz82rid1115745947> (accessed 28 Mar 2023). (In Russ.)

Pishcherskaya E. N. Rol' verbal'nykh i vizual'nykh komponentov bannernoy reklamy v realizatsii strategii ubezhdeniya [The role of verbal and visual components of banner advertising in the implementation of persuasion strategy]. *Vestnik IGLU* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2012, issue 1(17), pp. 58–63. (In Russ.)

Ukhova L. V. *Effektivnost' reklamnogo teksta* [Effectiveness of Advertising Text]: a collection of articles. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 200 p. (In Russ.)

Khudyakova N. L. *Ontologicheskoe osnovanie vozniknoveniya i razvitiya tsennostnogo mira cheloveka*. Avtoref. diss. d-ra filos. nauk [The ontological basis of the emergence and development of the value world of man. Abstract of Cand. philos. sci. diss.]. Omsk, 2004. 40 p. (In Russ.)

Bhasin H. *Public service advertising: Meaning and examples*. 2023, 10 June. <https://www.marketing91.com/public-service-advertising/> (accessed 19 Jun 2023). (In Eng.)

Isanova G. Social advertising: its understanding and role in public consciousness. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 2017, issue 03(47), pp. 59–62. (In Eng.)

O'Barr W. M. Public service advertising. *Advertising & Society Review*, 2006, vol. 7, issue 2. doi 10.1353/asr.2006.0027 (In Eng.)

Ruiz S., Sicilia M. The impact of cognitive and/or affective processing styles on consumer response to advertising appeals. *Journal of Business Research*, 2004, issue 57(6), pp. 657–664. (In Eng.)

Yousef M., Dietrich T., Rundle-Thiele S. Social advertising effectiveness in driving action: A study of positive, negative and coactive appeals on social media. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, issue 18(11), pp. 5954. doi 10.3390/ijerph18115954. (In Eng.)

Representation of Values in Social Advertising

Oksana V. Kazachenko

Professor in the Department of Philology

Moscow City University

4, bld. 1, Vtoroy Sel'skohozyaystvennyy proezd, Moscow, 129226, Russian Federation. kazachenko_07@mail.ru

Associate Professor in the Department of English Language and Professional Communication

Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2, prospekt Leningradsky, Moscow, 125167, Russian Federation

SPIN-code: 6510-3761

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9208-6785>

ResearcherID: AIE-3920-2022

Submitted 8 Apr 2023

Revised 12 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Kazachenko O. V. Reprezentatsiya tsennostey v sotsial'noy reklame [Representation of Values in Social Advertising]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 37–49. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-37-49 (In Russ.)

Abstract. Values play an important role in human life, determining a person's perception of the world, development, and behavior. The present research is in line with current trends: a search for sources of value formation as well as social construction of values at the state and municipal levels. These are necessary conditions for producing effective advertising that serves state policy on the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values, which is especially important in the context of the collapse of value-based cultural stereotypes in the European space. The material for the study was collected from various media banks on the Internet by a continuous sampling method and further analyzed with the use of descriptive-analytical and descriptive-comparative research methods. The author notes the prevalence of personal values over public ones, which must be considered in the creation of social advertising. The novelty of the approach lies in the analysis of social advertising as one of the factors in the formation of a personal value system. The main purpose of social advertising is to identify social problems and ways to solve them, often using the contrast of values and anti-values. Social advertising includes many types, such as anti-terrorist, family, intergenerational, health and healthy lifestyle, security advertising. The features of social advertising are a combination of verbal and nonverbal (audiovisual) components as well as the use of antithesis and rhyming slogans, which is realized in the opposition 'value – anti-value'. The use of a suggestive potential of poetic text makes it possible to construct a 'correct' model of behavior in socially significant situations. The use of an antithesis corresponds to two types of fragments of the represented reality: problematic and ideal. The author concludes that social advertising contributes to the formation of a certain value sphere, which is part of the image of the world as perceived by a person.

Key words: values; anti-values; social advertising; anti-terrorist advertising; family advertising; health and wellness advertising; the image of the world.

УДК 811.111-3
doi 10.17072/2073-6681-2024-1-50-58

EDN ENDDZC

Полиmodalность как черта когнитивного стиля автора в изобразительном регистре англоязычного художественного текста (на материале произведений Дж. Стейнбека)

Василина Васильевна Кучер

соискатель кафедры английской филологии

Алтайский государственный педагогический университет

656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. kuchervv@bk.ru

SPIN-код: 7067-5328

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6257-7890>

ResearcherID: ISA-6087-2023

Статья поступила в редакцию 29.06.2023

Одобрена после рецензирования 01.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Кучер В. В. Полиmodalность как черта когнитивного стиля автора в изобразительном регистре англоязычного художественного текста (на материале произведений Дж. Стейнбека) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 50–58. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-50-58

Аннотация. В исследовании предпринимается попытка провести анализ полиmodalных перцептивных ситуаций, представленных в художественном тексте как отражение когнитивного стиля писателя. Перцептивная составляющая мировосприятия является результатом уникального перцептивно-когнитивно-аффективного опыта, в связи с чем перцептивный строй текста с необходимостью несет отпечаток когнитивного стиля его автора. Анализ ситуации восприятия основывается на концепции коммуникативных регистров речи как способов отражения действительности в тексте. Реализуемый в тексте речевой регистр предстает в качестве модели видения действительности в сознании говорящего, которая определяет языковой облик текста в соответствии с коммуникативной ситуацией, и напротив, позволяет выявить особенности восприятия действительности на основании языковых средств, используемых автором при построении текста. Материалом исследования послужил ряд произведений Дж. Стейнбека объемом 830 страниц. Проведенный компонентный, контекстуальный и лингвостилистический анализ позволяет сделать следующие выводы: полиmodalность представления событий обеспечивается использованием разнообразия языковых средств (лексических, фонетических, синтаксических) и языковых средств выразительности, основанием для которых являются концептуальные метафоры. Благодаря этому в тексте выражаются визуальный, аудиальный, одорический и тактильный планы восприятия. Рисуемые в изобразительном регистре перцептивные образы способствуют выражению идейно-тематического содержания, служат целям композиционной организации текста и придают повествованию свойство кинематографичности. Вышеперечисленное свидетельствует о своеобразии когнитивного стиля писателя, которое, в частности, заключается в представлении ситуаций восприятия в рамках различных modalностей, наличии синестетических метафор, полиmodalном характере представления результатов восприятия зрительными субмодусами.

Ключевые слова: коммуникативный регистр речи; изобразительный регистр; полиmodalность; когнитивный стиль; перцептивность; восприятие; художественный текст.

Введение

Когнитивная стилистика является интенсивно развивающимся междисциплинарным направлением отечественной и зарубежной лингвистики (см. подробнее: [Андреева 2005; Ашурова 2003; Лузина 2000; Молчанова 2001; Burke 2004; Emmott 2001; Hamilton 2006; Semino 2002; Simpson 2004; Wales 2001; Weber 1996]). Возникновение данного направления представляется закономерным этапом развития стилистики: именно в стилистике исследователи начали включать в сферу своих наблюдений «живые формы языка, не укладывающиеся в строгие рамки формализованных процедур» [Гальперин 1980: 9]. Стилистика рассматривает вопросы, имеющие важное значение для когнитивных наук, такие как понимание и интерпретация текста, выбор языкового выражения, обусловленный интенциями говорящего, кодирование и декодирование информации (см. подробнее: [Джусупов 2011]). Совмещение лингвистических методов анализа и теории когнитивности позволяет выявлять языковые модели, отражающие особое мировоззрение, характерный способ восприятия мира, представленный в пространстве текста. В когнитивной стилистике рассматриваются стилистические проблемы через их корреляцию с когнитивными структурами, а также с учетом воздействия ряда внеязыковых факторов. Когнитивный подход к интерпретации текста позволяет соотнести выбор языковых средств с когнитивными структурами и процессами, осуществить когнитивную трактовку стилистических приемов, принципов и моделей создания стилистического эффекта, а также реконструировать глубинные процессы авторского сознания, определяющие особенности индивидуально-авторского стиля (см. подробнее: [Джусупов 2011; Козлова 2022]).

В когнитивной стилистике стилистический прием рассматривается как когнитивная структура, многоступенчатая когнитивная модель формирования контекста. Е. Г. Беляевской была предложена когнитивная модель стилистического приема, имеющая три уровня: 1) схематизированное представление о структурных и семантических принципах формирования стилистического приема, это абстракция, полученная в ходе анализа контекстных реализаций; 2) фокусировка фрейма, выдвижение некоторых аспектов ситуации с целью выражения мыслительного содержания и достижения необходимого прагматического эффекта; 3) выбор образного основания контекста, метафорического концепта, который реализуется через различные стилистические приемы и их конвергенцию (см. подробнее: [Беляевская 2013]). С целью выражения мыслитель-

ного содержания и достижения необходимого прагматического эффекта автор при выборе языковых средств способен фокусировать внимание на любом из аспектов описываемой ситуации. На этапах фокусировки фрейма и выбора образного содержания проявляется индивидуально-авторский стиль, что позволяет рассматривать предпочтения автора тем или иным стилистическим приемам как языковую манифестацию его когнитивного стиля.

Понятие когнитивного стиля (“mind style”), предложенное Р. Фаулером (см. подробнее: [Fowler 1977]), позволяет рассматривать отражение в языке конкретных концептуальных структур, характеризующих индивидуальную картину мира. В современных исследованиях данное понятие используется для характеристики специфических аспектов картины мира, отраженной в тексте. Согласно Е. Семино, понятие когнитивного стиля охватывает аспекты мировоззрения, свойственные конкретному индивиду, сформированные в результате индивидуального опыта, или когнитивные характеристики, свойственные людям со сходными особенностями психического развития или находящимся на одной стадии когнитивного развития. Эти аспекты включают характерные когнитивные привычки, способности и ограничения, а также любые убеждения и ценности, любое отчетливое языковое представление индивидуальной ментальной субъектности (см. подробнее: [Semino 2002]).

Один из аспектов мировосприятия, который представляет собой результат индивидуального опыта взаимодействия с миром и во многом влияет на формирование самобытного когнитивного стиля, является перцептивная картина мира. Под перцептивной картиной мира понимают фрагмент языковой картины мира, зафиксированный языковыми единицами с семантикой восприятия (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание) (см. подробнее: [Земичева 2016; Крюкова 2019]). Полученные в рамках различных модальностей ощущения интерпретируются говорящим и вербализуются при помощи перцептивных единиц. Интерпретация воспринятых ощущений обладает субъективным характером – она зависит от опыта, формируется под воздействием культуры, окружения, что служит основанием для рассмотрения ее в качестве фактора формирования когнитивного стиля.

В этой связи в данном исследовании ставится цель провести анализ перцептивной составляющей текста как языковой репрезентации перцептивного опыта автора, в ходе которого реконструируется индивидуально-авторская перцептивная картина мира, отраженная в изображи-

тельном регистре текста, и, таким образом, выявить особенности когнитивного стиля писателя.

Основная часть

Рассмотреть языковые модели реальной перцепции в художественном тексте, складывающиеся в результате перцептивного опыта и характеризующие когнитивный стиль, представляется возможным в терминах концепции коммуникативно-функциональной грамматики, предложенной Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой. Теория коммуникативных регистров отражает взаимосвязь, с одной стороны, коммуникативных интенций говорящего и характера отображаемой действительности, с другой стороны – языковых средств, формирующих ту или иную текстовую модель мира. Коммуникативные типы речи отличаются уровнем обобщения, способом познания действительности, а также степенью дистанцированности говорящего от описываемых событий. Г. А. Золотова предлагает различать две принципиально различных модели представления действительности и соответствующие им типы речи – репродуктивный (изобразительный) и информативный (см. подробнее: [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]). Они сопоставлены и противопоставлены по характеру отображаемой в речи действительности (динамичность или статичность репрезентируемой ситуации); по способу восприятия (сенсорный или ментальный); по коммуникативным интенциям говорящего (сообщение, волеизъявление, реакция на речевую ситуацию) [там же: 401–402].

Перцептивный опыт говорящего репрезентируется средствами изобразительного регистра речи. Коммуникативной целью репродуктивного (изобразительного) регистра речи является воспроизведение в речи реально наблюдаемой в конкретный момент времени действительности с точки зрения наблюдателя в противовес другим регистрам с более высоким уровнем обобщения, характеризующим ментальный модус говорящего (см. подробнее: [Сидорова 2009]). Основной чертой изобразительного регистра речи является представление реальной динамики действия, которое изображается так, как если бы оно разворачивалось перед глазами читателя: говорящий фиксирует средствами языка воспринимаемые звуки, зрительные впечатления, запахи, тактильные ощущения и т. д.

Одной из особенностей когнитивного стиля, проявляющейся в изобразительном регистре и отражающей специфику индивидуального восприятия, является полиmodalность представления событий. Полиmodalность, или мультимodalность (англ. *multimodality*), понимается как способность совмещать в процессе познания и

коммуникации несколько способов (модусов) освоения информации (вербальный, визуальный, кинестетический и др.) (см. подробнее: [Ирисханова 2014]). В основе полиmodalного восприятия лежит процесс когнитивного переноса по смежности (метонимия) и образное сравнение (метафора). Полиmodalный перцептивный образ в изобразительном регистре художественного текста создается разнообразием лексических и грамматических средств: лексикой с семантикой перцептивности, непосредственно именующей процесс и результат восприятия; конкретно-предметной лексикой, обозначающей воспринимаемое одной из modalностей: цвет, запах, звук и проч., именами качества и состояния; звукоподражательной лексикой, способствующей созданию иконичности в изображаемой ситуации; тема-рематическим членением предложения, передающим фокус восприятия автора-рассказчика или субъекта-перцептора; видо-временными формами глагола; стилистическими средствами.

Выдвижение перцептивной составляющей, создаваемой в художественном тексте ситуаций (“situation model”) (см. подробнее: [van Dijk, Kintsch 1983]), характеризующееся полиmodalностью представления событий, является чертой индивидуально-авторского стиля американского писателя Дж. Стейнбека. Он относится к плеяде писателей-кинематографистов: его произведения характеризуются яркими, реалистичными описаниями, чему способствует особый стиль представления событий:

The afternoon was green and gold with spring. Underneath the spread branches of the oaks the plants grew pale and tall, and on the hills the feed was smooth and thick. The sagebrushes shone with new silver leaves and the oaks wore hoods of golden green. Over the hills there hung such a green odor that the horses on the flats galloped madly, and then stopped, wondering... (Steinbeck. The Promise)

В данном примере полиmodalный перцептивный образ строится номинациями цвета (*green, gold, pale, silver*), в т. ч. метафорическими (*the oaks wore hoods of golden green*), которые выражают зрительный модус восприятия, номинациями *smooth and thick*, эксплицирующими опосредованные зрительным восприятием тактильные ощущения; сочетанием *green odor*, выражающим одорическую составляющую образа. Сочетание *green odor* в данном фрагменте представляет особый интерес. Благодаря контексту данное сочетание допускает множественность прочтения. Так, исходя из анализа семантических изменений лексемы *green, green odor* представляют собой сочетание существительного и относительного прилагательного, характеризующее запах: прилаг. *green (зеленый)* > сущ. *green*

(зелень)> прилаг. *green* в препозиции (*запах зелени*). Однако за счет контекста (в двух предыдущих предложениях номинация *green* употребляется как цветоименование) сочетание *green odor* допускает еще одно прочтение – как интермодальная или синестетическая метафора *цвет + запах*, которая в сочетании с детерминантом *such* способствует усилению степени выраженности представленных одорических ощущений: запах (душистые травяные испарения) настолько насыщенный, что становится «виден». Наконец, сочетание *green odor*, ведущим в котором является одорическая модальность восприятия, косвенно указывает на другую модальность – температурную, что возможно благодаря регистровым характеристикам текста: изобразительный регистр позволяет осуществить интерпретацию ситуации по одной из перцептивных составляющих. Данный прием получил название перцептивизации (термин М. Ю. Сидоровой), используемой для выделения изобразительного плана повествования путем замены высказывания, относящегося к информативному регистру, высказыванием, содержащим перцептивный семантический компонент. Несмотря на отсутствие лексики с элементами значения, обозначающими температуру, созданный в изобразительном регистре полимодальный образ позволяет на основе фоновых знаний и имеющегося перцептивного опыта логически достроить изображаемую ситуацию, элементом которой является и температурная модальность: *над холмами висел запах зелени*, что указывает на высокую температуру, так как растения источают сильный аромат в жаркую погоду. Итак, созданный средствами изобразительного регистра полимодальный перцептивный образ, во-первых, несет в себе семантику одорической перцепции, во-вторых, характеризуется контекстно обусловленной зрительно-одорической интермодальностью, в-третьих, является косвенным указанием на температурную модальность.

Вместе с тем природа в произведениях Дж. Стейнбека не есть лишь фон действия. Полимодальный перцептивный образ, отраженный в изобразительном регистре совокупностью перцептивных единиц различных уровней, обладает функциональной значимостью с позиции текстообразования и служит целям выражения идейно-тематического содержания произведения:

He could not see the land as it was, he could not smell the land as it smelled; his feet did not stamp the clods or feel the warmth and power of the earth (Steinbeck 1978: 66) (в дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в круглых скобках. – В. К.).

Данный фрагмент, взятый из одной из самых значительных работ автора – романа “The Grapes

of Wrath”, отражает способность воспринимать и чувствовать окружающий мир как воплощение социального противоречия «свой – чужой», «фермер – арендатор», которая реализуется номинациями восприятия органами чувств (*to see, to smell, to feel*), номинацией, которая синкретично обозначает действие и его звуковую характеристику (*stamp – an act of putting your foot down hard and noisily on something* (Macmillan), номинацией результата восприятия одной из модальностей (*warmth*).

Полимодальный перцептивный образ является ключевой составляющей романа, описывает экологическую катастрофу в США 1930-х гг., получившую название “Dust Bowl” («Пыльный котёл»): природное бедствие, причиной которого стали экстенсивное ведение сельского хозяйства и засуха. Следующий пример описывает начало засухи и является наглядным в плане разнообразия средств, используемых для создания полимодального перцептивного образа:

In the water-cut gullies the earth dusted down in dry little streams (37).

Глагол *to dust (down)* имеет два основных значения: *to dust – 1) to remove the dust or dirt from the surface of (something) by wiping or brushing it* («вытирать пыль»); *2) cover lightly with a powdered substance* («посыпать»). *To dust down – 1) to wipe dust or dirt off the surface of something* («вытирать пыль»); *2) to quickly try something again or continue to do what you were doing after a problem or failure, without getting upset* (переносн. «стряхнуть» неудачи и продолжать действовать) (Macmillan). Однако автор использует его в значении, отличном от словарных. Контекст способствует выдвижению в семантической структуре предметно-номинативного значения: *to dust down* (здесь) – рассыпаться в пыль, осыпаться. Перцептивный образ дополняется метафорой *dry little streams* (ручейки сухой земли), которая, создавая наглядный образ, задействует тактильные ассоциации. В данном примере также присутствует аллитерация, дополняющая перцептивный образ аудиальной составляющей: *dusted down in dry little streams*. Так, совокупностью языковых средств и средств выразительности создается полимодальный визуально-аудиально-тактильный перцептивный образ.

Использование полимодального перцептивного образа в изобразительном регистре продиктовано сущностью описываемого в романе феномена – *dust* (пыль), который воспринимается визуально, одорически, тактильно, а также вызывает боль при высокой концентрации в воздухе. Данные представления о феномене становятся основой концептуальных метафор, содержащих компонент перцептивности, и выражены в тексте

рядом стилистических (метафор: *it blanketed the weeds and trees*, сравнений: *the dust hung like fog*) и словообразовательных средств (*dust-blanketed*, *dust-filled*), что создает многоплановый образ пыльной бури и ее последствий:

ПЫЛЬ – ЭТО ПЫЛЬЦА (невидимая): *the dust came in so thinly that it could not be seen in the air, and it settled like pollen on the chairs and tables, on the dishes* (39). Визуальная и ассоциативно задействованная одорическая составляющие перцептивного образа.

ПЫЛЬ – ЭТО ДЫМ (поднимается в воздух как столбы дыма): *The rain crust broke and the dust lifted up out of the fields and drove gray plumes into the air like sluggish smoke* (38). Визуальная и ассоциативно задействованная одорическая составляющие перцептивного образа.

ПЫЛЬ – ЭТО ОДЕЯЛО (накрывает землю): *It flared down on the dust-blanketed land* (39–40). *All day the dust sifted down from the sky, and the next day it sifted down. An even blanket covered the earth. It settled on the corn, piled up on the tops of the fence posts, piled up on the wires; it settled on roofs, blanketed the weeds and trees* (39). Визуальная и ассоциативно задействованная тактильная составляющие перцептивного образа.

ПЫЛЬ – ЭТО БУРЛЯЩАЯ ВОДА (поднимается клубами как вода): *Every moving thing lifted the dust into the air: a walking man lifted a thin layer as high as his waist, and a wagon lifted the dust as high as the fence tops, and an automobile boiled a cloud behind it* (37). Визуальная составляющая перцептивного образа.

ПЫЛЬ – ЭТО НЕЧТО НЕПРОНИЦАЕМОЕ (непроницаема для света): *When the night came again it was black night, for the stars could not pierce the dust to get down* (38). Визуальная и ассоциативно задействованная тактильная составляющие перцептивного образа.

В рамках одной когнитивной метафоры могут быть актуализированы разные перцептивные составляющие образа:

ПЫЛЬ – ЭТО ТУМАН

1) (висит в воздухе как туман): *In the morning the dust hung like fog, and the sun was as red as ripe new blood* (39). Визуальная составляющая перцептивного образа.

2) (поглощает звук как туман): *The dust-filled air muffled sound more completely than fog does... Then the roosters crowed, and their voices were muffled...* (39). Аудиальная составляющая перцептивного образа.

Полиmodalность ситуации также создается употреблением синестетических метафор:

1) звук + осязание: *The corn threshed the wind, a dry, rushing sound* (38);

2) обоняние + болевые ощущения: *There was a raw sting in the air* (38);

3) обоняние + болевые ощущения + температура: *The people came out of their houses and smelled the hot stinging air and covered their noses from it* (38).

Большую роль в изобразительном регистре играют временные формы, которые соединяют читателя и рассказчика в одномерном пространстве текстового времени (см. подробнее: [Роговнева 2019]), делают их непосредственными наблюдателями ситуации, как в следующем отрывке, где воплощен ключевой образ зреющих гроздьев гнева:

And they stand still and watch the potatoes float by, listen to the screaming pigs being killed in a ditch and covered with quick-lime, watch the mountains of oranges slop down to a putrefying ooze (354).

Простое настоящее время создает эффект сиюминутности и вместе с тем застывшего времени, передает оцепенение людей от происходящего на их глазах, а полиmodalные включения, аудиальные (*listen to the screaming pigs*), одорические (*quick-lime, putrefying ooze*) способствуют созданию кинематографического эффекта.

При выборе способов языковой манифестации ситуации восприятия значение имеет не только ситуация, подлежащая описанию, но и индивидуальный опыт восприятия. Особенностью визуального перцептивного образа произведений Дж. Стейнбека является полиmodalный характер представления восприятия света и цвета. Отношения цвета и света как субмодусов зрительного восприятия относятся к категории полиmodalных, так как они определяют качественно разные объективные параметры процесса зрительного восприятия и характеризуются наличием отношений включения: цветовой признак присущ свету объективно, а не метафорически (см. подробнее: [Рузин 1995]). Свет и объекты, излучающие свет, самодостаточны для восприятия, в то время как остальные параметры зрительного восприятия (форма, размер и особенно цвет) представляют собой одно из свойств предмета. Они не самодостаточны. Цвет как внутренне присущий предмету признак не имеет градуальных атрибутов, а выражения типа «яркий/темный/мутный цвет» – это результат метафорического переноса из других областей [там же: 94]. В наивной картине мира восприятие цвета и света не имеет столь четкой дифференциации. Фоновые знания и базовые представления об интегральности этих феноменов создают контраст с рисуемыми автором перцептивными образами. Следующий фрагмент текста представляет собой перцептивный образ с ведущей визуальной со-

ставляющей, характеризующийся наличием цвето-световой полимодальности:

They could see a little into gray distance ahead now... A little color came into the eastern sky, and almost immediately the lonely dawn light crept over the land. Green appeared on the cotton plants and the earth was gray-brown (96–97).

Полимодальное восприятие цвета и света выражено в последовательном описании цветовых и световых явлений в изобразительном регистре номинациями *color*, *light*. Выражение *green appeared on the cotton plants* передает изменение в освещении при помощи номинации цвета: цвет растения как внутренне присущий предмету признак не изменился, цвет растений стал различим от того, что изменилось освещение. В творчестве автора можно найти примеры с обратной заменой цветоименования на номинацию света для передачи максимальной степени выражения цветового признака:

The weathered boards were bright. Two red chickens on the ground flamed with reflected light (97).

В предложении *the weathered boards were bright* имеет место внутримодальный метафорический перенос: *bright* – характеристика света, используется для номинации цвета.

Полимодальность свето-цветовых выражений как особенность авторского восприятия иллюстрирует использование конструкции *there is/are* для описания появившегося в свете цветового оттенка:

There was color in the light now, a reddish gleam that made the air seem colder (Steinbeck. Breakfast).

Подобные примеры не единичны. Цвето-световое восприятие, относящееся к субмодусу зрительного восприятия, в авторской перцептивной картине мира обладает характеризуется полимодальностью и отношением включения: цвет выступает одним из атрибутов света, качественное изменение которого обладает в тексте смысловой значимостью. Цвет как отдельная самостоятельная субстанция проникает, растворяется и меняется в свете, что позволяет говорить о существовании в авторской перцептивной картине мира конкретного представления о соотношении этих феноменов, которое определяет когнитивный стиль писателя и диктует выбор языковых средств, его репрезентирующих.

Заключение

В исследовании была предпринята попытка проанализировать перцептивную составляющую текста, отраженную в изобразительном регистре текста, с целью выявления особенностей когнитивного стиля писателя. Результаты анализа поз-

воляют сделать следующие выводы. Уникальный способ восприятия и представления автором действительности виден в подборе им языковых средств для описания ситуаций восприятия, характеризующихся указанием сразу на несколько модальностей. Регистровые особенности изобразительного плана представления событий, используемые для репрезентации полимодальности восприятия, позволяют изображать события относительно одной ведущей модальности восприятия, при этом вызывая контекстно-обусловленные ассоциации с несмежными модальностями, на чем основано явление синестезии, а также быть косвенным свидетельством иных модальностей и осуществлять достраивание и интерпретацию ситуации по одной из перцептивных составляющих (прием перцептивизации). Вышеназванное дает основание говорить о существующей в представлении автора особой перцептивной картине мира, служащей основанием для использования языковых средств и средств языковой выразительности в полимодальном перцептивном образе. Восприимчивость ко всему, что связано с природой, синкретичность, полимодальность восприятия, занимающая в произведениях Дж. Стейнбека значительное место, свидетельствует об особом видении автора, является чертой его когнитивного стиля и находит языковое выражение в полимодальных перцептивных образах, представленных средствами изобразительного регистра.

Список источников

Macmillan – Macmillan Dictionary Online. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 28.06.2023).

Steinbeck J. The Grapes of Wrath. M.: Прогресс, 1978. 536 с.

Steinbeck J. The Long Valley. Sherborne: The Sun Dial Press, 1938. 201 p. URL: <https://www.fadedpage.com/books/20220557/html.php> (дата обращения: 28.06.2023).

Steinbeck J. The Red Pony. New York: The Viking Press, 1945. 93 p. URL: <https://www.fadedpage.com/books/20201044/html.php> (дата обращения: 28.06.2023).

Список литературы

Андреева К. А. Когнитивная стилистика как новая парадигма исследования литературного текста // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 2. С. 179–184.

Ашурова Д. У. Стилистика текста в парадигме когнитивной лингвистики // Филология масалалари. 2003. № 1. С. 41–45.

Беляевская Е. Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискур-

се // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 41–48.

Гальперин И. Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. 1980. Вып. 9. Лингвостилистика. С. 5–34.

Джусупов Н. М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 65–76.

Земичева С. С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2016. 208 с.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 528 с.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки слав. культуры, 2014. 320 с.

Козлова Л. А. Образное сравнение и его роль в реконструкции языковой личности автора и персонажа (на материале романа М. Этвуд «Lady Oracle») // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 2(49). С. 57–64.

Крюкова Л. Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 47–54. doi 10.17223/15617793/447/6

Лузина Л. Г. Основные направления развития современной стилистики // Лингвистические исследования в конце XX в.: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 205–214.

Молчанова Г. Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 3. С. 60–71.

Роговнева Ю. В. Типы репродуктивности и типы текстов // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. науч. тр. Междунар. науч. симп. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2019. С. 552–558.

Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 23 с.

Сидорова М. Ю. Коммуникативный регистр и деомонимизация форм несовершенного вида в тексте // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2009. № 1. С. 173–180.

Burke M. Cognitive Stylistics in the Classroom // Style. 2004. Iss. 39(1). P. 491–510.

Emmott C. The Experience of Reading: Cognition, Style, Affect and Social Space // Textual Secrets: The Message of the Medium: Proceedings of

the 21st PALA Conference. Budapest: Eötvös Loránd University, 2001. P. 29–41.

Fowler R. Linguistics and the Novel. London: Methuen, 1977. 145 p.

Hamilton C. Stylistics or Cognitive Stylistics? // Bulletin de la Société de Stylistique Anglaise. 2006. № 28. P. 55–65.

Semino E. A. Cognitive Stylistic Approach to Mind Style in Narrative Fiction // Cognitive Stylistics. Language and Cognition in Text Analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 95–122.

Simpson P. Stylistics: A Resource Book for Students. London: Routledge, 2004. 332 p.

van Dijk T. A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. London: Academic Press, 1983. 389 p.

Wales K. A Dictionary of Stylistics. London: Longman, 2001. 497 p.

Weber J. J. The Stylistics Reader: from Roman Jakobson to the Present. London: Arnold, 1996. 312 p.

References

Andreeva K. A. Kognitivnaya stilistika kak novaya paradigma issledovaniya literaturnogo teksta [Cognitive stylistics as a new paradigm of the study of literary text]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2005, issue 2, pp. 179–184. (In Russ.)

Ashurova D. U. Stilistika teksta v paradigme kognitivnoy lingvistiki [Text style in the paradigm of cognitive linguistics]. *Filologiya masalalari* [Philology Issues], 2003, issue 1, pp. 41–45. (In Russ.)

Belyaevskaya E. G. Kontseptual'naya metafora kak istochnik stilisticheskikh priemov v diskurse [Conceptual metaphor as a source of stylistic devices in discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2013, issue 3, pp. 41–48. (In Russ.)

Gal'perin I. R. Problemy lingvostilistiki [Issues of linguostylistics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [Current Issues in Foreign Linguistics], 1980, issue 9, pp. 5–34. (In Russ.)

Dzhusupov N. M. Kognitivnaya stilistika: sovremennoe sostoyanie i aktual'nye voprosy issledovaniya [Cognitive stylistics: A current development and topical issues]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2011, issue 3, pp. 65–76. (In Russ.)

Zemicheva S. S. *Pertseptivnaya kartina mira dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Perceptual Picture of the World of a Dialect Linguistic Personality]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2016. 208 p. (In Russ.)

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1998. 528 p. (In Russ.)

Iriskhanova O. K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [The Games of Focus in a Language. Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing]. Moscow, LRC Publishing House, 2014. 320 p. (In Russ.)

Kozlova L. A. *Obraznoe sravnenie i ego rol' v rekonstruktsii yazykovoy lichnosti avtora i personazha (na materiale romana M. Etvud 'Lady Oracle')* [Simile and its role in reconstructing the language personality of the author and the character (based on the material of the novel 'Lady Oracle' by M. Atwood)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2022, issue 2(49), pp. 57–64. (In Russ.)

Kryukova L. B. *Pertseptivnyy stroy poeticheskogo teksta: k voprosu o terminologicheskom apparate issledovaniya* [The perceptual structure of the poetic text: On the terms of the research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2019, issue 447, pp. 47–54. doi 10.17223/15617793/447/6. (In Russ.)

Luzina L. G. *Osnovnye napravleniya razvitiya sovremennoy stilistiki* [Main trends in the development of modern stylistics]. *Lingvisticheskie issledovaniya v kontse XX v.* [Linguistic Studies at the End of the 20th Century]: a collection of reviews. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 205–214. (In Russ.)

Molchanova G. G. *Kognitivnaya stilistika i stilisticheskaya tipologiya* [Cognitive stylistics and stylistic typology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2001, issue 3, pp. 60–71. (In Russ.)

Rogovneva Yu. V. *Tipy reproduktivnosti i tipy tekstov* [Types of speech register reproductivity and types of texts]. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma* [Russian Grammar: Active Processes in Language

and Speech: A Collection of Scientific Papers of the International Scientific Symposium]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Press, 2019, pp. 552–558. (In Russ.)

Ruzin I. G. *Modusy pertseptsii (zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Modes of perception (sight, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language]. Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Science Publ., 1995. 23 p. (In Russ.)

Sidorova M. Yu. *Kommunikativnyy registr i deomonimizatsiya form nesovershennogo vida v tekste* [Communicative register and dehomonymization of imperfect forms in a text]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2009, issue 1, pp. 173–180. (In Russ.)

Burke M. *Cognitive stylistics in the classroom*. *Style*, 2004, issue 39(1), pp. 491–510. (In Eng.)

Emmott C. *The experience of reading: Cognition, style, affect and social space*. *Textual Secrets: The Message of the Medium: Proceedings of the 21st PALA Conference*. Budapest, Eötvös Loránd University, 2001, pp. 29–41. (In Eng.)

Fowler R. *Linguistics and the Novel*. London, Methuen, 1977. 145 p. (In Eng.)

Hamilton C. *Stylistics or cognitive stylistics?* *Bulletin de la Société de Stylistique Anglaise*, 2006, issue 28, pp. 55–65. (In Eng.)

Semino E. A. *Cognitive Stylistic Approach to Mind Style in Narrative Fiction*. *Cognitive Stylistics. Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2002, pp. 95–122. (In Eng.)

Simpson P. *Stylistics: A Resource Book for Students*. London, Routledge, 2004. 332 p. (In Eng.)

van Dijk T. A., Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. London, Academic Press, 1983. 389 p. (In Eng.)

Wales K. *A Dictionary of Stylistics*. London, Longman, 2001. 497 p. (In Eng.)

Weber J. J. *The Stylistics Reader: from Roman Jakobson to the Present*. London, Arnold, 1996. 312 p. (In Eng.)

Multimodality as a Feature of the Author's Mind Style in the Descriptive Register of an English Literary Text (Based on J. Steinbeck's Literary Works)

Vasilina V. Kucher

Degree-Seeking Researcher at the Department of English Philology

Altai State Pedagogical University

55, Molodezhnaya st., Barnaul, 656031, Russian Federation. kuchervv@bk.ru

SPIN-code: 7067-5328

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6257-7890>

ResearcherID: ISA-6087-2023

Submitted 29 Jun 2023

Revised 01 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Kucher V. V. Polimodal'nost' kak cherta kognitivnogo stilya avtora v izobrazitel'nom registre angloyazychnogo khudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedeniy Dzh. Steynbeka) [Multimodality as a Feature of the Author's Mind Style in the Descriptive Register of an English Literary Text (Based on J. Steinbeck's Literary Works)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 50–58. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-50-58 (In Russ.)

Abstract. The study discusses multimodal perceptual situations presented in a literary text as a feature of the author's mind style. The perceptual component of world perception is considered to be the result of unique perceptual experience, thus it is argued that the perceptual component of the text structure reflects the mind style of its author. The analysis of the situation of perception provided in the paper is based on the concept of speech registers. A speech register implemented in a text appears as a model of the speaker's worldview that determines the language means used in the text in accordance with the communicative situation, and vice versa, makes it possible to identify the features of the perception of reality based on the lingual means used by the author. The research is based on data obtained from a number of J. Steinbeck's literary works totaling 830 pages. The research methods used include componential, contextual, and linguo-stylistic analysis. The analysis prompts the following conclusions: multimodality within a literary text is conveyed through the use of a variety of lexical, phonetic, syntactic lingual means as well as expressive means based on conceptual metaphors with visual, auditory, olfactory, and tactile semantic components, thus evoking corresponding planes of perception. Perceptual images depicted in the descriptive register help convey the ideas, the topics raised in a literary work, serve as a means of text composition, and create a cinematic effect within the text. The abovementioned testifies to the distinctiveness of the author's mind style, which manifests itself in the representation of perceptual experience through various modalities simultaneously, in synesthetic metaphors, multimodal presentation of the results of perception by visual submodalities.

Key words: speech register; descriptive register; multimodality; mind style; perception; literary text.

УДК 81'25

doi 10.17072/2073-6681-2024-1-59-68

EDN EVLHSQ

Переводчик как субъект экотранслатологии

Людмила Вениаминовна Кушнина

д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. lkushnina@yandex.ru

SPIN-код: 5273-8845

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Екатерина Александровна Фоменко

аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. pismo_4me@mail.ru

преподаватель

Китайский нефтяной университет (Восточный Китай)

266580, Китай, г. Циндао, район Сихайань, ул. Чанцзянлу, 66. pismo_4me@mail.ru

SPIN-код: 2261-3160

Статья поступила в редакцию 31.10.2023

Одобрена после рецензирования 14.12.2023

Принята к публикации 18.12.2023

Информация для цитирования

Кушнина Л. В., Фоменко Е. А. Переводчик как субъект экотранслатологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 59–68. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-59-68

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить сопряжение русскоязычных и китайских концепций, определяющих современную междисциплинарную экологическую парадигму подхода к языку, культуре, тексту, дискурсу и их межъязыковому и межкультурному взаимодействию в процессе перевода. В основу исследования положены концепции экотранслатологии, разрабатываемой китайскими учеными, и экологии перевода, представленной в работах российских авторов. Оба направления создают методологическую основу предпринятого исследования. В рамках экологии перевода рассматривается концепция переводческого пространства, разрабатываемая Л. В. Кушниной, ключевыми понятиями которой являются когниция, синергия, гармония. Экологический подход позволил расширить представление о полях переводческого пространства, в которых происходит синергия смыслов, приводящая к гармонии, и ввести понятие экополя, оперирующего экосмыслами и экоконцептами. В рамках экотранслатологии известный не только в Китае, но и на Западе переводовед Ху Гэншэн выдвигает идеи экологического баланса, многомерного преобразования текста, адаптации к экосреде, что обуславливает экологичность текста перевода и приводит к смысловой соразмерности. Материалом для анализа послужили тексты на трех языках: русском, французском, китайском. В качестве оригинала были использованы поэтические тексты С. Есенина и прозаические тексты В. Бианки. Проанализированы их переводы на французский и китайский языки, что позволило авторам увидеть развернутую панораму экопереводческого дискурса. В результате исследования показана важность экопереводческого подхода к анализу процессов переводческого речесмысловосприятия и речесмыслопорождения и сделан вывод о возможности интеграции двух научных школ с целью постижения глубинных закономерностей процесса перевода и повышения его качества.

Ключевые слова: экотранслатология; экология перевода, экосреда; переводческое пространство; субъект; когнитивная деятельность переводчика; адаптация; экополе; экосмыслы; смысловая гармония.

Введение

Исследовательское поле современного когнитивного переводоведения сформировалось в начале XXI в. на основе принципов антропоцентризма и когнитивной лингвистики. Описывая когнитивные схемы языковой интерпретации, Н. Н. Болдырев раскрывает значимость когнитивного подхода к языку: «...Когнитивный подход к исследованию языка предполагает не столько изучение объективных характеристик его единиц и категорий, сколько способов восприятия мира человеком, представленных в языковой семантике» [Болдырев 2016: 10]. В рамках этих размышлений логично возникает вопрос о связи языковых значений и смыслов с концептуальной системой человека, его языковым сознанием, которое «...интегрировано в когнитивную систему человека и сопровождает разные виды его взаимодействия с миром...» [там же: 11]. Эти идеи ученого в полной мере можно отнести к переводу, в частности, к экопереводу, акцентирующему внимание на взаимодействии когнитивной системы человека и экосреды.

В фокусе нашего исследования находится процесс взаимодействия переводчика и меняющейся, динамичной экосреды. Нас интересует, каким образом переводчик как субъект адаптирует свои действия к требованиям экосреды, чтобы получить качественный, гармоничный перевод. С этой целью мы предприняли сопоставительный анализ русско-китайских и русско-французских переводов художественного поэтического текста, что позволит нам выявить различные способы восприятия мира переводчиком-субъектом, возможности конструирования текста перевода в сознании переводчика, способности его адаптации к принимающей культуре и к выбору средств субъективной репрезентации мира в тексте перевода. Признавая значимость языковой личности переводчика в современной когнитивной парадигме перевода, мы отдаем предпочтение экологическим концепциям перевода: во-первых, экологии перевода, представленной в исследованиях одного из авторов данной статьи, во-вторых, работам китайских ученых в связи с тем, что соавтор статьи живет и работает в КНР.

В рамках данной статьи мы намерены обсудить две научные концепции перевода, которые существуют в российском и китайском переводоведении. И если воззрения китайских ученых восходят к древней китайской философии, то российские авторы опираются на идеи эколингвистики и экологии языка, впервые сформулирован-

ные американскими исследователями Э. И. Хаугеном и М. А. К. Халлидеем в 1970-е гг. и получившие дальнейшее развитие в рамках некоторых лингвопереводческих школ России.

Уточним, что идея сопряжения экотранслатологии и экологии перевода возникла в результате того, что один из авторов данной статьи, будучи участником цикла конференций «Экология языка на перекрестке наук» в Тюменском государственном университете, в 2011 г. ввел термин «экология перевода» (см. работы: [Кушнина, Юзманов 2011; Кушнина 2012; Кушнина, Плюнина 2016]). Второй автор живет и работает в КНР, поэтому имеет возможность изучать труды китайских ученых в оригинале, самостоятельно переводить их на русский язык и проводить сопоставительные исследования в этом направлении (Е. А. Фоменко).

В качестве базового мы выбрали термин *экотранслатология*, который известен не только в Китае, но и в Европе благодаря знакомству с трудами Ху Гэншэня и других представителей данного направления [Hu Gengshen 2020].

Прежде чем изложить нашу позицию, представим трактовку термина «эколингвистика», предложенную Н. Н. Белозеровой: «...под термином “эколингвистика” мы объединяем такие направления в области языка и смежных наук, как “экологическая стилистика” (ecostylistics), “эко-критический анализ дискурса” (eco-critical discours analysis), “экологическая поэтика” (ecocriticism) и “экология перевода”» [Белозерова, Лабунец 2012]. В своих исследованиях Н. Н. Белозерова выдвигает идею «...имманентности природы человеку, понимаемую как осознаваемое человеком собственное единство с окружающим миром, что находит отражение и в эколингвистике, и в экологии перевода как смежной науки в области исследования языка» [Белозерова 2010: 199].

Представим наши исходные позиции. Начнем с того, что экология перевода является продолжением концепции переводческого пространства как синергетической модели перевода [Кушнина 2011 и др.] Понимая перевод как процесс взаимодействия языков и культур, мы представляем его в виде совокупности гетерогенных полей и вычленяем три поля субъектов переводческой коммуникации и три текстовых поля. В расширенном виде мы сочли возможным вычленить отдельное, природно-биологическое поле, в котором происходит синергия экосмыслов. В данной работе мы предлагаем обозначить его как экополе, что является лаконичным и отвечает

идее экологичности перевода, выдвинутой китайскими исследователями. Речь идет о смыслах, генерирующих взаимодействие человека (лирического героя или любого другого персонажа, деятеля, индивида, личности, субъекта и пр.) и окружающей среды (природная среда, культурная среда, социальная среда, историческая среда и др.). В результате этого взаимодействия происходит синергия смыслов как в фатическом поле (поле культуры), так и в природно-биологическом поле, что может простираться на переводческое пространство в целом. Именно синергия смыслов приводит к гармоничному переводу, т. е. к достижению культуросообразности в фатическом поле и природосообразности в природно-биологическом поле.

Перейдем к изложению позиции китайских исследователей в области экоперевода или экотранслатологии. Как было сказано выше, наибольшую известность приобрели работы Ху Гэншэня. Его концепция представлена на русском языке З. Г. Прошиной в работе «Экопереводведение как модель переводческой деятельности» [Прошина 2016]. Ученым вводится понятие экопереводческой среды, включающей следующие компоненты: текст, язык, переводчик, автор, рецептор, заказчик. Важнейшими параметрами экоперевода являются переводческий выбор и адаптация. Центральная фигура переводческого процесса – переводчик. Выбор трактуется двояко: сначала выбирается переводчик, компетенций которого достаточно для перевода заданного текста. Затем переводчик осуществляет выбор стратегии и языковых средств, чтобы адаптировать текст к принимающей экосреде [там же].

На наш взгляд, понятие экосреды является важнейшим для исследования экоперевода. В наших предыдущих работах этого понятия не было. В качестве экосреды мы подразумеваем принимающую культуру. Вероятно, следует рассматривать культуру как компонент экосреды, включая в нее всех субъектов переводческой коммуникации. Кроме того, в своих работах мы не выделяли такого субъекта, как заказчик перевода, о чем пишут китайские лингвисты. И это также значимый фактор экоперевода. Что касается идеи адаптации и выбора, они полноценно представлены в наших работах. Переводчик адаптирует текст к принимающей культуре, а это означает, что каждая культура требует соблюдения собственных норм, т. е. характер адаптивной деятельности переводчика варьируется от одной культуры к другой. Идея выбора в переводе также не нова. Переводчик всегда стоит перед выбором, прежде чем принять переводческое решение.

Целесообразно напомнить, что термин «адаптация» имеет междисциплинарный характер, что

показано в исследовании О. В. Кожевниковой и А. А. Черновой на материале русского и английского языков [Кожевникова, Чернова 2021]. Авторы обращаются к эволюции данного термина в истории науки: от значения «состояние приспособления к обстоятельствам или взаимосвязи» (1670-е гг.) к значениям «модификация объекта в соответствии с новыми условиями» (1790-е гг.) и «вариативности живых организмов в соответствии с меняющимися условиями» (1859 г.). Очевидно, что термин «адаптация» релевантен для оценки экологичности перевода.

О значимости адаптации пишет также Н. В. Дрожащих при исследовании экологии языка и культуры: «Текст и его ключевые концепты, как компоненты культуры, несут в себе адаптивный когнитивный потенциал, отражая способы оперирования информацией со средой» [Дрожащих 2011: 29]. Из этого высказывания мы заключаем, что текст перевода призван реализовать адаптивный когнитивный потенциал текста оригинала.

Для понимания сущности экотранслатологического подхода китайских ученых обратимся к работе Ху Гэншэня «胡庚申 生态翻译学——建构与诠释 胡庚申» «Eco-Translatology: Construction and Interpretation» [胡庚申 2013]. В одном из разделов автор раскрывает содержание одного из принципов экологичности перевода – многомерное преобразование. Это означает, что экологическая трансляция смыслов опирается на идею взаимодействия множества факторов при переводе, включающих языковые, психологические, коммуникативные, эстетические, что способствует поддержанию экологического баланса.

В данной работе особый интерес вызывает непосредственный экопереводческий анализ, проводимый автором. Предлагается перевод высказывания с английского языка на китайский: *The last one is delicious, bring me another one!*

Коммуникативная ситуация, которую должен знать переводчик, следующая: это надпись в зоопарке на клетке с крокодилом. По задумке авторов, надпись сделана с юмором, от лица крокодила, с намерением предупредить посетителей зоопарка и в то же время привлечь их. Автор статьи приводит три варианта перевода этой надписи на китайский язык и анализирует их качество с позиций реализации экологичности перевода, экологического, гармоничного соотношения между текстами оригинала и перевода.

Приведем варианты перевода на китайском языке и их обратный перевод с китайского языка на русский.

1. Переводчик Шэнь Нань 申楠, студент 2 курса: 上一个好吃, 再带来一个 *Предыдущее было вкусным, угостите еще* [胡庚申 2013: 264].

2. Переводчик Фан Мэньчжи, профессор Шанхайского университета 方梦之: 鳄鱼份人, 禁止人水! Крокодилы расчлениют людей, строго запрещено входить в воду еще [胡庚申 2013: 266].

3. Переводчик, чье имя не указано: 人肉真香, 再来一叉! Вкусная человечина, принесите еще! Кроме того, перевод сопровождается изображением кровожадного крокодила с огромной пастью [胡庚申 2013: 267].

Приведем кратко комментарии исследователя. В первом случае языковые факторы удачно учтены, но коммуникативные не отражены. Перевод признан неэкологичным. Во втором случае текст звучит как приказ, который не учитывает культурные факторы. Нет ни юмористических оттенков, ни обращения к посетителям от первого лица. Перевод признан неэкологичным. Третий вариант перевода признан экологичным, так как, во-первых, визуальное изображение крокодила означает, что текст произнесен от первого лица, что придает юмористический эффект, во-вторых, отражены культурный и коммуникативный факторы [胡庚申 2013].

Мы считаем, что принцип многомерных преобразований ради сохранения экологического баланса является значимым и для экологии перевода, в связи с чем полностью солидаризуемся с автором данной работы Ху Гэншэнем.

Нельзя не заметить, что в нашей концепции одним из ключевых понятий экологии перевода, как и перевода в целом, является гармония. В китайском переводоведении также поднимается вопрос о гармонии, но категория гармонии рассматривается сквозь призму категории противоречия [Лань Хунцзюнь 蓝红军, Фэн Лися 冯丽霞 2022; Чжу Юй 朱瑜 2008]. Представленный выше пример Ху Гэншэнь признает гармоничным.

Прежде чем приступить к изучению роли переводчика как субъекта экотранслатологии, считаем целесообразным внести некоторые коррективы в наше видение переводческого пространства, включающего природно-биологическое поле. Опираясь на принятые в китайской научной традиции понятия *экоперевода*, *экосреды* и др., мы предпочли заменить введенный нами ранее термин *природно-биологическое поле* на термин *экополе*. Он представляется более лаконичным, емким и при этом не нарушает логику наших предыдущих рассуждений. Иными словами, природосообразность текстов/дискурсов оригинала и перевода может быть реализована именно в экополе переводческого пространства.

Материал и методы анализа

В данной статье мы намерены провести исследование переводчика как субъекта экотранс-

латологии, которое базируется, во-первых, на литературе, посвященной языковой личности переводчика в отечественной науке, во-вторых, на работах европейских ученых, посвященных проблемам субъективности перевода, в-третьих, на исследованиях в области экологии перевода и экотранслатологии российских и китайских ученых. Обозначенные выше подходы и направления положены в основу методологии проводимого исследования.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что между текстами оригинала и перевода возможно установление гармоничных отношений в тех случаях, когда переводчику удастся достичь природосообразности экосмыслов в экополе переводческого пространства, раскрывающих взаимодействие человека и среды. Это означает, что само экополе является одновременно субъектоцентричным и текстоцентричным, так как в качестве среды может выступать текст, дискурс, язык, культура, социум. В нем отражаются все виды взаимодействий.

Материалом для анализа послужили художественные поэтические и прозаические тексты в оригинале и переводе с русского языка на французский и китайский языки. Мы выбрали поэтические тексты С. Есенина и прозаические тексты В. Бианки. Эти тексты, содержащие уникальные описания русской природы, переведены на многие иностранные языки, в том числе на французский и китайский, что послужило основанием для их выбора. Нам было интересно наблюдать проявление переводческой гармонии в таких разнотекстовых языках и культурах, как русская, французская, китайская.

Представим ключевые положения исследований, определяющих методологические основания нашей работы.

Во-первых, речь идет о языковом сознании переводчика. Согласно Т. Г. Пшенкиной, перевод трактуется как посреднический речемыслительный процесс, нацеленный на «...формирование интегративных когнитивных структур и моделей, координирующих этнические сознания участников межкультурной коммуникации <...>. В ходе посредничества такая личность демонстрирует свойства функциональной (синергетической) системы» [Пшенкина 2005: 190]. Автор приходит к выводу, что в модели языковой личности переводчика взаимодействуют три компонента: ментальный лексикон, когнитивная компетенция и языковая способность. Все они определяют языковое сознание переводчика, на которое возложена функция координации других этнических сознаний – автора и реципиента. В соответствии с нашей концепцией переводческого пространства именно их синергия приво-

дит к порождению переводчиком гармоничного текста.

Во-вторых, мы опираемся на идеи субъективности перевода, согласно которым переводческая деятельность неотъемлема от переводящего субъекта. Одним из приверженцев этого направления является швейцарский переводовед Л. Уэнсон (Lance Hewson), который полагает, что фундаментальное отличие переводческой деятельности от других видов деятельности состоит именно в субъективности, так как перевод – это конкретная деятельность человека – мужчины или женщины: “...la traduction est une affaire des hommes et des femmes, il est indéniable que la subjectivité, c’est à dire le caractère de ce qui appartient au sujet en constitue une caractéristique fondamentale” [Hewson 2013: 14].

Аналогичную позицию занимает румынский исследователь Ю. Кордуш (Julia Cordus) “Tout énoncé dit ou écrit porte le signe de la subjectivité” («Любое высказывание, устное или письменное, обладает свойством субъективности». – Перевод наш. – Л. К.) [Cordus 2013: 138].

В-третьих, мы основываемся на идеях экологии перевода и экотранслатологии, которые уделяют особое внимание переводящей личности и в которых, как уже отмечалось выше, единение человека и экосреды – важнейшая предпосылка сохранения экологического баланса между текстами оригинала и перевода.

Результаты анализа

Проиллюстрируем фрагменты экотранслатологического анализа художественного поэтического текста, показывающие достижение переводческой гармонии на примере перевода стихотворения С. Есенина «Белая береза» на французский и китайский языки. Отметим, что в Китае стихотворение С. Есенина «Белая береза» переведено многими китайскими переводчиками, таким как Лю Чжанью 刘湛秋, Ван Шоужэнь 王守仁,

Гу Юньпу 顾蕴璞. Однако именно перевод, сделанный профессором Пекинского университета Гу Юньпу 顾蕴璞, включен в программу общеобразовательной начальной школы в КНР.

Это одно из первых стихотворений выдающегося русского поэта, созданное в восемнадцатилетнем возрасте, когда Сергей Есенин уехал из родного села Константиново Рязанской губернии в Москву. Стихотворение написано в 1913 г. трехстопным хореем с пиррихией. Поэт воспекает в нем красоту березы как символа России и одновременно как символа русской женщины. Лирический герой этого стихотворения искренне любит природу во все времена года и признается в своих чувствах, созерцая белую березу, словно пишет прощальное письмо в отчий дом. Пейзажная лирика поэта является неотъемлемой частью родной природы, которую он воспекает во многих других произведениях.

Переходим к лингвопереводческому анализу поэтического текста. В рамках данной статьи мы опираемся на идеи экологии перевода Л. В. Кушниковой, согласно которым гармоничный перевод предполагает достижение переводчиком культуросообразности и природосообразности текстов оригинала и перевода. Предметом анализа являются такие текстовые единицы, которые, с одной стороны, можно отнести к артефактам, так как они отражают явления культуры, с другой стороны – к натурфактам, которые отражают явления природы. В рамках данного анализа в поисках природосообразности мы акцентируем внимание на натурфактах.

Приведем текст оригинала и перевод на французский язык.

Далее представим литературный перевод этого стихотворения на китайский язык Гу Юньпу 顾蕴璞 и дадим обратный перевод на русский язык для понимания расхождений в переводе русскоязычными реципиентами.

Белая берёза

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустила кисти
Белой бахромой.
И стоит береза
В сонной тишине
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря лениво
Обходя кругом
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Le bouleau

*Le petit bouleau viege
Près de mon foyer
S'est couvert de neige
Comme l'argent moiré
La bordure neigeuse perlée
Sur ses tendres branches
Et les grappes couvertes par
la frange blanche.
Le bouleau s'enneige
Le silence s'endort
Les flocons de neige
Brûlent dans le feu d'or.
Et l'aurore se penche
Paresseusement
Elle recouvre les branches
De nouvel argent.*

白桦

在我的窗前，
有一棵白桦，
仿佛涂上银霜，
披了一身雪花。
毛茸茸的枝头，
雪绣的花边潇洒，
串串花穗齐绽，
洁白的流苏如画。
在朦胧的寂静中，
玉立着这棵白桦。
在灿灿的金晖里，
闪着晶亮的雪花。
白桦四周徜徉着，
姗姗来迟的朝霞，
它向白雪皑皑的树枝，
又抹一层银色的光华。

Белая берёза

Перед моим окном,
Есть береза,
Словно покрыта серебристым инеем,
Накинула на плечи снежинки.
Пушистые ветки,
Свободные оборки снежной вышивки,
Бахрома связка за связкой распустилась,
Белые кисти бахромы словно картина.
В тусклой полной тишине
Держится с достоинством
и изяществом эта белая берёза
В золотом сверкающем свете,
Блестят пронизанные светом снежинки.
Вокруг березы странствует
Не спеша утренняя заря,
Она белоснежным веткам
Наносит слой серебряного света.

Сравнивая формальную структуру поэтического текста на русском и китайском языках, отметим их симметричность, количество строк совпадает в переводе на китайский язык и в обратном переводе мы наблюдаем одинаковое количество строк.

Но содержательная структура асимметрична, что не препятствует сохранению смысловой гармонии автором перевода, так как языковая и культурная асимметрии отражают истинное соотношение текстов оригинала и перевода ввиду природной асимметрии, свойственной всем естественным языкам.

Проанализируем подробнее те асимметричные межъязыковые и межкультурные преобразования, которые произошли в переводческом пространстве поэтического текста и придали ему гармоничность. Мы наблюдаем в тексте некий смысловой контур (в лингвистике это понятие обосновано М. П. Котюровой). В ситуации перевода речь идет о смысловой динамике текста: идея, высказанная автором в одном фрагменте, не исчезает, а передается переводчиком в другом фрагменте, что сохраняет целостность образа, задуманного автором.

В фокусе нашего анализа – натурфакты как описание природных явлений и объектов, а также способы достижения гармоничности при переводе с русского языка на китайский. Подчеркнем, что весь текст «пронизан» натурфактами, переплетение которых создает неповторимые поэтические образы русской природы.

Анализируя процесс гармоничного транспонирования смыслов исходного текста в переводной текст, мы акцентируем внимание на синергетических приращениях, благодаря которым китайский читатель испытывает те же чувства любви к природе, что и читатель подлинника. Как пока-

зал анализ экополя переводческого пространства, переводчику удалось передать зимнее очарование белой березы, снежный покров которой ассоциируется у автора с серебром. Проиллюстрируем сказанное на примерах.

1) Проявление смыслового контура. Текст оригинала начинается словами *Белая береза под моим окном*, но переводчик дает другое описание: *有一棵白桦* (букв.: *Есть береза*). При этом в третьем четверостишие появляется образ: *玉立着这棵白桦* (букв.: *Держится с достоинством и изяществом белая береза*). Как видим, образ белой березы смещен, но не исчезает в переводе.

2) Передача имплицитных смыслов оригинала эксплицитными смыслами в переводе. В этой же строке мы наблюдаем приращение смыслов, которые имплицитно присутствуют в оригинале, но переводчик выразил их эксплицитно, дешифровал. Действительно, в оригинале не говорится о достоинстве и изяществе белой березы, но перед нашим воображением *стоит* береза, она *принакрылась снегом, распустила кисти* – это ли не изящество и достоинство? Приращение смыслов произошло и в следующих строках, где китайский читатель видит *сверкающий свет, пронизанные светом снежинки, слой серебряного света*. Переводчик тем самым дополняет образ – белая береза излучает свет.

3) Расширение смыслового горизонта оригинала за счет добавления новых смыслов. В оригинале береза *принакрылась снегом*, тогда как в переводе береза *仿佛涂上银霜 покрыта серебристым инеем*, в оригинале *в сонной тишине*, в переводе *在朦胧的寂静中 в тусклой полной тишине*, в оригинале – *заря*, в переводе – *朝霞 утренняя заря*.

Таким образом, отмеченная выше смысловая динамика привела к тому, что текст перевода воспринимается китайским читателем естественно и живописная лирика русского поэта для него понятна и близка. В этом и состоит миссия переводчика.

Обратимся к анализу русско-французского перевода. Напомним, что сам перевод дан выше.

Сопоставление оригинала и перевода показывает, что переводчику удалось гармонично передать смыслы текста, при этом мы наблюдаем гораздо меньше межъязыковых и межкультурных преобразований, чем в русско-китайском переводе. Вероятно, это объясняется тем, что перевод выполнен русскоязычным переводчиком, который при выборе эквивалентов стремился к точности передачи исходного смысла и образов автора. Разумеется, здесь есть и смысловые приращения, и смысловые опущения. Вместо слов белая береза – *Le petit bouleau viege* (букв.: молодая березка), вместо слов под моим окном – *Près de ton foyer* (букв.: около моего дома) и др.

Можно сказать, что форма текста перевода также симметрична форме текста оригинала: короткие строки, их 16. Содержание можно охарактеризовать как симметрично-асимметричное. При этом текст перевода читается в том же ритме, создавая у читателя аналогичное настроение: он видит образ снежной, белоснежной березки и понимает, что это и есть символ русской зимы на русской земле.

Анализ переводов поэтического текста с русского на китайский и французский языки выявил интересное взаимодействие между формальной и содержательной структурами. С формальной точки зрения оба перевода симметричны: количество строк остается таким же, что поддерживает аналогичную ритмическую структуру. Однако асимметрия структуры содержания проявляется из-за различий в культурных и лингвистических контекстах. Китайский перевод подчеркивает зимнюю красоту березы и вносит некоторые изменения, чтобы сделать текст ближе к китайской аудитории, сохраняя при этом гармонию переводческого пространства. В то время как французский перевод, выполненный русскоязычным переводчиком, ближе к оригиналу в содержании и меньше подвержен изменениям. Это показывает, что симметрия формы может соседствовать с асимметрией содержания, и важной задачей переводчика является сохранение смысловой гармонии и передача контура смысла, даже если это требует некоторых изменений, чтобы текст оставался понятным и близким читателю на другом языке.

Переходим к анализу прозаического текста. Мы обратились к творчеству детского писателя

Виталия Валентиновича Бианки. В. В. Бианки родился в Петербурге в 1894 г. Его отец был ученым-орнитологом, и он передал сыну любовь к живой природе. Как писатель он дебютировал в 1933 г. в журнале «Воробей», где был опубликован его рассказ «Путешествие красноголового воробья». С тех пор им было опубликовано около 300 рассказов и сказок о природе. Это был тонкий наблюдатель и знаток природы. По книгам В. В. Бианки дети до сих пор учатся читать. В своих текстах он реализовал природоведческую тематику и стал классиком детской литературы. В. В. Бианки прожил до 1959 г. Творческое кредо писателя удачно охарактеризовал Пришвин: «Рыбе – вода, птице – воздух, зверю – лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу – значит охранять родину» [Пришвин 1983].

Проанализируем фрагмент рассказа В. В. Бианки «Лесной год» и его перевод на китайский язык.

Оригинал:

Год – это колесо с двенадцатью спицами – месяцами: промелькнут все двенадцать спиц, колесо сделает полный оборот – и опять мелькнет первая птица. А колесо уже не там – далеко укатилось.

Опять придет весна и лес проснется, вылезет из берлоги медведь, вода затопит подвальных жильцов, прилетят птицы. Снова начнутся игры и пляски у птиц, родятся детеныши у зверей. И в Лесной газете читатель найдет все свежие лесные новости....

Перевод на китайский язык:

我们的读者也许要认为 《森林报》上的森林新闻和城市新闻每都是陈旧的。其实并不是这样。不错，年年有春天。不过，年的春天都是崭新的，不管你活上多少年，也不会看见两个一模一样的春天。

一年好比是个有 12 根辐条的车轮——每 一根辐条好比是一又 个月， 1 2 根 辐条 统统 滚 了 过 去， 就 是 车 轮 滚 了 一 圈；接 着， 该 轮 已 到 经 第 滚 一 到 根 远 辐 条 转 的 过 地 去 方 了 去。不过，这时车轮已经不在原 处——已经滚到远一些的地方去了。

春天又来了。森林苏醒了，熊从洞里爬出来，春水把森林动物的地下洞淹掉，鸟儿飞，重新开始做游戏和舞蹈，野路生儿育女。读者将在《森林报》上找到跟新鲜的森林新闻。

Обратный перевод на русский язык:

Год подобен колесу с 12 спицами – каждая спица подобна месяцу. Когда все 12 спиц повернутся, колесо тоже повернется до своего первого переката. Когда дальние птицы развернулись, колесо было уже не на своем месте, оно откатилось еще дальше.

Весна снова придет. Лес просыпается, медведи вылезают из берлог, родниковая вода заливает подземные норы лесных зверей, прилетают птицы, снова играют в игры и танцы, а на диких тропах рождаются и воспитываются их детеныши. Читатели найдут свежие новости в лесной газете.

Разумеется, трудно судить о качестве перевода с опорой на обратный перевод. Текст оригинала читается легко и свободно, создавая добрую атмосферу, где живописное описание природы напоминает русскую сказку, которую нам рассказывает мудрый писатель. Текст содержит индивидуально-авторские метафоры и вызывает ассоциации, размышления, представления. Вместе с тем даже схематичный обратный перевод позволяет нам заметить моменты приращения смыслов, которых не было в оригинале и которые «домысливает» автор. Так, в китайском варианте и его обратном переводе есть слова: *родниковая вода, подземные норы*. Мы можем предположить, что именно так в экополе рождаются новые экосмыслы. Здесь мы видим взаимопроникновение и взаимосвязь природных и социальных факторов, что обычно наблюдается в гармоничном переводе.

Мы признаем также, что весь текст не может быть переведен гармонично, и адекватный и эквивалентный переводы реальны и необходимы. Вместе с тем достижение природосообразности как экологичности при переводе текстов с природоведческой тематикой отражает баланс смыслов и гармонию как высшую цель и результат перевода.

Заключение

В настоящее время в России исследование проблемы экологичности перевода, соблюдение экологического равновесия между текстами оригинала и перевода носит фрагментарный характер и не имеет самостоятельного статуса, как, например, в Китае, где экотранслатология занимает особое место других направлений переводоведения.

Между тем, как показало наше исследование, экотранслатологическое видение перевода позволяет более глубоко проанализировать действия переводчика и выявить факторы, обеспечивающее полноценное транспонирование экосмыслов, эксплицитно или имплицитно содержащихся в оригинале. К ним относятся факторы, описанные китайскими учеными, а именно: языковые, психологические, коммуникативные, эстетические, а также факторы, выявленные российскими учеными, такие как культуроориентированные, природоориентированные, социоориентированные, что может быть отражено

в экополе переводческого пространства. Таким образом, мы подходим к характеристике экосреды, в которой порождается гармоничный текст перевода.

Мы осознаем, что невозможно опираться на все эти факторы одновременно, в рамках одного лингвопереводческого анализа. Но комплексный экотранслатологический анализ на материале нескольких текстов позволит нам представить общую картину этого феномена и выявить универсальные критерии порождения качественного текста перевода, который приобретет право быть фактом другой лингвокультуры.

Список источников

Бианки В. В. Лесная газета. Ленинград: Детгиз. 1958. 270 с.

Есенин С. А. Стихи. М. Московский рабочий. 1958. 528 с.

叶赛宁诗选 / (俄罗斯) 叶赛宁著; 王守仁编选; 顾蕴璞、王守仁译. —长春: 时代文艺出版社, 2020.4 外国经典诗歌珍藏丛书 / 柳鸣九主编

森林报. 春. 秃鼻乌鸦从南方飞来了 / (苏) 比安基著; 王汶译. —南昌: 二十一世纪出版社集团, 2010.4 (2023.2 重印)

Список литературы

Белозерова Н. Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы? Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. 252 с.

Белозерова Н. Н., Лабунец Н. В. Эколингвистика: в поисках методов исследования. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 256 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

Дрожащих Н. В. Экология языка и культуры: рекуррентность смысла // Экология языка на перекрестке наук: материалы междунар. науч. конф. (Тюмень, 11–13 ноября 2010 г.). Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 29–34.

Кожеевникова О. В., Чернова А. А. Употребление термина «адаптация» и его производных в научных публикациях на русском и английском языках // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31, вып. 6. С. 1241–1244. doi 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1241-1246

Кушникова Л. В., Плюснина Е. М. Экология перевода: предпосылки зарождения и пути развития. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2016. 156 с.

Кушникова Л. В., Юзманов П. Р. Экология перевода: культура vs природа // Экология языка на перекрестке: материалы междунар. науч. конф. (Тюмень, 11–13 ноября 2010 г.). Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 41–45.

Кушникова Л. В. Экосистема перевода как проявление синергии смыслов взаимодействующих культур // Экология языка на перекрестке наук: материалы междунар. науч. конф. (Тюмень, 17–19 ноября 2011 г.). Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. С. 16–21.

Пришвин М. М. Моя Родина. М.: Детская литература, 1983. 32 с.

Прошина З. Г. Экопереводоведение как модель переводческой деятельности // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2016. № 4. С. 100–109.

Пшенкина Т. Г. Психологические основания вербальной посреднической деятельности. Барнаул, 2005. 240 с.

胡庚申. 生态翻译学: 建构与诠释 [M]. 商务印书馆, 2013. 页数: 512 (Hu Gengshen. Shengtai fanyixue: Jiangou yu quanshi. Beijing, The Commercial Press, 2013. 512 p.)

Cordus J. Subjectivité et traduction dans le Testament français de Makine // Atelier de la traduction. Subjectivité du traduire. 2013. Numéro hors série. P. 133–144.

Hewson L. Eloge à la subjectivité // Atelier de la traduction. Subjectivité du traduire. 2013. Numéro hors série. P. 13–32.

Hu Gengshen. Eco-Translatology, Towards an Eco-paradigm of Translation Studies. Singapore: Springer, 2020. 312 p.

蓝红军, 冯丽霞. 翻译理论建构的多元融合——生态翻译学 20 年(2001–2021)之启思[J]. 中国外语, 2022, 19(1), p. 105–111. (Lan Hongjun, Feng Lixia. Fanyi lilun jiangou de duoyuan ronghe – shengtai fanyixue 20 nian (2001–2021) zhi qi si // Zhongguo waiyu. 2022, 19(1), P. 105–111.)

朱瑜. 中国传统译论的哲学思辨[J]. 中国翻译. 2008(01)朱瑜. 中国传统译论的哲学思辨[J]. 中国翻译, 2008 (01), pp. 14–19. (Zhu Yu. Zhongguo chuantong yi lun de zhexue si bian // Zhongguo fanyi. 2008(01). P. 14–19).

References

Belozeroва N. N. *Mir real'nyy i mir virtual'nyy: dve ekologicheskie sistemy?* [The Real World and the Virtual World: Two Ecological Systems?]. Tyumen, Tyumen State University Press, 2010. 252 p. (In Russ.)

Belozeroва N. N., Labunets N. V. *Ekolingvistika: v poiskakh metodov issledovaniya* [Ecolinguistics: In Search of Research Methods]. Tyumen, Tyumen State University Press, 2012. 256 p. (In Russ.)

Boldyrev N. N. Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii [Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2016, issue 4, pp. 10–20. (In Russ.)

Drozhashchikh N. V. *Ekologiya yazyka i kul'tury: rekurrentnost' smysla* [The ecology of language and

culture: Recurrence of meaning]. *Ekologiya yazyka na perekrestke nauk* [Ecology of Language at the Crossroads of Sciences]: Proceedings of the International Scientific Conference (Tyumen, November 11–13, 2010). Tyumen, Tyumen State University Press, 2011, pt. 1, pp. 29–34. (In Russ.)

Kozhevnikova O. V., Chernova A. A. Upotreblenie termina 'adaptatsiya' i ego proizvodnykh v nauchnykh publikatsiyakh na russkom i angliyskom yazykakh [Usage of the term 'adaptation' and its derivatives in Russian and English scientific publications]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2021, vol. 31, issue 6, pp. 1241–1244. doi 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1241-1246 (In Russ.)

Kushnina L. V., Plyusnina E. M. *Ekologiya perevoda: predposylki zarozhdeniya i puti razvitiya* [Ecology of Translation: Prerequisites for Its Origin and Paths of Development]. Perm, Perm State University Press, 2016. 156 p. (In Russ.)

Kushnina L. V., Yuzmanov P. R. *Ekologiya perevoda: kul'tura vs priroda* [Ecology of translation: Culture vs nature]. *Ekologiya yazyka na perekrestke nauk*: [Ecology of Language at the Crossroads of Sciences]: Proceedings of the International Scientific Conference (Tyumen, November 11–13, 2010). Tyumen, Tyumen State University Press, 2011, pt. 1, pp. 41–45. (In Russ.)

Kushnina L. V. *Ekosistema perevoda kak proyavlenie sinergii smyslov vzaimodeystvuyushchikh kul'tur* [The translation ecosystem as a manifestation of the synergy of meanings of interacting cultures]. *Ekologiya yazyka na perekrestke nauk* [Ecology of Language at the Crossroads of Sciences]: Proceedings of the International Scientific Conference (Tyumen, November 17–19, 2011). Tyumen, Tyumen State University Press, 2012, pt. 1, pp. 16–21. (In Russ.)

Prishvin M. M. *Moya Rodina* [My Motherland]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1983. 32 p. (In Russ.)

Proshina Z. G. *Ekoperevodovedenie kak model' perevodcheskoy deyatel'nosti* [Ecotranslatology as a model of translation]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2016, issue 4, pp. 100–109. (In Russ.)

Pshenkina T. G. *Psikhologicheskie osnovaniya verbal'noy posrednicheskoy deyatel'nosti* [Psychological Foundations of Verbal Mediation Activity]. Barnaul, 2005. 240 p. (In Russ.)

Hu Gengshen. *Shengtai fanyixue: Jiangou yu quanshi* [Ecological Translatology: Construction and Interpretation]. Beijing, The Commercial Press, 2013. 512 p. (In Ch.)

Cordus J. Subjectivité et traduction dans le Testament français de Makine [Subjectivity and trans-

lation in the French Testament of Makine]. *Atelier de la traduction. Subjectivité du traduire* [Translation Workshop. The Subjectivity of Translation], special issue 2013, pp. 133–144. (In Fr.)

Hewson L. Eloge à la subjectivité [In praise of subjectivity]. *Atelier de la traduction. Subjectivité du traduire* [Translation Workshop. The Subjectivity of Translation], special issue 2013, pp. 13–32. (In Fr.)

Hu Gengshen. *Eco-Translatology, Towards an Eco-paradigm of Translation Studies*. Singapore, Springer, 2020. 312 p. (In Eng.)

Lan Hongjun, Feng Lixia. Fanyi lilun jiangou de duoyuan ronghe – shengtai fanyi xue 20 nian (2001–2021) zhi qi si [Diversified integration of translation theory construction – Inspiration from 20 years of ecological translology (2001–2021)]. *Zhongguo waiyu* [Chinese Foreign Languages], 2022, issue 19(1), pp. 105–111. (In Ch.)

Zhu Yu. Zhongguo chuantong yi lun de zhexue si bian [Philosophical speculation on traditional Chinese translation theory]. *Zhongguo fanyi* [China Translation], 2008, issue 1, pp. 14–19. (In Ch.)

A Translator as a Subject of Ecotranslatology

Lyudmila V. Kushnina

Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614990, Russian Federation. lkushnina@yandex.ru

Ekaterina A. Fomenko

Postgraduate Student at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614990, Russian Federation. pismo_4me@mail.ru

Lecturer

China University of Petroleum (East China)

66, Changjianglu st., Xihai district, Qingdao, 266580, China. pismo_4me@mail.ru

Submitted 31 Oct 2023

Revised 14 Dec 2023

Accepted 18 Dec 2023

For citation

Kushnina L. V., Fomenko E. A. Perevodchik kak sub'ekt ekotranslatologii [A Translator as a Subject of Ecotranslatology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 59–68. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-59-68 (In Russ.)

Abstract. The article attempts to establish the connection between Russian-language and Chinese-language concepts that define the modern interdisciplinary ecological paradigm in approaching language, culture, text, discourse, and their interlingual and intercultural interaction in the process of translation. The research is based on the concepts of ecotranslatology developed by Chinese scholars and translation ecology presented in the works of Russian authors. Both concepts form the methodological basis of the research. Within the scope of translation ecology, the concept of translation space developed by L. V. Kushnina is examined, with cognition, synergy, and harmony being its key notions. The ecological approach has expanded the understanding of the fields within the translation space where synergies of meanings occur, leading to harmony, and introduced the notion of an ecofield that deals with eco-senses and eco-concepts. In the realm of ecotranslatology, Hu Genshen, a well-known figure not only in China but also in the West, introduces ideas of ecological balance, multidimensional transformation of text, adaptation to the eco-environment, which determines the ecological nature of translated text and leads to semantic proportionality. The present study deals with texts in three languages – Russian, French, and Chinese. Poetic texts by S. Yesenin and prose texts by V. Bianki were used as originals. Their translations into French and Chinese were analyzed, allowing the authors to perceive an expanded panorama of eco-translation discourse. As a result of the research, the importance of the eco-translation approach to the analysis of translation processes in terms of language-meaning perception and language-meaning generation is demonstrated, leading to the conclusion about the possibility of integrating these two scientific schools to cognize the underlying principles of the translation process and enhance its quality.

Key words: ecotranslatology; ecology of translation; eco-environment; translation space; subject; cognitive activity of the translator; adaptation; ecofield; eco-sense; semantic harmony.

УДК 81'25

doi 10.17072/2073-6681-2024-1-69-78

EDN HZGHCS

Хезитационные явления в устном монологе-рассказе на неродном языке (на материале русской речи китайцев)

Чжао Цзэли

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. zhaozeli@mail.ru

SPIN-код: 4685-1551

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1915-8497>

ResearcherID: IAR-1188-2023

*Статья поступила в редакцию 16.08.2023**Одобрена после рецензирования 07.09.2023**Принята к публикации 01.12.2023***Информация для цитирования**

Чжао Цзэли. Хезитационные явления в устном монологе-рассказе на неродном языке (на материале русской речи китайцев) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 69–78. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-69-78

Аннотация. Статья посвящена анализу русского устного спонтанного монолога-рассказа на неродном языке. Цель работы – всесторонний анализ хезитационных явлений (ХЯ) в русском устном монологе-рассказе китайцев. Основными методами исследования, используемыми в работе, являются описательный (контекстный), квантитативный (простые количественные подсчеты), сопоставительный и экспериментальный (расшифровка записанных текстов). Источником материала для анализа послужили 20 монологов китайцев на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из корпуса русской монологической речи, созданного в СПбГУ и известного как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). В работе описываются разные ХЯ в таком монологе, рассчитывается частота их встречаемости, а полученные данные сравниваются с результатами сходных исследований на материале русской речи носителей китайского языка. Анализ показал, что в русском устном монологе-рассказе китайцев присутствуют не только все известные в научной литературе типы ХЯ, но и некоторые явления, свойственные только речи китайцев. Физические хезитационные паузы, неречевые звуки, растяжки гласного, обрывы слов и повторы-хезитации являются наиболее типичными (топ-5) ХЯ в их речи. Это согласуется с результатами и других исследований на материале как монологов-рассказов, так и иных типов монологической речи (чтение, пересказ, описание изображения). Результаты работы не только вносят вклад в изучение устной спонтанной речи и фонетики русского языка как иностранного, но и могут быть полезны в практике преподавания русского языка как иностранного, особенно в китайской аудитории, поскольку способны помочь китайцам повысить эффективность реальной коммуникации на русском языке.

Ключевые слова: устная коммуникация; спонтанная речь; монолог-рассказ; хезитационное явление; звуковой корпус.

Введение

В последние годы, по мере роста интереса лингвистов к живой, устной и спонтанной речи, хезитационные явления (ХЯ) также стали при-

влекать всё большее внимание исследователей (см., например: [Lounsbury 1954; Maclay, Osgood 1959; Бондаренко 1984; Фонетика... 1988; Clark, Fox Tree 2002; Александрова 2004; Степанова

2006; Ворон и др. 2016] и мн. др.). Однако большинство этих работ сосредоточены на изучении речи естественных билингвов или на речи на родном языке, исследований ХЯ на неродном языке пока мало, хотя ситуация здесь, очевидно, сложнее.

Хезитация (речевое колебание, от лат. *haesito* – «засесть, застревать, задерживаться» и англ. *Hesitation* – «колебание») – это «заминка, пауза в устной речи, вызванная не синтаксическим строением текста» [Чэн Чэнь 2017: 8]. Ее появление в речи обычно связано с тем, что говорящий вынужден говорить и думать одновременно. В условиях спонтанного речепорождения из-за нехватки времени говорящим приходится не только думать о том, что сказать дальше, и искать соответствующую лексику, но и время от времени исправлять собственные речевые ошибки, что делает его речь недостаточно плавной и точной, прерывистой, содержащей много избыточной информации; такой речи свойственны «ошибки и сбои, паузы хезитации, повторы, коррекции, обрывки слов» и т. д. [Furui et al. 2004: 401]. Хезитацию можно назвать одной из форм речевого сбоя, при котором нарушается плавное развертывание речевого потока [Подлесская, Кибрик 2006: 8]. Подобные сбои являются характернейшей особенностью устной спонтанной речи, поскольку их наличие не только принципиально отличает такую речь от письменной, но и отражает ее «сиюминутность, творческий характер» [Фонетика... 1988: 144]. Хезитацию можно считать комплексным полифункциональным феноменом, рассматриваемым как «перерыв, который говорящий использует для подготовки следующей порции и/или (при сочетании с коррекцией) – для обдумывания возможного способа исправления предшествующей порции» [Подлесская, Кибрик 2006: 8].

Хезитационные явления в устной речи имеют довольно богатую форму реализации. Они могут быть представлены как в виде физических пауз (незаполненная пауза: отсутствие всякой фонации, фактически перерыв в звучании), так и в виде разного рода звуковых элементов (заполненная пауза хезитации – ПХ): растяжка звуков (как гласных, так и согласных) (я-я; заняю-ю, с-с), обрывы слов (*в свобод... свободное время*), повторы (*купить одежду одежду на сайте*), неречевые звуки (э-э, эм, м-м), асемантические частицы, тяготеющие к «словам-паразитам» (*вот, ну, там*), вставные фразы – метатекстовые комментарии, обращенные говорящим к самому себе или к адресату, обеспечивающие непрерывный контакт с собеседником (*щас подумаю что ещё делаем*) и проч. Все вышеперечисленное можно

считать основным набором типов хезитаций, но, помимо них, к ХЯ иногда относят также фальстарты, заикание, запинки, случаи самокоррекции или незавершенность (обрывы) предложений. Объектом анализа в настоящей работе является лишь основной набор способов выражения колебаний говорящего.

Материал и информанты

Материалом для анализа послужили 20 русских монологов-рассказов китайцев на тему «Как Вы проводите время на каникулах?»¹ из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстовая» (САТ) (см.: [Звуковой корпус... 2013]). Общее время звучания материала – 40 минут 8 секунд. Все записи в рамках корпуса САТ были расшифрованы на основе слухового анализа и представлены в псевдоорфографическом виде, без знаков препинания, но с подробной интонационной разметкой.

Информантами выступили 20 китайцев в возрасте 23–28 лет, обучающихся в петербургских вузах. Их состав был сбалансирован социологически (гендер и уровень владения русским языком – В2 и С1), и все они прошли также психологический тест Г. Айзенка с целью выявления их психотипа (интроверт, амбиверт и экстраверт).

Стоит отметить, что, в отличие от диалога, *монолог* – это форма речи, «обращенная говорящим к самому себе, не рассчитанная на словесную реакцию другого лица» [Розенталь, Теленкова 1985: 120]. А *монолог-рассказ* на заданную тему – это тип спонтанного монолога, обладающий наименьшей степенью лингвистической мотивированности² и наибольшей степенью спонтанности [Звуковой корпус... 2013: 87]. Использование такого материала позволяет исследователю не только больше сосредоточиться на особенностях речи собственно говорящего, не отвлекаясь на речь его собеседника, но и получить наиболее достоверные данные, поскольку речь говорящего в данном случае мотивирована только вопросом экспериментатора.

Результаты анализа

В результате анализа материала обнаружены хезитационные явления (их количество составило 1371), которые охватывают не только все известные в научной литературе, но и некоторые, свойственные только речи китайцев типы ХЯ. Рассмотрим их последовательно.

1. Физические (незаполненные) ПХ – [(краткая), || (более долгая) или ||| (сверхдолгая, более 5 с)³ – «полный перерыв (разной длительности) в звучании, не обусловленный синтагматическим членением текста» [Чэн Чэнь 2017: 48], ср.:

- 1) когда [я-я в-э детстве / н-н иногда [люди [задАли мне тОкий вопрос (И11, дев., С1, И)⁴;
- 2) я ленивый человек / просто [оставил дома / я никуда не поеду <вздых> || что <смех> ||| (6 s) то всё (И17, юн., В2, И).

Можно видеть, что, в отличие от синтагмы, которая «представляет собой интонационно организованное фонетическое единство, состоящее из одной или нескольких ритмических групп, возникающее в речи и выражающее единое смысловое целое» [Щерба 1963: 86], позиция физических ПХ не является регулярной (то же самое относится и к другим ХЯ), их появление зависит только от специфики речи говорящего. Даже в небольших речевых фрагментах, подобных приведенным выше, ПХ встречаются довольно часто. Это объясняется не только тем, что данные ХЯ не подпадают под какие-либо языковые ограничения, но и тем, что они, наряду с неречевыми звуками, являются наиболее удобным и простым для говорящего способом (в том числе в речи на неродном языке) выиграть время на размышление.

2. Неречевые звуки (э-э, эм, м-м, н-н, ы-н):

- 3) на каникулах / эм [я обычно-о [встречу с друзьями / которых [э-э [уже давно не видела / мы будем [найти [несколько [ресторанов / э-э [и-и || м-м или [разные-е || э-ы || замечательные-е помещения (И1, дев., В2, Э);
- 4) меня зовут Вера / я-я ы-н сейчас я аспирант первого курса сл н-н н-н у нас сейчас занятий не очень много / поэтому [ы у меня [много свободного времени (И15, дев., В2, И).

В примерах (3)–(4), помимо общеупотребительных (э-э, э-м, м-м), встречаются также некоторые специальные звуковые единицы (ы, н, ы-н и н-н), которые можно признать специфичными для носителей китайского языка. Их появление может быть связано с тем, что китайцы привыкли использовать 嗯 (н-н) и 呃 (ы) в речи на родном языке, для заполнения пауз хезитации.

3. Растяжка гласного

Растяжки гласного представляют собой довольно типичный тип ХЯ, в материале исследования они зафиксированы как в односложных (о-о, а-а, я-я), так и в многосложных единицах (часто-о, на-а). При этом позиция звука может быть как внутри, так и в конце слова, хотя последний вариант является наиболее распространенным, ср.:

- 5) н-н в свободное время сл я часто-о звоню-ю ему / ы-н и [говорю с... ы-н с ним о-о обычном жизни [о учёбе (И14, дев., В2, А);
- 6) хотя-я я лично [не очень люблю играть компьютерные игры / и-и думаю что иногда эти игры очень [скУчны / ну-у просто-о нечего

делать / поэтому и-иногда я тоже играю // мп а-а <вздых> <глотание> [ещё что <вздых> я делаю [в-э своё свободное время (И20, юн., С1, А);

- 7) обычно-о на-а каникулы я [э-н [с-э последний последние годы / домой уезжаю [н-н [какой-то компа-ании / или [сами с друзьями работаем (И13, юн., С1, Э).

Здесь необходимо отличать растяжку гласного в односложных словах (а-а, и-и) от неречевых звуков (а-а, и-и). Критерием для их различения может служить наличие самостоятельного грамматического значения. Так, в примере (6) перед нами явно разные единицы: говорящий сначала использовал сочинительный союз *и*, который задается самой структурой предложения (*хотя-я я лично [не очень люблю играть компьютерные игры / и-и думаю что иногда эти игры очень [скУчны*) – это можно отнести к растяжке гласного, а потом, после фразовой паузы (/), информант хезитирует, не зная, что сказать дальше, поэтому в его речи возникает цепочка ХЯ (*мп а-а <вздых> <глотание> [ещё что <вздых> я делаю [в-э своё свободное время*), в которых *а-а* не имеет грамматического значения, а является неречевым звуком.

4. Растяжка согласного:

- 8) когда я свободен я-я н обычно-о [ы-н общаюсь с дру... с друзьями / ы-н по-о телефону / или-и с-с соседом [ы гуляем [на улицу (И19, юн., В2, Э);
- 9) в свободное время / я [н-н а а я люблю н-н с друзьями [н-н в-в-встретаться (И18, дев., С1, Э);
- 10) н-н и [иногда читаю книгу / иногда [ы-н [с друзьями заходим-м в кафе [покушаем (И19, юн., В2, Э).

Этот тип ХЯ близок к предыдущему, хотя позиция растянутого согласного звука в слове оказалась более свободной, чем гласного.

5. Обрыв слова – это «своеобразное “заикание” говорящего, когда в потоке речи он сбивается, обрывает слово и часто затем повторяет его» [Звуковой корпус... 2013: 179], ср.:

- 11) я очень люблю ы ы-н найти с... вкусная [вкусные еды / и-и с друзья друзьями ы поделиться (И16, юн., В2, А);
- 12) сл иногда я приготов... то-о... [ужин блюд / и что || то иногда общаться с друзьями / по телефону [как обычно (И17, юн., В2, И);
- 13) но-о если конкретно говоря / то-о ы ещё есть что делать / в свобод... свободное время (И20, юн., С1, А);
- 14) каждая суббота / мне надо стирать [ы-н [стирать комнату / чис-то-о [чистить комнату / потому что-о / я-я с... [ы-н [сняла [ы-н [коммунальна... ы коммунальную ком-

нату / и каждый [человек / ы-н [каждый неделя надо [по очереди / ы-н [чистить (И4, дев., С1, И).

Из примеров видно, что обрыв слова в русских монологах китайцев можно разделить на 2 типа по количеству реализаций: однократные (в свобод... свободное время) и неоднократные (я приготов... то-о...), а по форме реализации (способу операции отмены) – на 3 типа [Звуковой корпус... 2013: 427–434]:

- нулевая отмена (оборванное слово повторяется (договаривается) без всякой коррекции): в свобод... свободное время; я-я с... [ы-н [сняла;
- частичная отмена (повтор с коррекцией): сняла [ы-н [коммунальна... ы коммунальную комнату;
- полная отмена (оборванное слово брошено, говорящий к нему больше не возвращается): я очень люблю ы ы-н найти с... вкусная; сл иногда я приготов... то-о... [ужин блюд.

6. Разрыв слова:

- 15) иногда я [ы-н люблю спать / сл ы-н часто со ы-н [мужем [ы в кафе [разго... вариваем (И8, дев., С1, Э);
- 16) ещё-ё я-я [э купила карту / ы-н [с-порттивно... [ы-н [ного клу... клуб... клуба (И4, дев., С1, И).

Отличие разрыва слова от обрыва состоит в том, что здесь нет повторов и слово произносится целиком. Реализованная форма может быть не только простым разрывом слова, в нее могут быть вставлены и другие ХЯ, например, физические ПХ и неречевые звуки (16).

7. Скандированное (с разбивкой на слоги) произнесение слова или его части:

- 17) я обычно сл ы-н смотрю [н-н телевизор <со смехом> / н-н и-и читаю [н-н книгу / н обычно это [домашнее задание / я недовольна <смехом> читаю / ы я мне [н и нет [сл н-н я я не очень хочу читать книгу (И14, дев., В2, А);
- 18) н-н [каждая суббо-та [ы-н [каждая суббота / мне надо стирать [ы-н [стирать комнату (И4, дев., С1, И).

Это очень специфический тип ХЯ, отмеченный в литературе, за исключением русской речи китайцев, еще только в русской спонтанной речи франкофонов [Казак 2015]. Возможно, этот тип еще просто не попал в полной мере в поле зрения исследователей.

8. Повтор-хезитация:

- 19) и-и [ы-н иногда мы вместе смотрим фильм или слушаем музык музыку / или н-н [или-и [щас подумаю / что ещё делаем (И19, юн., В2, Э);

- 20) н-н сл и-и я-я [я люблю [ы-н [купить [одежду одежду на сайте / н-н [смотреть [ы-н теле... телевидение (И14, дев., В2, А).

Здесь также можно говорить о повторях-хезитациях разного типа:

- нулевая отмена (полный повтор): купить [одежду одежду на сайте;
- частичная отмена (повтор с коррекцией): смотрим фильм или слушаем музык музыку.

Думается, что этот тип ХЯ может помочь говорящему решить сразу две задачи – поиск продолжения речи и самокоррекция, причем возникновение последней обычно связано с недостаточным владением говорящего русским языком; так, в примере (19) повтор продиктован недостаточным знанием грамматики русского языка.

9. Слова-«паразиты»:

Словами-«паразитами» в научной литературе называют «слова и выражения, которые могут употребляться в спонтанной речи достаточно большого числа говорящих с неоправданно высокой, с точки зрения слушающего, частотой» [Разлогова 2003: 158], ср.:

- 21) ну если будет такой шанс / я-я предпочитаю гулять [гулять в природе / гулять в парке / ы-н ну просто гулять [ы-ы можно по улицам можно по паркам (И20, юн., С1, А);
- 22) но для меня каникулах / как любой там выходные день / ну [ну [я так люблю там во время каникулах там [с друзьями встречаться (И8, юн., С1, А).

Стоит отметить, что под влиянием начального образования китайцы слабо владеют русскими частицами, в том числе асемантическими: не только реже употребляют их, но и используют меньше их разновидностей (ср.: [Чжао Цзэли 2022]). В связи с этим появление слов-«паразитов» в русской речи китайцев означает не только то, что они пытаются выиграть время для размышления, вставляя в свою речь эти «пустые» слова, но и то, что они жили в России или много общались с русскими (только так можно «научиться» этой особенности спонтанной речи). В результате информанты, в речи которых есть слова-«паразиты», как правило, имеют более высокий уровень владения русским языком. Не случайно примеры (21)–(22) – из монологов информантов с уровнем С1.

10. Метакоммуникативные вставки (МВ) – это конструкции, которые «обращены говорящим к самому себе или к собеседнику, записывающему речь (экспериментатору), и чаще всего представляют собой сетования информанта на трудность задания, оценку своих способностей выполнить его или разговор с самим собой по хо-

ду реализации этого сценария (своего рода вставной "текст о тексте")» [Богданова 2008: 327], ср.:

- 23) *ы-н иногда мы вместе смотрим фильм или слушаем музык музыку / или н-н [и или-и [ицас подумаю / что ещё делаем* (И19, юн., В2, Э);
- 24) *в свободное время я-я часто слушаю му... музыки [н-н мп н смотреть ы-н [н-н телеви-ви... н смотреть сл ы-н телевидЕние нет [н-н [программу* (И15, дев., В2, И).

На материале корпуса САТ К. Д. Зайдес описала 18 типов МВ, выявленных в русской спонтанной речи на родном и неродном языке [Зайдес 2016: 22]. Не все эти типы можно отнести к ХЯ, поскольку не все они служат для заполнения ПХ, обладают поисковым или корректирующим характером, что требует, впрочем, специального исследования.

11. Паралингвистические элементы (ПЭ), сопровождающие естественную речь (<смех>, <кашель>, <вдох> и под.):

- 25) *ы-н иногда мы вместе смотрим фильм или слушаем музык музыку / или н-н [и или-и [ицас подумаю / что ещё делаем <вдох> / н-н и [иногда читаю книгу / иногда [ы-н [с друзьями заходим-м в кафе [покушаем* (И19, юн., В2, Э);
- 26) *да я ленивый человек / просто [оставил дома / я никуда не поеду <вдох>* (И17, юн., В2, И);
- 27) *сл н-н но-о у меня [единственный [н-н близкий друг / я думаю что это мой парень <со смехом> // н-н в свободное время сл я часто-о звоню-ю ему* (И14, дев., В2, А);
- 28) *каникулы это [а-а совсем свободное времени / а-а [н-н [мне не надо работать не надо учиться / <вдох> и-и [а-а [я могу / а-а [отды-дыхать [а не просто дЕла мной духОй (?)* (13, дев., В2, И);
- 29) *я так люблю путешествовать во время каникулы / поскольку <со вздохом> [в-э то время [я могу [и потом [и] (пауза 14 с) (И8, юн., С1, А);*
- 30) *я тоже такой человек который [очень люблю природу / поэтому ы если возможно [хотя сейчас сегодня ы-ы мы все ы все все были во самоизоляции [все все во самоизоляции / потом сейчас вот <смех> уже [уже нельзя [выйти [из из из из дома [из домА* (И20, юн., С1, А).

Как видно из примеров, ПЭ могут быть как сегментными, т. е. занимающими свое место в звуковой цепи (<смех>, <кашель>, <вдох>), так и супraseгментными, надстраивающимися над сегментными элементами и реализующимися наряду с ними: <со смехом>, <со вздохом>. Причины появления ПЭ могут быть разными: так,

вздохи возникают либо из-за неудовлетворенности собственным состоянием (26), либо из-за сложности поставленной задачи: (25), (28), (29) (о чем свидетельствуют некоторые ХЯ, которые следуют после вздохов). Причиной возникновения смеха может быть, например, мысль о счастливых людях (27) или беспомощность текущего состояния говорящего (30).

12. Цоканье языком:

- 31) *чаще всего я просто-о вот [сижу за компьютером / и игра... играю компьютерные игрыЫ / тс хотя-я я лично [не очень люблю играть компьютерные игрыЫ* (И20, юн., С1, А);
- 32) *хотя [тс она пока ещё не сы... сырая* (И7, дев., С1, И).

Это явление, наряду с причмокиванием (см. ниже), некоторые исследователи относят к *звуковым артефактам* и противопоставляют невербальным хезитациям (см.: [Кипяткова, Верходанова, Ронжин 2012]). Но хезитационный характер этих элементов совершенно очевиден: так, в примерах (31)–(32) маркеры хезитации (растяжка гласного в слове *хотя-я* и физическая ПХ) можно видеть как до, так и после цоканья языком, т. е. перед нами типичная хезитационная цепочка.

13. Причмокивание:

- 33) *сл мп и-и с... расскажу немножко про себе* (И12, дев., С1, А);
- 34) *я обычно дома / и-и [мп лажу [у кровати / смотреть [сл новость* (И17, юн., В2, И).

Причмокивание как хезитационное явление отмечается в научной литературе [Кипяткова, Верходанова, Ронжин 2012; Чэн Чэнь 2017], и можно заметить, что, как и в случае с цоканьем языком, его появление часто сопровождается другими ХЯ.

14. Шумное втягивание воздуха:

- 35) *я-я ы-н сейчас я аспирант первого курса сл н-н н-н у нас сейчас занятий не очень много / поэтому [ы у меня [много свободного времени* (И15, дев., В2, И);
- 36) *я очень люблю ы сл ы-н найти с... вкусная [вкусные еды / и-и с друзья друзьями ы поделиться* (И16, юн., В2, А).

Этот тип хезитационных явлений, как и скандирование слова или его части, зафиксирован пока, помимо русской речи китайцев, только в русской спонтанной речи франкофонов [Казак 2015]. Но думается, что и это объясняется лишь тем, что исследователи его еще не заметили. Данный тип ХЯ, очевидно, может появиться в речи на любом языке.

15. Огласовка конечного согласного предлога:

- 37) *я-я бы хотел [ы смотреть ы кино с-ы друзьями / ы-н с-ы девушками* (И6, юн., В2, А);

38) в субботу / я-я часто хожу [**ву-у** [музей / **ву-у** театр (И5, юн., В2, А).

Можно предположить, что появление этого ХЯ связано с китайским как родным языком говорящих. С одной стороны, оно не упоминается в исследованиях русской речи носителей других языков, с другой – для китайского языка в принципе не характерно стечение согласных, которое и разрезается в русских словах гласной вставкой (см. об этом: [Ван Тянь Чан 1984; Чанг Чин Гво 1999; Чжао Чжэ 2016; и др]). Иными словами, это явление, как и неречевые звуки *ы*, *н*, *ы-н* и *н-н*, можно признать уникальным для китайцев.

Вообще говоря, появление хезитационных явлений в монологах связано в основном с дефицитом времени, но нельзя не учитывать и недостаточное владение информантами русским языком. По этой причине говорящий тратит больше времени на поиск слова, обдумывание грамматической формы или исправление сделанных ошибок. Из-за трудности поставленной задачи он вынужден также использовать некоторые приемы, такие как вдох или вздох, чтобы регулировать свои эмоции.

Количественные подсчеты показали, что наиболее частотные типы ХЯ в рамках пользовательского подкорпуса материала – это физические ПХ (39,3 %), неречевые звуки (26,4 %), растяжки гласного (10,1 %), обрывы слова (6,3 %) и повторы-хезитации (4,4 %). Частота остальных типов ХЯ существенно ниже.

Сравнение с результатами аналогичных исследований русской спонтанной речи носителей китайского языка (см. [Чэн Чэнь 2017; Кун Чунься 2022]) показало, что при использовании одного и того же типа материала (монолог-рассказ) наиболее частотные типы ХЯ оказываются одинаковыми, но в настоящем исследовании выявлено больше типов ХЯ, что, в свою очередь, привело к снижению частоты встречаемости некоторых главных разновидностей. При использовании других типов материала, таких как пересказ, описание и чтение, наиболее частотные типы ХЯ по-прежнему в основном остаются такими же. Разница лишь в том, что в неподготовленном чтении китайцев скандирование слова или его части вошло в группу наиболее частотных типов ХЯ, но это, очевидно, связано с речевым жанром.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сказать, что хезитационные явления в русских монологах-рассказах китайцев представлены очень широко и в основном характерны и для их родного языка. При этом типы ХЯ, часто используемые китайцами в русских устных монологах

разного типа, во многом совпадают. Это означает, что в будущем, возможно, удастся получить более полное представление о ХЯ в русской устной речи китайцев путем сопоставления результатов настоящего исследования с характеристиками хезитации в русском диалоге китайцев.

Представляется, что результаты проведенного исследования, с одной стороны, могут быть полезны для изучения устной спонтанной речи и фонетики русского языка как иностранного, с другой – могут быть использованы в курсах преподавания русского языка как иностранного, в первую очередь в китайской аудитории, помогая студентам повысить эффективность реальной коммуникации на русском языке.

Примечания

¹ Из 20 монологов китайцев, использованных в работе, 10 (И1–И10) были записаны и расшифрованы Чэн Чэнь [Чэн Чэнь 2017] и еще 10 (И11–И20) записаны Кун Чунься и расшифрованы автором настоящего исследования. Все проанализированные монологи составляют блок RIK (русская интерферирующая речь китайцев) в структуре корпуса САТ.

² Под *лингвистической мотивированностью* спонтанного монолога понимается его обусловленность некоторым исходным (первичным) стимулом, «давшим говорящему импульс для порождения речи» [Богданова 2006: 288]. О взаимозависимости лингвистической мотивированности и спонтанности монологического текста см.: [Звуковой корпус... 2013: 87].

³ Длительность таких сверхдолгих пауз указывается в расшифровках в скобках после знака паузы.

⁴ Все примеры в статье атрибутированы с указанием номера информанта (И1, И2...), его пола, психотипа (Э – экстраверт, И – интроверт, А – амбиверт) и уровня владения русским языком: В2 (более низкий, постпороговый) или С1 (более высокий, уровень компетентного владения), согласно Российской государственной системе тестирования иностранных граждан. Прописная буква в слове означает неверное ударение; тексты представлены в оригинальной (авторской) орфографии, без исправления ошибок.

Список литературы

Александрова О. А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 208 с.

Богданова Н. В. О единице описания синтаксической структуры устного спонтанного монолога: проблемы, методики, гипотезы // ...СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ. Памяти Аллы Соломоновны

Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. С. 288–293.

Богданова Н. В. Разные типы коммуникативных сценариев в спонтанной речи и «текст о тексте» как разновидность вставной конструкции // Русистика и современность: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб.: Изд. дом МИРС, 2008. С. 326–334.

Бондаренко Л. П. Пауза колебания и порождение высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 158–166.

Ворон А. А. и др. Паузальное членение квазиспонтанной разговорной речи носителей амурской разновидности дальневосточного диалекта русского языка / А. А. Ворон, Е. А. Облякова, С. И. Гусева, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2, № 2. С. 37–57.

Зайдес К. Д. Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке // Коммуникативные исследования. 2016. № 3(9). С. 19–35.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Казак М. В. Паузы хезитации в спонтанной речи на родном и неродном языках (на материале речи франкофонов). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. 74 с.

Кипяткова И. С., Верходанова О. В., Ронжин А. Л. Сегментация паралингвистических фонационных явлений в спонтанной русской речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 17–23.

Кун Чунься. Специфика неподготовленного чтения на неродном языке (комплексное исследование на материале русской речи носителей китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 307 с.

Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006. № 12. С. 7–55.

Разлогова Е. Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. 2003. № 6. С. 152–169.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

Степанова С. Б. Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Вып. 20. Секция фонетики. Ч. 1. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. С. 24–32.

Фонетика спонтанной речи / ред. Н. Д. Светозарова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 245 с.

Чжао Чжэ. Взаимовлияние русского и китайского языков с точки зрения согласных звуков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10. С. 169–172.

Чжао Цзэли. Морфологические особенности устного спонтанного монолога-рассказа на неродном языке (на материале русской речи китайцев) // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сб. науч. ст. / отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2022. С. 76–83.

Чанг Чин Гво. Перцептивно-акустический анализ речи на неродном языке (на материале реализации русских парных звонких и глухих согласных тайваньцами): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 557 с.

Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 208 с.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 7-е изд. М.: Высшая школа, 1963. 308 с.

Clark H. H., Fox Tree J. E. Using *uh* and *um* in Spontaneous Speaking // Cognition. 2002. № 84. P. 73–111.

Furui S. et al. Speech-to-Text and Speech-to-Speech Summarization of Spontaneous Speech / S. Furui, T. Kikuchi, Y. Shinnaka, C. Hori // IEEE Transactions on Speech and Audio Processing. 2004. Vol. 12. Issue 4. P. 401–408.

Lounsbury F. G. Pausal, Juncture and Hesitation Phenomena // Psycholinguistics. Baltimore: Waverly Press, 1954. P. 96–101.

Maclay H., Osgood C. E. Hesitation Phenomena in Spontaneous English Speech // Word. 1959. № 15. P. 19–44.

Ван Тянь Чан. Исследования фонетики китайского языка. Тайбэй: Мандарин Дейли, 1984. 398 с. 王天昌. 汉语语音学研究. 台北: 国语日报出版社. 1984. 398 p. (Wang Tian Chang. Han yu yu yin xue yan jiu. Tai bei: guo yu ri bao chu ban she. 1984. 398 p.)

References

Aleksandrova O. A. *Rechekommunikativnyy status pauzy kolebaniya*. Diss. kand. filol. nauk [Speech-communicative status of a hesitation pause].

Cand. philol. sci. diss.]. Veliky Novgorod, 2004. 208 p. (In Russ.)

Bogdanova N. V. O edinitse opisaniya sintak-sicheskoy struktury ustnogo spontannogo monologa: problemy, metodiki, gipotezy [On the unit of description of the syntactic structure of an oral spontaneous monologue: Problems, methods, hypotheses]. ...*SLOVO OTZOVETSIA. Pamyati Ally Solomonovny Shtern i Leonida Vol'kovicha Sakhar-nogo* [...The Word Will Echo. In memory of Alla Solomonovna Stern and Leonid Volkovich Sakhar-ny]. Perm, Perm State University Press, 2006, pp. 288–293. (In Russ.)

Bogdanova N. V. Raznye tipy kommunikativnykh stsensariyev v spontannoy rechi i 'tekst o tekste' kak raznovidnost' vstavnoy konstrukt-sii [Different types of communication scenarios in spontaneous speech and 'text about text' as a kind of an inserted construction]. *Rusistika i sovremennost'. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konfe-rentsii. T. 1. Lingvokul'turologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Russian Studies and Modernity. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference. Vol. 1. Cultural Linguistics and Intercultural Communication]. St. Petersburg, Izdatel'skiy dom MIRS Publ., 2008, pp. 326–334. (In Russ.)

Bondarenko L. P. Pauza kolebaniya i porozhdenie vyskazyvaniya [A hesitation pause and utterance production]. *Eksperimental'no-foneticheskii analiz rechi: problemy i metody* [Experimental Phonetic Analysis of Speech: Problems and Methods]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1984, issue 1, pp. 158–166. (In Russ.)

Voron A. A. et al. Pauzal'noe chlenenie kvazispontannoy razgovornoy rechi nositeley amurskoy raznovidnosti dal'nevostochnogo regiolekta russkogo yazyka [Pauses in quasi-spontaneous colloquial speech of the Amur variety of the Far-Eastern regional accent of the Russian language]. A. A. Voron, E. A. Oblyakova, S. I. Guseva, S. V. Androsova. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2016, vol. 2, issue 2, pp. 37–57. (In Russ.)

Zaydes K. D. Metakommunikativnye vstavki v russkoy ustnoy spontannoy rechi na rodnom i nerodnom yazyke [Meta-communicative insertions in Russian oral spontaneous speech of native speakers and foreigners]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2016, issue 3 (9), pp. 19–35. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Chast I. Chtenie. Pereskaz. Opisaniye [Speech Corpus as Material for Russian Speech Analysis. Pt. 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg,

Philological Faculty of St. Petersburg University Publ., 2013. 532 p. (In Russ.)

Kazak M. V. Pauzy khezitatsii v spontannoy rechi na rodnom i nerodnom yazykakh (na materiale rechi frankofonov) [Pauses of hesitation in spontaneous speech in native and non-native languages (based on the speech of francophones)]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2015. 74 p. (In Russ.)

Kipyatkova I. S. Verkhodanova O. V., Ronzhin A. L. Segmentatsiya paralingvisticheskikh fonatsionnykh yavleniy v spontannoy russkoy rechi [Segmentation of paralinguistic phonation phenomena in spontaneous Russian speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 2(18), pp. 17–23. (In Russ.)

Kong Chunxia. Spetsifika nepodgotovlennogo chteniya na nerodnom yazyke (kompleksnoe issledovanie na materiale russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka). Diss. kand. filol. nauk [The specific features of unprepared reading in a non-native language (a comprehensive study based on the material of the Russian speech of native Chinese speakers). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2022. 307 p. (In Russ.)

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Korrektsiya v ustnoy russkoy monologicheskoy rechi po dannym korpusnogo issledovaniya [Correction in oral Russian monologue speech according to corpus research data]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2006, issue 12, pp. 7–55. (In Russ.)

Razlogova E. E. K voprosu o spetsificheskikh upotrebleniyakh modal'nykh slov: slova-parazity v russkoy i frantsuzskoy rechi [Specific usages of modals: Filler words in Russian and French]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2003, issue 6, pp. 152–169. (In Russ.)

Rozenthal D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 399 p. (In Russ.)

Stepanova S. B. Obshchee i individual'noe v khezitatsiyakh (na materiale russkoy spontannoy rechi) [The general and the individual in hesitations (based on Russian spontaneous speech)]. *Materialy XXXV Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii. Vyp. 20. Sektsiya fonetiki* [Proceedings of XXXV International Philological Conference. Issue 20. Section of Phonetics]. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg University Publ., 2006, pt. 1, pp. 24–32. (In Russ.)

Fonetika spontannoy rechi [The Phonetics of Spontaneous Speech]. Ed. by N. D. Svetozarova.

Leningrad, Leningrad State University Press, 1988. 245 p. (In Russ.)

Zhao Zhe. Vzaimovliyanie russkogo i kitayskogo yazykov s tochki zreniya soglasnykh zvukov [Interaction of the Russian and Chinese languages from the aspect of consonants]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, issue 10, pp. 169–172. (In Russ.)

Chzhao Tszeli. Morfologicheskie osobennosti ustnogo spontannogo monologa-rasskaza na nerodnom yazyke (na materiale russkoy rechi kitaytsev) [Morphological features of an oral spontaneous monologue-story in a non-native language (based on the material of Russian speech of the Chinese)]. *Russkaya grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravleniy, metodov* [Russian Grammar in the Dialogue of Scientific Schools, Directions, Methods]: A Collection of Scientific Articles. Vladivostok, FEPU Press, 2022, pp. 76–83. (In Russ.)

Chang Chin Gvo. *Pertseptivno-akusticheskiy analiz rechi na nerodnom yazyke (na materiale realizatsii russkikh parnykh zvonikh i glukhikh soglasnykh tayvan'tsami)*. Diss. kand. filol. nauk [Perceptual-acoustic analysis of speech in a non-native language (based on the material of the implementation of Russian paired voiced and voiceless

consonants by Taiwanese). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1999. 557 p. (In Russ.)

Cheng Chen. *Khezitatsii v russkoy ustnoy rechi nositeley kitayskogo yazyka*. Diss. kand. filol. nauk [Hesitations in Russian oral speech of native Chinese speakers. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 208 p. (In Russ.)

Shcherba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of the French Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 308 p. (In Russ.)

Clark H. H., Fox Tree J. E. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking. *Cognition*, 2002, issue 84, pp. 73–111. (In Eng.)

Furui S., Kikuchi T., Shinnaka Y., Hori Ch. Speech-to-text and speech-to-speech summarization of spontaneous speech. *IEEE Transactions on Speech and Audio Processing*, 2004, vol. 12, issue 4, pp. 401–408. (In Eng.)

Lounsbury F. G. Pausal, juncture and hesitation phenomena. *Psycholinguistics*, Baltimore, Waverly Press, 1954, pp. 96–101. (In Eng.)

Maclay H., Osgood C. E. Hesitation phenomena in spontaneous English speech. *Word*, 1959, issue 15, pp. 19–44. (In Eng.)

Wang Tianchang. Han yu yin xue yan jiu [Chinese Phonetics Studies]. Tai bei, guo yu ri bao chu ban she Publ., 1984. 398 p. (In Ch.)

Hesitation Phenomena in an Oral Monologue Story in a Non-Native Language (Based on the Material of the Russian Speech of the Chinese)

Zhao Zeli

Postgraduate Student at the Department of Russian Language

St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation. zhaozeli@mail.ru

SPIN-code: 4685-1551

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1915-8497>

ResearcherID: IAR-1188-2023

Submitted 16 Aug 2023

Revised 07 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Zhao Zeli. Khezitatsionnye yavleniya v ustnom monologe-rasskaze na nerodnom yazyke (na materiale russkoy rechi kitaytsev) [Hesitation Phenomena in an Oral Monologue Story in a Non-Native Language (Based on the Material of the Russian Speech of the Chinese)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 69–78. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-69-78 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the Russian oral spontaneous monologue story in a non-native language. The aim of the work is a comprehensive analysis of hesitation phenomena (HP) in Russian oral monologue stories presented by Chinese speakers. The main research methods used in the work are descriptive (contextual), quantitative (simple quantitative calculations), comparative and experimental (transcription of recorded texts). The material for the analysis was taken from 20 monologues of native Chinese speakers on the topic 'How do you spend time on vacation?' from the corpus of Russian monologue speech created at St. Petersburg State University and known as the 'Balanced Annotated Text Library'. The paper describes different HP in such a monologue, calculates the frequency of their occurrence; the data obtained are compared with the results of similar studies conducted based on the material of the Russian speech of the Chinese. The analysis showed that in the Russian oral monologue story delivered by the Chinese, there are present not only all the types of HP known in the scientific literature but also some phenomena peculiar only to the speech of the Chinese. Physical hesitation pauses, non-speech sounds, vowel stretches, word breaks, and repetitions-hesitations are the most typical (top 5) HP in their speech. This is consistent with the results of other studies, based on the material of both monologues-stories and other types of monologue speech (reading, retelling, description of an image). The results of the research not only contribute to the study of spontaneous oral speech and phonetics of Russian as a foreign language, but can also be useful in the practice of teaching Russian as a foreign language, especially in the Chinese audience, because they can help the Chinese to improve the effectiveness of real communication in Russian.

Key words: oral communication; spontaneous speech; monologue story; hesitation phenomenon; sound corpus.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 801.73
doi 10.17072/2073-6681-2024-1-79-88

EDN WUEYML

Ирония и контраст как способы выявления специфики национального характера в романе Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о “NOMENCLATURA”»

Аннель Тлеумагамбетовна Бактыбаева

к. филол. н., доцент кафедры языковых дисциплин

Казахский национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова

050000, Казахстан, г. Алматы, ул. Толе Би, 94. smile_1713@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

Статья поступила в редакцию 02.06.23

Одобрена после рецензирования 02.10.23

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Бактыбаева А. Т. Ирония и контраст как способы выявления специфики национального характера в романе Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о “NOMENCLATURA”» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 79–88. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-79-88

Аннотация. Межкультурное сопоставление специфики казахского и английского национальных характеров через комическое восприятие впервые стало предметом исследования. Доброта, соблюдение народных традиций, юмор, определенная строгость в поведении являются неотъемлемыми качествами характера как казахов, так и англичан. В романе изображены сатирически с точки зрения национально-культурной специфики современная жизнь номенклатурных работников Казахстана и поиски англичанами древнего трактата «NOMENCLATURA». С помощью сравнительно-сопоставительного метода проанализированы ирония и ироническое, а также смеховой контраст. Указанные приемы подчеркивают такие отрицательные качества, как жадность, желание наживы любым путем, желание обмануть, в характере ключевых персонажей произведения – современных работников министерства (Б. Сумелеков, его дядя Б. Аракбаев, Б. Пиязов и другие). Что касается англичан – мистера Блэка и мистера Уайта, – то они стремятся добиться результата любым путем: «выживание» в незнакомой, экзотической и безлюдной местности (вечерняя степь); поездка в Алматы поездом и, наконец, перелет в Астану. И все же, несмотря на все приключения, они всегда пытаются сохранить «свое лицо», что позволяет авторам обыгрывать стереотипы, существующие в среде англичан. Доказывается, что такие приемы, как ирония и контраст, дают возможность создавать произведение в сатирико-комическом ключе, что, в свою очередь, демонстрирует разность национальных традиций казахов и англичан. Казахский национальный характер представлен стариком-чабаном, умеющим вести философские беседы на английском языке. Англичане же – потомки доблестных тамплиеров. Но между первым и вторыми есть общее – это желание придерживаться традиций своего народа, склонность к юмору, подшучивание над собой, терпимость.

Ключевые слова: сатира; комическое; национальный характер; своеобразие.

С начала XXI в. в казахстанской литературе неоднократно поднимался вопрос о специфике национального характера. Однако на сегодняшний день нет четкого инструментария для осмысления его художественного воплощения, особенно сквозь призму комического. Такой подход позволяет теории национального характера стать необходимым инструментом при изучении художественного произведения и выявить его функции и своеобразие поэтики в рамках творчества конкретно взятого писателя или поэта.

Между тем очевидно, что без изучения приемов комического и их проекции на национальный характер невозможно дать полную оценку особенностям национальной литературы. В связи с этим данная статья дополняет историю восприятия специфики национального характера в контексте комического, что подчеркивает ее актуальность. Феномен иронического и его функции на примере сатирического приключенческо-авантюрного романа Досыма Сатпаева и Ербола Жумагулова «Легенда о “NOMENCLATURA”» еще не становились предметом изучения, что определяет новизну статьи.

Первичные представления о природе «национального характера», «души нации», «национального духа» были описаны в работах XVII – начала XVIII в., в частности в трактатах Ж.-Ж. Руссо [Руссо 1998], И. Канта [Кант 1994].

Продолжателями данной традиции стали представители английской гуманитарной науки. По их мнению, такой феномен, как *Englishness*, включает следующее: *home, freedom, privacy, common sense, sense of humor, gentleman, fair play, stiff upper lip, heritage*. Эти понятия в исследованиях ученых определялись чаще всего сквозь социокультурную призму, что наиболее ярко представлено в работах К. Хьюитт [Хьюитт 1992], П. Лэнгфорда [Langford 2000]. В английском литературоведении английскость проанализирована в области национальной культуры и повседневности в работах У. Хоскинса [Hoskins 1955], Д. Лоуэнтала [Lowenthal 1994]. Определенный интерес представляют исследования английскости в работе D. Gervais “Literary Englands: Versions of ‘Englishness’ in Modern Writing” [Gervais 1993].

При анализе данной темы можно обратить внимание на несколько научных школ. Так, некоторые представители московской научной школы (например, Н. А. Соловьева) считают, что национальная идентичность – это совокупность национальных идей, менталитета и взаимоотношений с обществом. Для нее важен контекст, у которого три особенности – разрушение старого, современное состояние и появление нового [Соловьева 1998]. Е. Г. Петросова отмечает, что современный постмодернистский роман

приобретает интернациональный характер из-за взаимопроникновения и наслаивания в творчестве писателей европейской, американской, западной и восточной культур [Петросова 2005]. С. П. Толкачев считает, что в ближайшем будущем процесс культурных диффузий затронет основные понятия литературной традиции и станет толчком к пересмотру взаимодействия и взаимообогащения «общечеловеческого» и «национального» [Толкачев 2003].

Представители нижегородской научной школы – З. И. Кирнозе и В. Г. Зусман – показывают связь национальных концептов и национального сознания, которые тесно связаны с процессами межкультурной коммуникации [Зусман, Кирнозе]. М. В. Цветкова в своих работах проанализировала такие концепты английскости, как свобода, дом, частная жизнь, джентльменство, игра по правилам и другие [Цветкова 2000].

О. Г. Сидорова – основоположник екатеринбургской школы исследователей и автор трудов по анализу романа последней трети XX в. – считает, что в произведениях современных англоязычных писателей идентичность – это не только национально-культурная принадлежность, но и принадлежность к определенной группе, которая играет или стремится играть конкретную социальную роль [Сидорова 2005]. Например, идентичность места – это город, пола – литература чиклит и т. п.

И. А. Тарасова – представитель саратовской научной школы – проанализировала некоторые концептосферы английскости. При этом термин «художественный концепт», с одной стороны, – методологический конструкт, с другой – лингвокультурный [Тарасова 2010].

В рамках данного направления в Пермском государственном университете работает научный семинар «Оксфорд – Россия», который объединил литературоведов двух стран и периодически заявляет о себе публикациями и защитами диссертаций. Интересным исследованием в данном направлении стала работа Е. Г. Сатюковой «Феномен “английскость” в творчестве Г. Свифта» [Сатюкова 2012]. Диссертант отмечает, что в новой исторической ситуации концепт «английскость» претерпевает определенные изменения. Например, трансформациям подвержены такие понятия, как «дом как крепость», «эксцентричный англичанин», «море» и т. д. Само же понятие «англичанин» расширило свои границы: так могут называть и потомка эмигрантов.

В современном казахстанском литературоведении также существует ряд исследований, посвященных изучению национального характера. Так, Б. К. Базылова описала концепцию национального характера на примере исторического

романа М. Ауэзова «Путь Абая». Исследователь подчеркивает, что в художественной литературе национальный характер – это воплощение специфики менталитета и народных традиций, которые находят свое выражение в поступках и мыслях героев [Базылова 2020].

А. К. Егенисова, А. Р. Ерубаева в работе, посвященной психологическим особенностям национального менталитета казахского народа, отмечают, что в силу кочевого образа жизни даже в начале XXI в. сохранились в представлениях о Космосе знания предков и целостность восприятия мира с архаическими элементами, поэтому неотъемлемыми качествами менталитета казахов являются философичность, интеллект и демократичность [Егенисова, Ерубаева 2015].

М. Т. Шоинжанова в статье «Проблемы национального характера в культуре и литературе Казахстана и Индии: сравнительный анализ, генезис и развитие» на примере произведений авторов из двух стран проанализировала традиции и обычаи изображения женского характера и его национальных особенностей. М. Т. Шоинжанова описала национальные формы, художественно-изобразительные средства, литературные и исторические традиции, сходства и общие черты в обычаях двух народов [Шоинжанова 2020].

Обобщая все вышеуказанные работы по исследованию специфики национального характера и опираясь на мнение Г. Гачева, под национальным характером понимаем устойчивую, но подверженную изменениям целостную структуру, которая образовалась в течение длительного периода времени конкретного этнического сообщества [Гачев 2003]. Она может быть выражена посредством предпочтений как в культуре, так и в повседневном поведении человека. Регуляторами национального характера являются религия, история, язык, природные условия, психофизиологическая природа этноса, а выразителем национального характера и его элементов становится литература.

Художественная литература не только представляет национальный характер, но и является своеобразным способом его воплощения. В. Иорданский считает, что национальный характер – определенная модель поведения, характерная для данного народа и созданная единством коллективного сознания, целостностью системы общественных представлений о мире, личности и нормах поведения человека [Иорданский 1992: 61]. Своеобразным «мерилом» проявления национального характера являются национальные стереотипы, которые чаще всего проявляются в национальных традициях.

Одними из самых распространенных способов описания национальных традиций в литературе

начала XXI в. являются ирония и контраст. В основе данных понятий лежит бинарная оппозиция. При использовании иронии комическое возникает за счет той части оппозиции, которая выражена эксплицитно. В романе «Легенда о “NOMENCLATURA”» ирония – один из основополагающих принципов, определяющих специфику сатирико-комической интонации данного произведения. Она выступает важнейшим стилистическим приемом, который используется и как словесная игра, и как средство для окрашивания трагического. Юмор же появляется тогда, когда одна часть противопоставления «накладывается» на другую, из-за чего происходит своеобразное усиление. К использованию контраста как одному из способов проявления национального своеобразия прибегают авторы этого романа.

Роман «Легенда о “NOMENCLATURA”» – это смесь элементов историко-приключенческого романа, семейной саги, сказочного фольклора и притчи. По своему литературному методу он представляет собой реализм, в котором тесно переплетаются особенности постмодернистской эстетики.

Уже в самом названии произведения встречается контраст: «жанр» определяется как легенда и прописан кириллицей, а предмет изображения написан на латинице и заглавными буквами – NOMENCLATURA. Использование канцеляризма (термин К. Чуковского) NOMENCLATURA, да еще на латинском языке, вопреки ожиданиям читателя служит не для порождения сухого официального тона повествования, а, наоборот, для подчеркивания его комической тональности. Данный прием ненавязчиво подразумевает определенную степень интеллектуальности. Его цель – передать несерьезное отношение к описываемым явлениям. Использование слова NOMENCLATURA оказывает определенное воздействие на читателя, в частности, с целью критики для порицания и побуждения к изменению положения вещей. Авторы, используя данное слово, с одной стороны, подчеркивают заурядность предмета повествования, с другой – выражают к нему несерьезное отношение.

В данном романе два плана повествования – серьезный и сатирико-иронический, которые взаимно пересекаются, взаимодействуют и одновременно с этим взаимоотталкиваются.

В основе произведения две сюжетные линии. Первая – жизнь казахстанских чиновников, их продвижение по карьерной лестнице, поступки, мысли и дела в ироническом контексте. Авантюрные поиски древнего трактата под названием «NOMENCLATURA» двумя англичанами, представителями ордена тамплиеров, на просторах казахстанской земли, а точнее, в Шымкенте,

Алматы и Астане, – основа второй сюжетной линии. Выбор данных городов, по нашему мнению, не случаен. Астана – столица Казахстана. Алматы и Шымкент – города с миллионным населением.

Для казахстанца путешествие – это своего рода отголоски прежнего кочевого образа жизни. С географическим аспектом национального у казахов связаны дорога и степь как образы путешествий. Широта, бескрайние просторы, конь, стада баранов и сама степь дают возможность человеку выбрать самому путь, который представлен образом дороги, символизирующим жизненный путь человека. Пример тому казахчабан, который «уже давно пытается найти себя в этом мире». Это и карьерный путь, как у Баскайды Сумелекова, который из «младшего помощника заместителя начальника отдела по непонятным вопросам в стратегически важном министерстве» [Сатпаев, Жумагулов 2016: 24]¹ стал министром этого же министерства. При этом биография министра изображена как множественность пути посредством отношения к нему его семьи, друзей, коллег в министерстве с проекцией на коллективную историю целого поколения сквозь призму комического. Это и путь к самому себе, и просто поиск жизненного пути как у учителя биологии Егора Пятницкого – писателя оппозиционной газеты «Слово свободы». Значит, дорога выполняет функцию характеристики человека и его жизни.

А в английской литературе путешествие – это постижение другой страны через собственный опыт. Сравнительно-субъективная оценка происходящего позволяет, с одной стороны, создать представление о национальном образе жизни, в частности Казахстана, с другой – проявить себя в пределах дискурса взаимообмена и взаимовлияния культур.

Роман начинается со вступления-рассказа об истории казахского рода, а точнее, семьи Сумелековых. Это своего рода разновидность исторического прошлого, которое до недавнего времени было настоящим. Данный роман скорее напоминает правдоподобное повествование, наполненное удивительными поисками-приключениями; стремительным ростом по карьерной лестнице, окутанным некоторыми тайнами и интригами и изображенным в ироническом ключе. Именно такой способ художественного описания происходящего позволяет авторам важные исторические события из жизни государства представить в увлекательной и понятной форме. Путешествие англичан в поисках трактата «NOMENCLATURA», встречи в кабинетах и коридорах министерств, разговоры в ресторанах и т. п. являются элементами карнавали-

зации, которая характерна для поэтики современного постмодернистского романа.

В романе «Легенда о “NOMENCLATURA”» интерьер, архитектура, природа помогают ярче представить национальную самобытность персонажей и наглядно обозначить конкретные пространственно-временные координаты действия сюжета в повседневности. Так, например, интерьер дома старика казаха, который встретился в степи на пути англичан: «Полчаса спустя они оказались в ветхом саманном доме, в котором бедность соседствовала с чистотой, а широта хозяйской души – с теснотой прилегающего к дому дворика» (с. 142). Казахский дом, отсутствие мебели и наличие только того, что необходимо для проживания, чистота – все это подчеркивает такие черты казахского национального характера, как любовь к своим традициям, простота, постоянство, гордость казахской культурой. Дом – один из важных символов у любого народа, потому что он ассоциируется с источником семейного счастья, благополучия и крепости.

В данном произведении кабинеты министерства, где «мягкий ковер заглушал шаги, тишина и умиротворение царили здесь. Казалось, само время остановилось, опасаясь помешать величественным мыслям здешних обитателей» (с. 80), городские зарисовки с иностранцами, которые «как и французы, гонимые не столько Кутузовым, сколько холодом, медленно плетутся в указанном направлении» (с. 222), – необходимый иронический художественный фон.

Ирония в описании одежды и внешнего вида героев романа также подчеркивает их национальную принадлежность: «<...> наездник, который довольно лихо сидел на лошади, небрежно свесив две ноги на одну сторону. На нем были старые брюки непонятной цветовой гаммы, заправленные в пыльные сапоги, а также теплая, но изношенная куртка цвета хаки» (с. 140). «Иностранцы, напротив, красовались в строгих одеждах а-ля Шерлок Холмс и доктор Ватсон» (с. 232). И в первом, и во втором примере подчеркивается консервативность взглядов на одежду представителей двух национальностей. Но если в первом случае старику безразличны его внешний вид и одежда, то во втором – авторы акцентируют внимание на такой черте характера англичан, как устройство своего мира подобно привычному им в Англии. И ирония в данном случае подчеркивает их стремление выглядеть согласно своему статусу в обществе и сословной принадлежности при любых условиях.

Особенности национальных характеров воплощены в героях-носителях, которых можно условно поделить на два вида. Так, например, мистер Блэк выглядел «образцом английской

флегматичности: худощавого телосложения, с бледной, как британский туман, кожей и вечно печальными глазами, он сразу навевал скуку» (с. 28). И «согласно классике жанра, мистер Уайт был прямой противоположностью Блэка. Пухленький и беленький, как венская булочка, он относился к ярко выраженным холерикам» (с. 28). Это статичные герои, потому что они переносят все тяготы судьбы и ни при каких условиях не изменяют свой характер. Подобные герои обладают такими качествами английского национального характера, как беспристрастность и независимость от внешних обстоятельств. Эти черты характера переходят в разряд максимальной настойчивости у англичан в достижении своих целей. Но в любых обстоятельствах они оставались верны типу «идеального джентльмена», который подобающим образом реагирует на разные жизненные перипетии, опираясь на возможность следовать велению долга и здравого смысла [Зинченко, Зусман, Кирнозе 2007: 171].

В подобных героях воплощается мессианская роль Англии, при которой ее жители – спасители мира. Казахстанские авторы продолжили данную литературную традицию, корни которой уходят еще к тюдоровской историографии и литературе. В основе национального мифа Великобритании XX в. лежит мысль о том, что она практически единственная страна в мире, которая может быть носителем культурных ценностей. И именно это качество героев романа, которые готовы и выполняют особую миссию, важную для человечества, авторы произведения описывают с определенной долей иронии: «Глубочайшие раздумья то и дело морщат лбы то одного, то другого британца, каждый из которых испытывает смешанные чувства. С одной стороны, раскинувшаяся перед взором «саванна» завораживает своей первобытной красотой, а с другой – непонятно, как и когда они отсюда выберутся» (с. 128).

Вторая группа героев – динамичная. Они способны изменить себя и свою жизнь под давлением обстоятельств, которые встречаются им на пути. Это, как правило, представители казахской национальности, которые издавна вынуждены были зачастую быть мобильными и весьма подвижными из-за кочевого образа жизни в прошлом. А современные молодые люди были как «вездесущий Шырылдак», который умел «одновременно рассказывать смешную историю, писать диктант, пинать стул сидящей впереди отличницы и обыгрывать Сумелекова в “камень, ножницы, бумага”». Увидев его, «Цезарь, великий римский император, закономерно впал бы в апатию и не осмеливался бы выпендриваться своим жалким КПД» (с. 16). Именно такие герои стремятся преодолеть преграды, которые встре-

чаются у них на пути, изменяют себя и свой уклад жизни. И ироническое подчеркивает подобные изменения: «...стремительный карьерный рост... незамедлительно сказался на внешнем облике. Щеки Баскайды пухли, как баурсаки в кипящем масле, и уже совсем скоро обещали быть видными со спины. Живот быстрыми темпами терял свои привычные геометрические данные, а походка стала такой, что порой он напоминал слоненка, пытающегося ходить на двух ногах» (с. 175).

В основе сравнения щёк бюрократа – баурсак – традиционное национальное мучное изделие, которое готовится казахами не только в праздничные дни, но и в будние. Как отмечают исследователи, название произошло от казахских слов «баурмасу», «баурласуга», «баур», что в переводе означает стремление к братству, родству. В данном же примере имеет значение шарообразная форма баурсака, что и лежит в основе комического сравнения щек «новоиспеченного» бюрократа.

Герои попадают в разные комические и серьезные ситуации. Ирония при этом становится стилистическим приемом, характеризующим их мысли и поступки. Так, например, англичане самолетом долетают до Шымкента, а затем участвуют во встрече «дорогих гостей» в одном из ресторанов города: «Вскоре на стол поставили большую тарелку с дымящейся едой, превалирующим компонентом было мясо.

– Это наше национальное блюдо! Бесбармак называется, решил помочь англичанам услужливый переводчик <...>

– Слушайте, Ричард! <...> такое количество мяса я видел только на картинах фламандцев <...>. Скорее всего, этот пессимизм связан с тем, что обильное кушанье было лишь закуской к еще более обильному питью, что вряд ли могли выдержать изнеженные “Гинесом” желудки британцев <...>» (с. 94).

Авторы подчеркивают, что для англичан главное в приеме пищи – утолить голод. А для современного казаха еда – это удовольствие и еще повод для хвастовства и демонстрации своих возможностей: «Сегодня день рождения у хозяина. Поэтому решили собрать узкий круг друзей <...> В зале, где, по словам Серика, собрались только самые близкие друзья хозяина, было многолюдно как на вокзале <...> “маленький зал” величиной с “Уэмбли”» (с. 92).

Наутро путешественники с больной головой уезжают в степь. Там происходит их «разоблачение».

– Надеюсь, дорогой Ричард, он не сделает из наших черепов шары для своего бильярда, – прошептал сэр Джеймс <...>.

– В таком случае <...> никто не будет искать наши черепа с таким рвением, как братство искало череп Шекспира, – попытался пошутить сэр Ричард, тем самым продемонстрировав истинное английское хладнокровие» (с. 113). В данном примере юмор – это средство снятия напряжения в возникшей ситуации: «По мнению многих англичан, пока есть юмор, не может быть абсолютной безысходности» [Льюис 1999: 249]. Как отмечают исследователи, идеальный мужчина в Англии должен иметь в обязательном порядке чувство юмора, иначе он не будет совершенным [Фокс 2008].

Иронический контраст проявляется в умении англичан смеяться над собой в любой ситуации и наряду с этим проявлять сдержанность и контроль над своими чувствами, которые люди других культур иногда принимают за холодность. Наиболее ярко это представлено в известной многим пословице “A stiff upper lip”, что в переводе означает «жесткая (неподвижная) верхняя губа» [Пургина 2008: 13]. Как отмечает Г. Гачев, это результат смешения флегматического и меланхолического типов [Гачев 1998]. Умение смеяться над собой и над другими – естественное чувство для англичан, которое развивалось и поддерживалось веками.

Однако у казахов, по мнению авторов романа, такой черты нет: «Удары сыпались один за другим. Хозяин и Серик бегали по кругу, как цирковые лошади, пока, после очередного удара ногой, хозяин что-то ему не рывкнул» (с. 113).

В романе контраст национальных характеров присутствует и в стремлении авторов изобразить английский рациональный тип характера на фоне «загадочной» страны, какой для них является Казахстан: «<...> мистеру Уайту на миг показалось, что ему хочется остаться с этими людьми подольше, ибо от них веяло какой-то добротой, гостеприимством и житейской мудростью. В том мире, где жил Джеймс, все эти понятия давно уже стали фольклором» (с. 146). В данном предложении – своего рода оттенок национальной сдержанности, стремления не делать истинное содержание собственной жизни достоянием окружающих. Казахи же, наоборот, не только угощают гостей, но и расскажут, обсудят интересное для них. «Робко, но с каждым мгновением все раскованнее, гости принялись за еду, изумляясь тому, что старик, который видит их впервые, и, скорее всего, уже никогда не увидит, проявляет о них заботу, какой не дожدهшься от постороннего человека где-нибудь в Англии <...>» (с. 143).

Противопоставление менталитета англичан и казахов представлено как оппозиция западного и восточного, рационального и трансцендентного. Такого рода культурное сопоставление доказы-

вает, скорее всего, не разницу в национальных характерах, а, наоборот, определенную степень духовного единства, которое прячется под маской различия. Авторы романа стремятся подчеркнуть, что выражение национальности посредством иронии в обрисовке казахскости и английскости – это, с одной стороны, диалог культур, с другой – выражение оппозиции свое/чужое. «Изрядно проголодавшись, англичане стали умирать за обе щеки то, что раньше ассоциировалось у них только с холестерином» (с. 143).

Посредством иронического контраста авторы изображают, что одна из особенностей казахского национального характера – гостеприимство. При этом сдержанные чувства англичан поражают простота общения старика.

«– Поразительная страна! – в очередной раз повторил мистер Уайт» (с. 142). И если англичане стремятся скрыть свои чувства, замаскировать их, то старик казах беседовал с веселым прищуром и почти юношеским задором. Неспешность в беседе, открытость и доброжелательность – особенности казахского национального характера (с. 142). Необщительность, а иногда и закрытость – черты английского характера [Гачев 1998].

Одной из ключевых особенностей сближения казахского и английского характеров является приверженность традициям. Так, например, авторы используют средства комического в обрисовке такой специфики казахского национального характера, как послушание родителям и стремление помочь им, независимо от возраста детей. Например, «Бедные Ричард и Джеймс! <...> не знали об истинной причине того, почему в авиакомпании были билеты только на Шымкент. Откуда им было знать, что девушка Гуля, улыбаясь, выполняла заказ своих родителей, зарабатывающих на жизнь продажей билетов в направлении Шымкента». «В Алматы и Астану нет билетов. Только в Шымкент», – говорила она и тем самым бойко пополняла семейный бюджет» (с. 63).

Придерживаться правил, а точнее, семейных обедов, праздников, совместных поездок за город, опрятного внешнего вида – это все традиции, которым стараются строго следовать англичане: «Ровно в половине десятого утра Блэк и Уайт, выбритые, поглаженные и свеженькие, сидели в гостиной отеля “Межконтиненталь” в ожидании посыльного» (с. 211). Англичане – сторонники устоявшегося порядка вещей, быстрые и непредсказуемые изменения, глобальные катаклизмы переживаются ими довольно болезненно [Priestley 1973: 25, 30].

Ироническое перефразирование «Правил NOMENCLATURA» используется авторами для

характеристики казахстанских чиновников: «1. Не сотвори себе кумира! Оставь это место для вышестоящего начальника <...>. 11. Если хозяин ударил тебя по одной щеке, то подставь другую щеку, но уже не свою» (с. 44–45). И в первом правиле, и во втором используется игра, в основе которой отсылка к библейским заповедям. В первом случае сотворение кумира может привести к потере собственной индивидуальности. Человек может перестать стремиться к высокому и духовному. А во втором примере авторы саркастически исказили правило победы над злом кротостью и добротой. В этих иллюстрациях получилась своего рода «двойная» ирония, которая подчеркивает такие качества казахского национального характера, как подобострастие и преклонение перед начальством.

Ирония, направленная на своеобразие современного национального характера, имеет парадоксальное проявление: «Затем свое веское слово сказал министр экономики. Излучая оптимизм, он поведал согражданам о том, что кризис сделал страну еще более конкурентоспособной. «Так мы и думали!» – безрадостно подтвердило население и докупило муку, тушенку и крупы <...> «Мы уже экспортируем на страдающий от кризиса Запад нашу продукцию, потому что внутри страны ее девать некуда». «Казахстанцы среагировали молниеносно. На следующий же день, негромко матерясь, они смели с прилавков соль, сахар, спички и макароны» (с. 99). Авторы иронически изображают такую черту характера, как терпимость. Разумеется, можно рассчитывать на помощь «сверху», но все же лучше полагаться на собственные силы и действовать. В этом их убеждает опыт последних десятилетий.

В данном примере парадоксален и ироничен образ Казахстана, потому что осмеиваются события истории, которые раньше были в определенной степени табуированы. Возможно, цель авторов романа – освободить общественное сознание от идеологического мусора, постараться поправить «искажившийся лик истории» под воздействием ложных идей и стремлений. Самоиронией обличается излишняя напыщенность в словах министра экономики, которые расходятся с реалиями жизни. В данном случае история рождается из травестирующих ее анекдотов. Мир истории уже создан – герои только подчиняются логике игры в историю, логике демифологизирующего воспроизводства культур [Липовицкий 1997: 257]. Авторы считают, что вынести приговор казахстанской истории – это значит поставить ей правильный диагноз. Перефразировав слова Л. Аннинского, отметим: «Судьба государства окрашена тревогой, которую приходится

прикрывать юмором» [Аннинский 2019], помогающим осознать истинное положение вещей и выразить свое отношение к ним.

Следовательно, в отличие от искателей древнего трактата «NOMENCLATURA», представители казахского народа характеризуются гостеприимством, простотой общения, неспешностью в беседе, открытостью и доброжелательностью. На примере взаимоотношения детей с родителями показано уважительное отношение к старшему поколению, терпимость к словам окружающих и представителей власти. Сатирические ноты можно разглядеть в описании таких казахских национальных качеств, как подобострастие и преклонение перед начальством.

Использование иронии и контраста способствует выявлению таких составляющих национального характера англичан, как традиционализм, то есть приверженность традициям, умение смеяться над собой в любой ситуации, сдержанность и холодность. При этом особенности национального характера двух народов «становятся естественным состоянием» [Барт 2010: 189].

Примечание

¹ Далее страница указывается в круглых скобках по изданию [Сатпаев, Жумангулов 2016].

Список литературы

Аннинский Л. Мнение литературных критиков о творчестве В. Пьецуха. URL: <https://fantlab.ru/autor2989> (дата обращения: 02.06.2023).

Базылова Б. К. Концепция национального характера в историческом романе // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. Филология. 2020. № 3(73). С. 205–212.

Барт Р. Мифология. М.: Академический проект, 2010. 351 с.

Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, 2003. 349 с.

Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. 430 с.

Егенисова А. К., Ерубаетова А. Р. Психологические особенности национального менталитета казахского народа // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 4-2. С. 371–376.

Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие М.: Флинта: Наука, 2007. 224 с.

Иорданский В. Этнос и нация // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 3. С. 60–65.

Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.

Кирнозе З. И., Зусман В. Г. Национальная концептосфера и политическая нация. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/10/26/1246645307/Кирнозе-Зусман.doc> (дата обращения: 17.08.2023).

Липовецкий М. Русский постмодернизм. Екатеринбург, 1997. 317 с.

Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. М., 1999. 249 с.

Петросова Е. Г. Концепция «английскости» в современном постмодернистском романе (Г. Свифт, П. Акرويد): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 23 с.

Пургина Е. С. Концепция английского национального характера в романах Э. М. Форстера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: 2008. 22 с.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. 416 с.

Сатюкова Е. Г. Феномен «английскость» в творчестве Г. Свифта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 22 с.

Сатпаев Д., Жумагулов Е. Легенда о «NOMENCLATURA». Алматы: Meloman Publishing, 2016. 310 с.

Сидорова О. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. 261 с.

Соловьева Н. А. Английский «новый историзм»: возрождение, романтизм // Литературоведение на пороге XXI века: сб. ст. и материалов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 45–67.

Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 742–745.

Толкачев С. П. Мультикультурный контекст современного британского романа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 38 с.

Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / пер. с англ. И. П. Новоселцкой. М.: Рипол классик, 2008. 512 с.

Хьюитт К. Понять Британию. Реальности западной культуры для озадаченного гостя из России. М.: Книжный мир, 1992. 288 с.

Цветкова М. В. Концепт «Englishness»: основные константы // Проблема национальной идентичности в культуре образования России и Запада. Т. 2. Воронеж, 2000. С. 87–93.

Шоинжанова М. Т. Проблемы национального характера в культуре и литературе Казахстана и Индии: сравнительный анализ, генезис и развитие // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Востоковедение. 2020. № 1 (92). С. 79–94.

Gervais D. Literary Englands: Versions of 'Englishness' in Modern Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 280 p.

Hoskins W. G. The Making of English Landscape. London, 1955. 314 p.

Langford P. Englishness Identified: Manners and Character (1650–1850). Oxford University Press, 2000. 389 p.

Lowenthal D. European and English Landscapes as 'National Symbols' // Geography and National identity / by D. Hooson. Oxford; Cambridge, 1994. P. 15–38.

Priestley J. B. The English. London: Heinemann, 1973. 256 p.

References

Anninskiy L. Mnenie literaturnykh kritikov o tvorchestve V. P'etsukha [The opinion of literary critics about the works of V. P'etsukh]. Available at: <https://fantlab.ru/autor2989> (accessed 2 Jun 2023). (In Russ.)

Bazylova B. K. Kontseptsiya natsional'nogo kharaktera v istoricheskom romane [The concept of national character in the historical novel]. Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. Abaya. Filologiya [Bulletin of the Abai Kazakh National Pedagogical University. Series: Philological Sciences], 2020, issue 3(73), pp. 205–212. (In Russ.)

Barthes R. Mifologiya [Mythology]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2010. 351 p. (In Russ.)

Gachev G. Mental'nosti narodov mira [Mentality of the Peoples of the World]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 349 p. (In Russ.)

Gachev G. Natsional'nye obrazy mira [The National Images of the World]. Moscow, Akademiya Publ., 1998. 430 p. (In Russ.)

Egenisova A. K., Erubaeva A. R. Psikhologicheskie osobennosti natsional'nogo mentaliteta kazakhskogo naroda [Psychological features of the national mentality of the Kazakh people]. Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya [International Journal of Experimental Education], 2015, issue 4-2, pp. 371–376. (In Russ.)

Zinchenko V. G., Zusman V. G., Kirnoze Z. I. Mezhdunarodnaya kommunikatsiya. Ot sistemnogo podkhoda k sinergeticheskoy paradigme [Intercultural Communication From a System Approach to Synergetic Paradigm]: a textbook. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2007. 224 p. (In Russ.)

Iordanskiy V. Etnos i natsiya [Ethnos and nation]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 1992, issue 3, pp. 60–65. (In Russ.)

Kant I. Kritika sposobnosti suzheniya [The Critique of Judgment]. Moscow, Iskustvo Publ., 1994. 367 p. (In Russ.)

- Kirnoze Z. I., Zusman V. G. *Natsional'naya kontseptosfera i politicheskaya natsiya* [National concept sphere and political nation]. Available at: http://www.hse.ru/data/2012/10/26/1246645307/Kirnoze_Zusman.doc (accessed 17 Aug 2023). (In Russ.)
- Lipovetskiy M. *Russkiy postmodernism* [Russian Postmodernism]. Yekaterinburg, 1997. 317 p. (In Russ.)
- Lewis R. D. *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese* [When Cultures Collide]. Moscow, 1999. 249 p. (In Russ.)
- Petrosova E. G. *Kontsepsiya 'angliyskosti' v sovremennom postmodernistskom romane (G. Swift, P. Akroid)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The concept of 'Englishness' in the modern postmodern novel (G. Swift, P. Ackroyd). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 23 p. (In Russ.)
- Purgina E. S. *Kontsepsiya angliyskogo natsional'nogo kharaktera v romanakh E. M. Forstera*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The concept of English national character in the novels of E. M. Forster. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2008. 22 p. (In Russ.)
- Rousseau J. J. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [The Social Contract. Treatises]. Transl. from French. Moscow, KANON-press: Kuchkovo pole Publ., 1998. 416 p. (In Russ.)
- Satyukova E. G. *Fenomen 'angliyskost' v tvorchestve G. Svifta*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The phenomenon of 'Englishness' in the works of G. Swift. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2012. 22 p. (In Russ.)
- Satpaev D., Zhumagulov E. *Legenda o 'NOMENCLATURA'* [The Legend of NOMENCLATURA]. Almaty, Meloman Publishing, 2016. 310 p. (In Russ.)
- Sidorova O. *Britanskiy postkolonial'nyy roman posledney treti XX veka v kontekste literatury Velikobritanii* [The British Postcolonial Novel of the Last Third of the 20th Century in the Context of the Literature of Great Britain]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2005. 261 p. (In Russ.)
- Solov'eva N. A. *Angliyskiy 'novyy istorizm': vozrozhdenie, romantizm* [English 'new historicism': Renaissance, Romanticism]. *Literaturovedenie na poroge XXI veka* [Literary Studies on the Threshold of the 21st Century]: a collection of articles and materials. Moscow, Moscow State University Press, 1998, pp. 45–67. (In Russ.)
- Tarasova I. A. *Khudozhestvennyy kontsept: dialog lingvistiki i literaturovedeniya* [Literary concept: A dialogue of linguistics and literary studies]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2010, issue 4(2), pp. 742–745. (In Russ.)
- Tolkachev S. P. *Mul'tikul'turnyy kontekst sovremennogo britanskogo romana*. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [Multicultural context of the modern British novel. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 38 p. (In Russ.)
- Fox K. *Nablyudaya za anglichanami. Skrytye pravila povedeniya* [Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour]. Transl. from English by I. P. Novoseletskaia. Moscow, Ripol klassik Publ., 2008. 512 p. (In Russ.)
- Hewitt K. *Ponyat' Britaniyu. Real'nosti zapadnoy kul'tury dlya ozadachennogo gostya iz Rossii* [Understanding Britain. The Realities of Western Culture for a Puzzled Guest from Russia]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 1992. 288 p. (In Russ.)
- Tsvetkova M. V. *Kontsept 'Englishness': osnovnye konstanty* [The concept of 'Englishness': the Main Constants]. *Problema natsional'noy identichnosti v kul'ture obrazovaniya Rossii i Zapada* [The Problem of National Identity in the Educational Culture of Russia and the West]. Voronezh, 2000, vol. 2, pp. 87–93. (In Russ.)
- Shoinzhanova M. T. *Problemy natsional'nogo kharaktera v kul'ture i literature Kazakhstana i Indii: sravnitel'nyy analiz, genezis i razvitie* [Problems of a national character in culture and literature of Kazakhstan and India: Comparative analysis, genesis and development]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta im. al'Farabi. Vostokovedenie* [Journal of Oriental Studies], 2020, issue 1(92), pp. 79–94. (In Russ.)
- Gervais D. *Literary Englands: Versions of 'Englishness' in Modern Writing*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 280 p. (In Eng.)
- Hoskins W. G. *The Making of English Landscape*. London, 1955. 314 p. (In Eng.)
- Langford P. *Englishness Identified: Manners and Character (1650–1850)*. Oxford University Press, 2000. 389 p. (In Eng.)
- Lowenthal D. *European and English Landscapes as National Symbols. Geography and National Identity*. Ed. by D. Hooson. Oxford, Cambridge, 1994, pp. 15–38 (In Eng.)
- Priestley J. B. *The English*. London, Heinemann, 1973. 256 p. (In Eng.)

Irony and Contrast as Ways to Identify the Specifics of the National Character in the Novel ‘The Legend of NOMENCLATURA’ by D. Satpaev and E. Zhumagulov

Annel T. Baktybayeva

Associate Professor in the Department of Language Disciplines

Asfendiyarov Kazakh National Medical University

94, Tole Bi st., Almaty, 050000, Kazakhstan. smile_1713@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

Submitted 02 Jun 2023

Revised 02 Oct 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Baktybayeva A. T. Ironiya i kontrast kak sposoby vyyavleniya spetsifiki natsional'nogo kharaktera v romane D. Satpaeva i E. Zhumagulova «Legenda o ‘NOMENCLATURA’» [Irony and Contrast as Ways to Identify the Specifics of the National Character in the Novel ‘The Legend of NOMENCLATURA’ by D. Satpaev and E. Zhumagulov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 79–88. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-79-88 (In Russ.)

Abstract. This study is the first to present a cross-cultural comparison of the specifics of the Kazakh and English national characters through comic perception. Kindness, observance of national traditions, humor, a certain strictness in behavior are integral qualities in the character of both the Kazakhs and Englishmen. The novel under study shows the modern life of the nomenklatura workers of Kazakhstan and a search for the ancient treatise *NOMENCLATURA* by the British, both depicted satirically in terms of the national and cultural specifics. The study employs the comparative method to analyze irony, the ironic, and the laughter contrast in the novel. These techniques highlight negative qualities such as greed, thirst for profit obtained through every possible means, the desire to deceive as an inherent part in the nature of the key characters – modern ministry workers such as B. Sumelekov, his uncle B. Arakbaev, B. Piyazov, and others. As to the British – Mr. Black and Mr. White – they strive to achieve results one way or another: experiencing ‘survival’ in an unfamiliar, exotic and deserted area (evening steppe), a trip to Almaty by train and, finally, a flight to Astana. And yet, despite all their adventures, they always try to save face, which allows the authors to make play with the stereotypes that appear among the British. The paper shows that the techniques of irony and contrast were used to create the work in a satirical-comic manner, which, in turn, demonstrates the difference between the national traditions of the Kazakhs and the British. The Kazakh national character is represented by an old shepherd who knows how to hold philosophical conversations in English, while the English are shown as the descendants of the valiant Templars. However, there is something in common between the former and the latter – this is the desire to adhere to the traditions of their people, a penchant for humor, joking at oneself, and tolerance.

Key words: satire; comic; national character; originality.

УДК 821.161.1(09)-3
doi 10.17072/2073-6681-2024-1-89-97

EDN ZPQYRD

Рассказ «Старый учитель» В. С. Гроссмана: анализ мотивной и лексической организации текста

Алёна Викторовна Богданова

учитель русского языка и литературы

МБОУ СОШ № 4

141733, Московская область, г.о. Лобня, ул. Чайковского, 2. gansgorn85@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1884-7037>

Статья поступила в редакцию 11.05.2023

Одобрена после рецензирования 01.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Богданова А. В. Рассказ «Старый учитель» В. С. Гроссмана: анализ мотивной и лексической организации текста // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 89–97. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-89-97

Аннотация. Статья посвящена анализу лексического и образного строя рассказа В. С. Гроссмана «Старый учитель». Данный текст автор рассматривает в контексте произведений литературы, затрагивающих тему Холокоста. Анализируются лексические средства создания образов ключевых персонажей рассказа. Автор приходит к выводу о том, что в изучаемом произведении основным композиционно-стилевым приемом является противопоставление, отбор языкового материала определяют оппозиции свет/тьма, молодость/старость, жизнь/смерть, на основании антитезы раскрывается образ главного героя, который показан в со- и противопоставлении с другими персонажами. В рассказе присутствует мотив страха, реализуемый посредством активного лексического и деривационного повтора слов и словосочетаний с выраженной семой страха, что позволяет считать мотив концептуально значимым. Семантическая оппозиция жизнь/смерть и сопряженная с ней свет/тьма определяют выбор средств для изображения объектов противопоставления, главным из которых в тексте становится метафоризация. В статье рассмотрены функции, которые выполняют метафоры в тексте произведения (изобразительная, когнитивная, перспективная). В ходе анализа выделена лексико-семантическая группа слов с общим компонентом «время», повторяемых при характеристике героев, а также в начале и в финале текста, что позволяет делать вывод о значимости этого концепта для художественного пространства произведения. Исследуя образный строй рассказа, автор выявляет черты, свойственные идиостилю В. С. Гроссмана. Посредством анализа текстовых доминант определяются важные характеристики личностей ключевых персонажей, а также концептуально значимые для художественного мира писателя реалии.

Ключевые слова: В. С. Гроссман; «Старый учитель»; антитеза; Розенталь; Холокост; лексический повтор.

Введение

Рассказ «Старый учитель», написанный в 1943 г. и опубликованный в журнале «Знамя», – одно из первых художественных произведений в русской и мировой литературе, посвященных Холокосту. Трагедия еврейского народа во время

Второй мировой войны до сих пор остается одной из самых животрепещущих тем в любой национальной литературе. В основе таких произведений – личная трагедия человека, «который выступает просто жертвой, ибо его существование, а вернее, его обреченность никак не зависит

ни от его поведения, ни от деятельности, ни от личных качеств» [Карасик 2013: 181]. Зачастую такие произведения автобиографичны: их авторы или сами жили в гетто, или были узниками концлагерей (например, повести с документальной основой Марии Рольникайте, всемирно известный дневник в письмах Анны Франк, книга Примо Леви «Человек ли это?»). Из русскоязычных авторов, обращавшихся к данной теме, можно назвать И. Эренбурга, в соавторстве с В. Гроссманом написавшего «Черную книгу», И. Каменковича («Жить воспрещается»), А. Рыбакова с его романом «Тяжелый песок». Рассказ В. Гроссмана был написан в то время, когда идеологема «Холокост» была еще неизвестна, в тексте идет речь о страшной участи, постигшей в годы ВОВ не только еврейский, но и русский и украинский народы. Но реалии, изображенные в тексте – жизнь героев на окраине оккупированного города, казнь евреев в конце произведения, монологи протагониста о судьбе еврейского народа, наталкивают на мысль и том, что трагедия Холокоста имеет важное значение в художественном пространстве данного текста. Кроме того, в рассказе раскрывается ряд тем, нашедших отражение в художественном мире Гроссмана: свобода и рабство, материнство и тончайшая связь матери и ребенка, отношение к религии, предательство, жизнь еврейского народа в период Великой Отечественной войны, сохранение человеческого достоинства и чистоты души перед лицом испытаний. Рассказ «Старый учитель» не раз попадал в поле зрения литературоведов. Так, А. Г. Бочаров, упоминая о рассказе в контексте военных произведений Гроссмана, приходит к выводу, что в «Старом учителе» автор постигает важную истину, которая впоследствии найдет отражение в книгах об испытаниях военного времени К. Воробьева, В. Семина, С. Злобина – «тотальному бесчеловечию фашизма должна противостоять человечность» [Бочаров 1990: 145]. Ю. Волохова проводит сверку четырех вариантов рассказа с архивной машинописью и на основании выявленных расхождений делает вывод о метаморфозах, которые произошли с образами главных героев: от машинописного текста и до поздних вариантов Борис Исаакович Розенталь «проходит путь» от хасидского цадика до человека доброго, но слабовольного, а Виктор Вороненко – от человека, поступками которого руководят личные мотивы, до героя, открыто противостоящего немцам [Волохова 2019: 82]. Ко времени создания рассказа В. Гроссман – военный корреспондент, автор, в чьей художественной манере сочетаются элементы поэтики соцреализма со «своеобразным эффектом многоголосия», который находит отражение уже в

раннем романе «Степан Кольчугин» [Дегтева 2012: 62]. Но, несмотря на внимание исследователей к творчеству Гроссмана, подробному лексико-семантическому анализу рассказ «Старый учитель» не подвергался. Цель нашей статьи – выявление лексических средств, с помощью которых выражаются идейное содержание произведения, черты идиостиля автора, сквозные мотивы и образы художественного мира В. Гроссмана.

Архитектоника текста

Рассказ состоит из 4 частей, каждая из которых представляет собой композиционно завершенный фрагмент, описывающий важное событие, их последовательность составляет сюжетную основу произведения. Название – одна из важнейших текстовых категорий, сильная позиция, которая требует особого внимания исследователя. Лексема «старый», вынесенная в название рассказа, указывает не только на возраст, но и на мудрость и жизненный опыт главного героя, а также дает начало семантической цепочке, взаимодействие элементов которой создает семантическую композицию текста, необходимую для понимания замысла автора [Виноградов 1980: 73]. Весь текст пронизан лексическими повторами – важнейшими средствами создания когерентности, одного из способов раскрытия авторского замысла. Характеризуя главного героя, автор выделяет значимый для всего текста концептуальный образ времени, представленный лексическим повтором: обесцвечено временем; мысль, не подвластная времени. Содержательная наполненность этого образа подчеркивается ключевыми словами данного семантического ряда: «восьмидесятидвухлетняя жизнь», прожитая Розенталем; доктор Вайнтрауб знаком с учителем почти пятьдесят лет; «жестокая любовь», пережитая шестьдесят лет назад; «пятьдесят лет он был школьным учителем», «старый учитель», «старик Вайнтрауб», «старик Розенталь», «старый доктор», «старухи». В тексте также представлено лексико-семантическое поле со значением *молодость*: «шестилетняя Катя», «он снова молод», «молодая красавица Даша», «детские глаза», «мальчишки». Так, ключевые слова, содержащие сему *время*, составляют семантическую доминанту текста и даже образуют значимую оппозицию «молодость/старость». Отчасти антитеза объясняется реалиями жизни – в городе во время войны остались пожилые люди, женщины и дети, так как взрослые дееспособные мужчины ушли на фронт. Образ старика Розенталя на протяжении всего текста находится в со- и противопоставлении с образом шестилетней Кати Вайсман. Неслучайно и начинается, и заканчивается текст картинами,

изображающими этих героев вместе «во внезапно пришедшей тишине». В начале текста читаем: «Ему вновь захотелось понять вечно удивлявшее его чудо человеческой доброты, он хотел вычитать его в этих детских глазах» [Гроссман 2018: 144]. «В финале, накануне казни, Розенталь подводит итог своей жизни: в эту ночь впервые ему были безразличны давно ушедшие из жизни люди, страстно ему хотелось одного лишь – чуда, которого он не мог понять, любви» [там же].

Таким образом, эти композиционные части сближаются на основе слов, содержащих общие смыслы, а семантические ряды обрамляют текст, образуя кольцевую семантическую композицию. Концептуально значимым представляется это сопоставление в контексте идеи о связи поколений: старик должен передать свои мудрость, опыт, знания ребенку, в этой преемственности смысл жизни. Но в художественном мире Гроссмана образ пожилого человека с ребенком на руках трагический: гибнут Борис Исаакович и Катя, умирают в газовой камере герои романа «Жизнь и судьба» Софья Осиповна и маленький Давид. Розенталь в ночь накануне расстрела мечтает о чуде, которого он не мог понять, любви, а Софья Осиповна перед самой смертью смогла ощутить себя матерью и «постичь чудо отдельного человека» [Гроссман 1999: 443]. Так, лексико-семантическое поле «время» отражает содержательно-концептуальную информацию, позволяет обозначить сквозные образы, которые появятся в более зрелых произведениях автора.

Кульминацией становится последняя часть, в которой повествуется о казни евреев, в том числе Розенталя и маленькой Кати. Небольшой заключительный эпизод, где говорится о том, как партизаны устроили взрыв на паровой мельнице и подожгли запасы сена, собранные фуражирами венгерской кавалерийской дивизии, Бочаров считает «“оптимистическим хвостиком”, прицепленным в угоду редакторам к уже завершённой сюжетной конструкции» [Бочаров 1990: 156]. Действительно, этот фрагмент ярко диссоциирует с текстом рассказа по своей тональности, он пронизан идеей возмездия, о котором говорит старуха Варвара Андреевна, и Даша впервые угрожает предателю Яшке, а сам он прячется на чердаке. А главное – идея очистительного огня от пожара, в котором горит все недоброе, подлое, нечистое, чем заражали немцы человеческие души. Подобных мотивов в предыдущем тексте не было, композиционно и идейно рассказ завершается картиной казни.

Образный строй текста

Функция тропов заключается не только в украшении текста, «они составляют суть творче-

ского мышления» [Лотман 1981: 15]. Словесные образы, появляющиеся в ключевых, узловых точках повествования, неоднородны по составу и противопоставлены друг другу, вступают в бинарные оппозиции. Так, например, при описании сердечного припадка, случившегося с комендантом города майором Вернером, возникают образы страшной тьмы, связанные со смертью, и свободы, которую дает жизнь («мрак надвигающейся смерти», «страшная тьма, которая жила в склеротическом сердце майора» – «сладостное чувство жизни», «сердечные сосуды, освободившись от спазм, свободно гнали кровь»), при этом формируется семантическая оппозиция «жизнь/смерть», выступающая важным смыслообразующим элементом всего рассказа. Наиболее значимой представляется роль образных средств в монологах главного героя, в которых он рассуждает об участии народов, оказавшихся под властью фашистов. Так, начало одного из монологов характеризуется динамикой речевых средств, передающих эмоциональное состояние героя; градация, представленная глаголами с семой страха, дважды повторяющимися в указанном фрагменте, усиливает напряжение:

«Больше всего я боялся одной вещи, даже больше, чем боялся, – ужасался ее, покрывался холодным потом при одной мысли о ней. Знаете, того, что фашистский расчет окажется верным. Я уже говорил об этом Вороненко. Я боялся, я ужасался, я не хотел дожить до этого дня, до этого часа» [Гроссман 2018: 167].

Метафоры «в этом холодный, математический расчет, счетоводы просчитались, арифметика зверства», с одной стороны, отражают определенную картину мира, преобразуя ее в соответствии с авторскими интенциями, воплощенными в картине мира героев (Розенталь – учитель математики, поэтому мыслит математическими образами, сравним с репликами доктора Вайнтрауба, пытающегося осмыслить надвигающуюся катастрофу: «Откуда эта духовная инфекция?»), с другой – создают экспрессивный ореол вокруг нейтральных единиц контекста, что придает монологам эмоционально насыщенный характер. Описывая оккупацию мирного города фашистами, автор уделяет все большее внимание образным средствам, которые усиливают эмоциональное напряжение. Так, метафорическое словопотребление зачастую выступает как способ лексико-семантической организации отдельных фрагментов текста, например, активно взаимодействуют метафоры и сравнения: «Гитлеровцы были великой ложью жизни. И всюду, где ступала нога их, из мрака на поверхность выступали трусость, предательство, жажда темного убийства, расправы над слабым. Все темное вы-

зывали они на поверхность, как в старой сказке дурное колдовское слово вызывало духов зла» [Гроссман 2018: 167].

Эмоциональный тон поддерживается обилием книжной лексики, абстрактными существительными. Показательно, что в нескольких контекстах встречается лексема «равнодушие» и синонимичная ей «безразличие»: «Безразличие и равнодушие – великие враги жизни. Я вижу сочувствие многих. Я вижу, конечно, и равнодушие. В нищих духом зрели льстивые слова отречения, рождались мысли о мести за бабью ссору на рынке, за случайно сказанное слово; черствостью, себялюбием, безразличием заражались сердца» [там же].

Очевидно, согласно авторской интенции, равнодушие – это один из самых страшных пороков, который проявляется в пору испытаний. Неслучайно, и Даша Вороненко, узнавшая о гибели мужа, и старик Розенталь в ночь перед казнью мечтают о том, чтобы кто-то разделил с ними их горе. В одном из монологов Розенталя встречаем видоизмененную отсылку к известному принципу государственной власти: «Разделяй, натравливай и властвуй! Возрождать тьму! Натравить каждый народ на соседний, порабощенные народы на народы, сохранившие свободу, живущих по ту сторону океана на живущих по эту сторону, и все народы всего мира на один еврейский народ. Натрави и властвуй!» [там же].

Разделить и сделать представителей разных народов равнодушными к беде другого, разобщить их – так представляется герою истинная задача фашистов, их «арифметика зверства». Однако эта задача оказалась невыполнима, потому что и русских, и украинцев, и евреев сплотила общая беда, противопоставить жестокости можно только сочувствие. Описывая пленных, которых немцы гнали через город, автор использует фразеологизм «нести свой крест»: «Но, несмотря на страшные страдания, они несли свой крест и с ненавистью смотрели на сытых, хорошо одетых полицейских, на носящих немецкие мундиры изменников» [там же].

Лексема «крест» употребляется в тексте несколько раз – три раза в значении «воинская награда Третьего Рейха» и один раз в приведенном выше фрагменте в значении «терпеливо переносить страдания, невзгоды, мириться со своей печальной участью» [Мокиенко, Никитина 2007: эл. ресурс]. Очевидно, сочувствие и сострадание вкупе со способностью выдерживать несчастья помогли советскому народу пережить войну и противостоять ненависти фашистов.

Образные средства в тексте рассказа выполняют несколько функций, в первую очередь изобразительную, например, при описании

внешности Бориса Исааковича используются метафоры: «Волосы, и лицо его, и дрожащие пальцы, и тонкая шея – все было высушено, обесцвечено временем, казалось прозрачным, легким, невесомым. И только в глазах была мысль, не подвластная времени».

Представленное в данном фрагменте нанизывание метафорических эпитетов, ряды однородных членов, метафоры – узнаваемые черты идиостиля Гроссмана [Абдуллаева 2022: 102]. В данном случае образные средства служат для визуализации описания, делают образ героя более зримым.

Изобразительная функция тесно связана с когнитивной: метафора актуализирует стоящие за ней представления о мире и категоризирует их [Басилая 1971: 78]. Так, в рассуждении об участии порабощенных фашистами народов в речи учителя появляется образ «лестницы угнетения»: «Фашисты создали всеевропейскую всеобщую каторгу и, чтобы держать каторжан в повиновении, построили огромную лестницу угнетения. Голландцам живется хуже, чем датчанам, французам хуже, чем голландцам, чехам хуже, чем французам, еще хуже приходится грекам, сербам, потом полякам, еще ниже – украинцы, русские. Это все ступени каторжной лестницы» [Гроссман 2018: 153]. «А послезавтра будет темно», – говорит Розенталь старухе Вайсман. В данном случае слова героя можно расценивать как метафору скорой гибели от рук фашистов – Розенталь говорит о предстоящей казни. Здесь метафора выполняет проспективную функцию, т. е. подготавливает читателя к определенному повороту сюжета.

Один из сквозных образов текста – образ тьмы, которая связана с приходом гитлеровцев, реализуется повтором слов одной лексикосемантической группы: «мрак надвигающейся смерти», «черносотенный средневековый мрак», «жажда темного убийства», «ночь была темна от тьмы земной». Противопоставлен тьме образ света, огня, неслучайно в заключительной части рассказа автор рисует картину пожара, в котором «горит все недоброе, подлое, нечистое, чем заражали немцы человеческие души».

Семантические оппозиции

Ключевая семантическая фигура, на которой построен рассказ, – противопоставление, причем противопоставленными оказываются концептуально значимые образы. Бинарные оппозиции как универсальное средство познания мира помогают упорядочить сложный жизненный опыт и отражают склонность мыслить противоположностями [Chandler 2002: 93]. Такие диады являются универсальным средством познания дей-

ствительности и имеют глубокие мифологические корни, поскольку были свойственны еще мифологическому сознанию, и для носителя русского языка выступают как особый способ видения мира, «посредством которого воспринимается окружающее людей пространство» [Григорьева 2014: 155]. Противопоставлены понятия «жизнь» и «смерть», жизнь связана со светом, теплом: теплые тихие дни, тепло нагретого солнцем камня, светила научной медицины, смерть – с темнотой: ночь была темна; тьма земная; темное убийство; нет ничего страшней, ужасней, темней смерти; страшная тьма; темные люди; возрождать тьму; черносотенный средневековый мрак; темная подлая провокация. Образы света и тьмы концептуально значимы, бинарная оппозиция «свет/тьма» попадала в зону рефлексии человека на самых ранних этапах развития, характер взаимоотношений этих понятий основан на культурном мифе, уходящем в далекое прошлое, когда оппозиция «свет/тьма» была тесно связана с противопоставлением таких важнейших базовых понятий, как «жизнь» и «смерть» [Садыкова 2007: 10]. Лексемы «тьма/темнота» активно вступают в деривационные отношения и образуют словообразовательное гнездо, что свидетельствует о значимости данного образа в тексте. В словарях зафиксировано несколько значений многозначного слова *темнота*, среди которых «отсутствие света (тьма над городом), плохо освещенное пространство (ночь была темна), невежество (затемнить разум великих народов)» [Ефремова 2000: эл. ресурс]. В тексте они реализованы полностью. Также представлены значения, которые можно отнести к индивидуально-авторским, например, «послезавтра будет темно» – говорит Розенталь о предстоящей казни евреев, «не могу дышать, у меня темнеет в глазах» – комендант о приступе стенокардии. Так, в тексте понятия «смерть» и «темнота» тождественны.

Семантическая оппозиция «жизнь, свет / смерть, тьма», реализованная в тексте, определяет выбор образных средств для концептуализации противопоставленных объектов. Образ фашистов связан в тексте с образом ночи. В тексте создается мифологический образ ночи как периода хаоса, первобытного мрака, времени суток, когда, согласно фольклорной традиции, из первородной тьмы появляются на земле темные сущности. В тексте это темные люди, изменники, слабые духом, рвали и жгли в печах книги Ленина, партийные билеты, письма, срывали со стен портреты братьев. В лексико-семантическом поле, характеризующем ночь, можно отметить лексемы «тьма», «мрак», «темна от тьмы земной». Тьма земная – это и есть слабость духа, трусость,

предательство, т. е. худшие человеческие качества, которые проявляются с приходом гитлеровцев. По мнению Н. Д. Арутюновой, метафора выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, и в конечном счете его постоянный признак [Арутюнова 1999: 34]. Метафоризация при этом становится ведущим принципом лексико-семантической организации данного текстового фрагмента. Активное построение рядов однородных членов наряду с лексикой высокого стиля, метафорами и сравнениями становится способом выражения авторской точки зрения, изображения гитлеровцев как фольклорной злой силы: «В нищих духом зрели лстынные слова отречения, рождались мысли о мести за бабью ссору на рынке, за случайно сказанное слово; черствостью, себялюбием, безразличием заражались сердца».

При этом пространство художественного текста расширяется от границ маленького города до больших и малых городов больших и малых государств, что является характеристикой масштабности катастрофы. Создавая свою метафору, автор концептуализирует и собственную метафорическую картину мира; так, в художественном пространстве рассказа важную роль играет авторская метафора, определяющая отношение писателя к фашистам: «Гитлеровцы были великой ложью жизни, противостоять которой может лишь правда и человечность» [Шабаева 2016: 57].

Важным средством характеристики текста является повтор, который служит для создания сквозных характеристик персонажей, мотивов [Николина 2003: 143]. В рассказе ярко выражен мотив страха, представленный повтором лексем и словосочетаний: «страшные страдания», «Виктор там висит, наверное, страшно хочет пить» (так говорит Лида Вайсман, чей разум помутился от горя после смерти мужа, о повешенном Викторе Вороненко), «страшные мысли», «страх расстрела, слишком страшна жизнь, на которую обрекли Украину, их судьба должна страшить всю великую европейскую каторгу», «подлое страшное время», «страшное горе», «тебе будет страшно». Текст рассказа насыщен лексически, деривационными повторами слов, содержащих сему страха, что формирует один из важных мотивов произведения. Сквозной образ страха, выполняющий композиционную функцию в рассказе, служит основой для развертывания основных семантических рядов текста.

Роль стилистически маркированной лексики

Речевая характеристика героев может выступать одним из способов проявления авторской позиции, тем, что Б. А. Успенский называл пла-

ном фразеологии [Успенский 1995: 68]. Авторская оценка происходящих событий и героев в рассказе прослеживается на разных уровнях языка. Описывая Катю Вайсман в начале рассказа, писатель использует диминутивы (*ножки, латыще*), создавая образ маленького беззащитного ребенка. В конце текста Катя со спокойным, «бледным лицом взрослого человека, полного снисходительного сострадания» берет на себя роль матери, чьей любви он не знал, для пожилого человека и говорит ему слова, «которые он хотел и жаждал (грация со словами-синонимами усиливает смысл) услышать всю жизнь», просто разрешает его сомнения («как утешить ее, чем обмануть?»); так, на пороге гибели ребенок и взрослый меняются ролями. Тот же уменьшительный суффикс -к- используется и для бытового наименования предателя и дезертира Яшки Михайлюка и его матери Михайлючки, накрывающей дома стол для гестаповцев. Гроссман, мастер детали, дополняет образ героя характеристиками из реплик персонажей. Из речи доктора Вайнтрауба читатель узнает, что предатель Яшка Михайлюк в детстве страдал «вечными поносами», а его отец отравился рыбой. Презрительное отношение к немцам, низкое в их личностях, которые лишены, за несколькими исключениями, индивидуальных черт, подчеркивается описанием изменившегося с их приходом города: среди прочего на главной площади появился общественный туалет «с надписью на русском и украинском языках – “Только для немцев”»; для описания их действий характерна сниженная лексика: «Мотоциклисты *поишуровали* по дворам, забрали поповского индюка, вышедшего разобратсья в конском навозе, *второпях* съели у церковного старосты два с половиной кило меда и *укатили* дальше...».

Безликим немецким солдатам и офицерам противопоставлены соседи старого учителя: «сапожник Борух, остряк и сквернослов, великий мастер модельной обуви, пришел печник Мендель, молчальник и философ, пришел жестянщик Лейба, отец девяти детей, пришел широкоплечий седоусый рабочий-молотобоец Хаим Кулиш». Автор подчеркивает личные или профессиональные качества каждого осужденного на казнь за национальную принадлежность. *Настоящим словом* называет Розенталь решение Кулиша не погибнуть *как баран*. А в речи агронома Коряко, ставшего по своей воле участковым уполномоченным, появляются немецкие *словечки*: «Когда я иду в нах гауз или на шпацир, прошу ко мне не обращаться с просьбами».

В тексте рассказа изображается мировосприятие героев Розенталя, Вайнтрауба, Вороненко, немцев – коменданта Вернера и представителя

гестапо Беккера. Особого внимания заслуживает речевая организация диалога между комендантом и начальником гестапо. Этому разговору посвящен значительный фрагмент текста. Для Беккера убийство ни в чем не повинных людей – это работа, которую нужно хорошо организовать и провести в соответствии с инструкцией. О количествах жертв упоминается как о «статистических цифрах с солидным количеством нулей». Речевые сигналы, определяющие точку зрения персонажей на предстоящую казнь, представлены наречиями «решительно» (Беккер), «нерешительно» (Вернер), «недовольно покашлял» (Беккер – когда разговор касается казни детей). Хорошо образованный, опытный палач Беккер предположительно имеет отношение к руководству в гестапо, описывая наработанные действия по подготовке к казни, он использует местоимение «мы»: «Мы строим дело таким образом, – сказал Беккер». В данном фрагменте актуализируется мотив, который затем станет основным в очерке «Треблинский ад», – сочетание немецкой педантичности и нацистской бесчеловечности и жестокости [Бит-Юнан 2021: 45]. Авторская точка зрения на предстоящую казнь, демонстрирующая бесчеловечность фашистской военной машины, показывается на контрасте занимающих героев событий: после рассуждений о готовящейся операции Вернер сообщает своему адъютанту об улучшившемся самочувствии, чем он обязан доктору Вайнтраубу. Контраст усиливается за счет безэмоционального указания на летний пейзаж; фрагмент выделен автором в отдельный абзац: «И небо было синим, и солнце светило, и птицы пели» [Гроссман 2018: 167]. Многосоюзие и синтаксический параллелизм в описании погожего летнего дня накануне казни подчеркивают трагизм и непоправимость ситуации.

Заключение

Таким образом, взаимодействие различных составляющих лексического уровня определяет смысловую доминанту текста. Лексические и словообразовательные повторы, повторы грамматических форм эксплицируют сквозные мотивы, характерные для художественного мира Гроссмана, которые в дальнейшем найдут отражение в таких произведениях уже зрелого автора, как повесть «Все течет» и роман-эпопея «Жизнь и судьба». Это тема судьбы еврейского народа в период Второй мировой войны, предательства, доброты, значимый образ еврейского святого, мудреца, праведника, черты которого свойственны героям классической русской литературы. Анализ рассказа также позволил выявить черты идостиля автора: изобразительные, метафорические эпитеты имеют оценочный, симво-

лический подтекст, повторы помогают акцентировать внимание на концептуально значимых смыслах текста, а синтаксический параллелизм, многосоюзие, парцелляция делают образы более зримыми. Образ старого учителя математики и философа Бориса Исааковича Розенталя, который раскрывается в со- и противопоставлении с другими персонажами, является знаковым для творчества Гроссмана. Подобно главному герою романа «Жизнь и судьба» Виктору Штруму, Розенталь вынужден был приспосабливаться и поэтому признает, что «жизнь не удалась ему». Жизненные искания Розенталя схожи с путем, который проходит Иконников – юродивый из того же романа-эпопеи. Герой, которого окружающие считают безумным, в лагере проповедует идею иррациональной, «дурьей доброты, которая продолжает существовать в людях на краю кровавой глины» [Гроссман 1999: 497]. Таким образом, можно предполагать, что старый учитель Розенталь – это предтеча образов главных героев романа «Жизнь и судьба».

Список литературы

- Абдуллаева С. Н. Особенности жанрово-стилевой репрезентации авторской позиции в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 168 с.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Басилая Н. А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. 78 с.
- Бит-Юнан Ю. Г. Публицистика В. С. Гроссмана в литературно-политическом контексте в 1920-х – 1980-х гг.: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 53 с.
- Бочаров А. Г. Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. М.: Сов. писатель, 1990. 402 с.
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. 360 с.
- Волохова Ю. А. «Старый учитель» В. С. Гроссмана: четыре варианта одного рассказа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 5. С. 85–112.
- Григорьева Т. В. Метафорическая бинарная оппозиция как способ языковой интерпретации действительности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7(336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 155–158.
- Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М.: СЛОВО, 1999. 700 с.
- Гроссман В. С. Старый учитель / Добро вам! М.: Текст, 2018. С. 143–176.

Дегтева В. В. Творчество Василия Гроссмана: современные подходы и концепции // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 4(35). С. 62–64.

Карасик О. Б. О Холокосте средствами постмодернизма (романы Дж. С. Фоеера «Полная иллюминация» и Н. Краусс «Хроники любви») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2. С. 181–186.

Лотман Ю. М. Риторика // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12. 148 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007.

Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.

Садыкова М. А. Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет/light» и «тьма/darkness» в текстах Священного Писания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 19 с.

Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253349/Темота> (дата обращения: 14.08.2022).

Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. 360 с.

Шаваева Ф. Я. Языковая и художественная метафоры. Специфика функционирования метафоры в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5, ч. 1. С. 164–167.

Chandler D. Semiotics the basics. Madison Ave. New York, 2002. 307 p.

References

- Abdullaeva S. N. *Osobennosti zhanrovo-stilevoy reprezentatsii avtorskoy pozitsii v romane V. Grossmana 'Zhizn' i sud'ba'*. Diss. kand. filol. nauk [Specific features of genre-style representation of the author's position in V. Grossman's novel 'Life and Fate'. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2022. 168 p. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, LRC Publishing House, 1999. 896 p. (In Russ.)
- Basilaya N. A. *Semasiologicheskiy analiz binarynykh metaforicheskikh slovosochetaniy* [Semasiological Analysis of Binary Metaphorical Phrases]. Tbilisi, Tbilisi State University Press, 1971. 78 p. (In Russ.)
- Bit-Yunan Yu. G. *Publitsistika V. S. Grossmana v literaturno-politicheskom kontekste v 1920-kh – 1980-kh gg.* Avtoref. diss. d-ra filol. nauk [V. S. Grossman's writings in the literary and political context in the 1920s-1980s. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2021. 53 p. (In Russ.)

Bocharov A. G. *Vasiliy Grossman. Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vasily Grossman. Life, Creative Work, Destiny]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1990. 402 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy* [On the Language of Literary Fiction]. Moscow, 1980. 360 p. (In Russ.)

Volokhova Yu. A. 'Staryy uchitel' V. S. Grossmana: chetyre varianta odnogo rasskaza ['The Old Schoolmaster' by V. S. Grossman: Four versions of the novel]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 'Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya'* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: 'Literary Criticism. Linguistics. Culturology'], 2019, issue 5, pp. 85–112. (In Russ.)

Grigor'eva T. V. Metaforicheskaya binarnaya oppozitsiya kak sposob yazykovoy interpretatsii deystvitel'nosti [Metaphorical binary opposition as a way of linguistic interpretation of reality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 89* [CSU Bulletin. Series: Philology. Art Criticism. Issue 89], 2014, issue 7(336), pp. 155–158. (In Russ.)

Grossman V. S. *Zhizn' i sud'ba* [Life and Fate]. Moscow, SLOVO Publ., 1999. 700 p. (In Russ.)

Grossman V. S. *Staryy uchitel'. Dobro vam!* [Old Teacher. Welcome to You!]. Moscow, Text Publ., 2018, pp. 143–176. (In Russ.)

Degteva V. V. *Tvorchestvo Vasiliya Grossmana: sovremennyye podkhody i kontseptsii* [Works by Vasily Grossman: modern approaches and conceptions]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education], 2012, issue 4(35), pp. 62–64. (In Russ.)

Karasik O. B. O Kholokoste sredstvami postmodernizma (romany Dzh. S. Foera 'Polnaya illyuminatsiya' i N. Krauss 'Khroniki lyubvi') [On the Holocaust by means of postmodernism (novels by J. S. Foer 'Everything is Illuminated' and N. Krauss

'The History of Love')]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, issue 2, pp. 181–186. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Ritorika* [Rhetoric]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems]. Tartu, 1981, issue 12. 148 p. (In Russ.)

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, Olma Media Group Publ., 2007. (In Russ.)

Nikolina N. A. *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological Analysis of Text]: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions. Moscow, Academia Publ., 2003. 256 p. (In Russ.)

Sadykova M. A. *Lingvokul'turnyy analiz mifologizirovannykh kontseptov 'svet/light' i 't'ma/darkness' v tekstakh Svyashchennogo pisaniya*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguistic and cultural analysis of the mythologized concepts 'light' and 'darkness' in the texts of Holy Scripture. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk, 2007. 19 p. (In Russ.)

Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by T. F. Efremova. 2000. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253349/Темнота> (accessed 14 Aug 2022). (In Russ.)

Uspenskij B. A. *Semiotika iskusstva* [The Semiotics of Art]. Moscow, LRC Publishing House, 1995. 360 p. (In Russ.)

Shavaeva F. Ya. Yazykovaya i khudozhestvennaya metafory. Spetsifika funktsionirovaniya metafory v khudozhestvennom tekste [Language and literary metaphors. Specificity of metaphor functioning in literary text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, issue 5, pt. 1, pp. 164–167. (In Russ.)

Chandler D. *Semiotics: The Basics*. Madison Ave, New York, 2002. 307 p. (In Eng.)

The Story 'The Old Teacher' by V. S. Grossman: an Analysis of the Motivic and Lexical Organization of the Text

Alyona V. Bogdanova

Teacher of Russian Language and Literature

Secondary General School No. 4

2, Tchaikovskogo st., Lobnya, 141733, Moscow region, Russian Federation. gansgorn85@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1884-7037>

Submitted 11 May 2023

Revised 01 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Bogdanova A. V. Rasskaz «Staryy uchitel'» V. S. Grossmana: analiz motivnoy i leksicheskoy organizatsii teksta [The Story 'The Old Teacher' by V. S. Grossman: Analysis of the Motivic and Lexical Organization of the Text]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 89–97. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-89-97 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to an analysis of the lexical structure and the system of characters in the text of V. S. Grossman's short story *The Old Teacher*. The author of the paper looks at this text in the context of works of Russian literature dealing with the Holocaust. The study examines the lexical means used to create the images of the key characters, the main one of which is an old mathematics teacher living in a city besieged by the Nazis. The author comes to a conclusion that the main compositional-and-stylistic principle in the work under study is opposition, the selection of linguistic material is determined by the oppositions light/darkness, youth/old age, life/death; the main character is depicted with the use of antithesis as he is shown in comparison with and in opposition to other characters. There is a motive of fear in the story, realized through active lexical and derivational repetition of words and phrases with a pronounced sense of fear, which allows us to consider the motive conceptually significant. Through an analysis of text dominants, the study identifies important personality traits of key characters, determines realities that are conceptually significant for the writer's artistic world. The semantic opposition life/death and the opposition light/darkness, associated with the former, determine the choice of means for depicting objects of opposition; the main one of such means is metaphorization. The article discusses the functions that metaphors perform in the text of the story (pictorial, cognitive, prospective). The analysis identified a lexico-semantic group of words with the common component 'time' that are repeated during the characterization of the characters as well as at the beginning and at the end of the text, which indicates significance of this concept for the artistic space of the work. The main character conveys the image of a righteous man, so characteristic of the traditions of Russian literature.

Key words: V. S. Grossman; The Old Teacher; antithesis; Rosenthal; Holocaust; lexical repetition.

УДК 821.411.21
doi 10.17072/2073-6681-2024-1-98-105

EDN ZQTVFF

Заглавия романов «Каирской трилогии» (1956–1957) Нагиба Махфуза как интерпретационный материал

Юлия Александровна Богданова

выпускник аспирантуры

кафедра арабской филологии Института стран Азии и Африки

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1. jul.bogd1111@gmail.com

SPIN-код: 3300-8447

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0836-192X>

Статья поступила в редакцию 01.04.2023

Одобрена после рецензирования 01.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Богданова Ю. А. Заглавия романов «Каирской трилогии» (1956–1957) Нагиба Махфуза как интерпретационный материал // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 98–105. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-98-105

Аннотация. В статье изучается одно из наиболее значимых произведений арабской литературы XX в. – «Каирская трилогия» (1956–1957) египетского писателя Нагиба Махфуза (1911–2006; Нобелевская премия 1988) – с точки зрения заглавий его частей как особого типа рамочных текстов. Заглавия романов «Байн ал-касрайн», «Каср аш-шаук» и «ас-Суккарийа» отсылают к названиям улиц в старых кварталах Каира и в переводе с арабского означают: «Меж двух дворцов», «Дворец страсти» и «Сахарная [улица]» соответственно. В них повествуется о трех поколениях семьи ‘Абд ал-Гаввад, улицы из заглавий указывают, где расположены семейные дома. Способ называния романов, на первый взгляд, прост – по пространственному признаку. Мы задаемся вопросами: действительно ли в заглавиях романов нет ничего, кроме указания на географию, или заголовки «Трилогии» создают дополнительную почву для интерпретации содержания романа? Оправдываются ли ожидания читателя, продиктованные заглавиями «Трилогии», после ознакомления с романом? В статье показано, что заглавия романов выводят на первый план место (Египет первой половины XX в.), показывают подавляющее воздействие эпохи на личность: находясь «между» («Байн ал-касрайн») двух времен, ‘Абд ал-Гаввады переживают распад уклада семейного дома, взамен которому приходит полная «запретной страсти» жизнь («Каср аш-шаук»). Моральное и физическое разложение семьи, изображенное в финальной части «Трилогии» «ас-Суккарийа», вступает в противоречие с ожиданиями читателя от «сахарного» заглавия.

Ключевые слова: Нагиб Махфуз; новая арабская литература; египетский роман; рамочные тексты; феномен заглавия.

Введение

Нагиб Махфуз (1911–2006) – один из наиболее известных и широко признанных арабских писателей как в родном Египте, так и за его пределами, и на 2022 г. единственный арабоязычный лауреат Нобелевской премии по литературе

(1988). Критики и коллеги по перу часто называют «Каирскую трилогию» (1956–1957) вершиной его творчества; в 2001 г. роман возглавил список ста лучших арабских романов XX в., составленный Союзом арабских писателей [‘Абд ар-Рахман 2022]. Жанрово произведение относят

к семейной саге (ввиду близости произведения к «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси, 1906–1921) и роману-эпопее (несомненна связь произведения с «Войной и миром» Л. Н. Толстого, 1865–1869 [Кирпиченко 1992: 150–151]) по причине широчайшего охвата и важности тем и проблем, придания историческим событиям универсального смысла, многоголосия [Кожин 2001: 1238].

В статье мы предлагаем новый взгляд на проблему интерпретации романа, отталкивающийся от заглавий «Трилогии» как того, с чем читатель знакомится в первую очередь. Оправдываются ли ожидания, продиктованные заглавием, после ознакомления с романом, или, напротив, нарушаются? В какой мере заглавия диктуют то, как следует понимать произведение? Относится ли к роману Махфуза утверждение из теории литературы: «Книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутое до объема двух-трех слов книга» [Кржижановский 1931: 3]? Чтобы ответить на поставленные вопросы, мы обращаемся как к истории создания и публикации «Трилогии» и ее месту в творчестве писателя, так и к непосредственному анализу романа: заглавия рассматриваются как неотъемлемая часть структуры произведения, наряду с хронотопом, системой персонажей, сюжетом и т.д.

Несмотря на значимое место в египетской культуре, «Трилогия» до сих пор не представлена русскоязычному читателю, и количество исследований произведения в отечественной арабистике не соответствует его значимости: роман рассматривается в контексте творческой биографии Махфуза [Кирпиченко 1992: 145–179; Рощин 1967] и египетской литературы в целом [Кирпиченко, Сафронов 2003: 37–40]. Более многочисленны исследования на европейских языках и арабском, однако даже в работах, посвященных переводу «Трилогии» [Bouvet 1997; Mansour 2010; Mohamed 2014], в том числе имен собственных в ней [Al Rabadi 2012], не уделяется внимание переводу и переносному значению заглавий. В основных монографиях [Кирпиченко 1992: 145–179; El-Enany 1993: 71–90; Касим 2004: 101–175] и тех статьях, которые затрагивают название романов, говорится о его географическом значении, но не об интерпретации заглавий и их связи с конфликтом произведений; исключение составляет работа Дж. ас-Салим [Al-Salim 2011] (подробнее см.: [Богданова 2021: 44–50]).

Основная часть

«Трилогия» с момента появления идеи задумывалась Махфузом как единое произведение под названием «Байн ал-касрайн». По просьбе издателя роман пришлось разделить на три части [Кирпиченко 1992: 170] из-за того, что весь текст

занимает более полутора тысяч страниц. Первые романы печатались в журнале «ар-Рисаля ал-гадида» («Новое письмо») с 1954 г., затем с 1956 г. множество раз публиковались в виде книг в разных издательствах; сейчас права на творчество Махфуза принадлежат крупнейшему египетскому издательству «Дар аш-шурук» («Дом восхода»). Заглавия являются частью рамы произведения – «компонентов, окружающих основной текст произведения» [Ламзина 2001: 848]. Рамочные тексты романов «Трилогии» чрезвычайно просты. Романы публикуются по отдельности, в заголовочно-финальный комплекс не входят предисловия или посвящения; книги завершаются списком других публикаций автора, что стандартно для египетского книгопечатания. Главы названы по номерам, оглавление отсутствует. Таким образом, тома «Трилогии» обрамляют только заглавие конкретной части романа и имя автора, не считая списка публикаций автора. Вероятно, из-за такого заголовочного комплекса по-арабски «Трилогию» часто называют «Махфузовой трилогией» («ас-Суласийя ал-махфузийя»). Заглавие «Каирская трилогия» предпочитают в западной литературе (Mahfouz 2001). Кроме того, в арабских изданиях принадлежность романов к «Трилогии» не обозначается, в отличие от изданий на западных языках (Mahfouz 2001; Mahfouz 1985; Mahfouz 1987; Mahfouz 1989), где издатель либо публикует романы единой книгой, либо обозначает единство в предисловии или на обложке. Арабский же читатель, как предполагается, уже знает о составе цикла. По нашему мнению, все вышесказанное показывает широкую известность в арабской литературе и высокий статус, который «Трилогия» приобрела почти сразу после публикации.

Существует два способа называния романов – либо единое заглавие «Каирская трилогия», либо заглавия отдельных романов. Хотя автор не планировал делить историю, членение частей получилось органичным, потому что сюжетные границы просматриваются явно: в «Байн ал-касрайн» [Махфуз 2019b] повествование идет в 1917–1919 гг. без разрывов, «Каср аш-шаук» [Махфуз 2019c] начинается через пять лет после событий «Байн ал-касрайн» и длится по 1927 г., последняя часть – «ас-Суккарийя» [Махфуз 2019a] – начинается через восемь лет после завершения второй части «Трилогии». Эти промежутки в пять и восемь лет являются этапными для жизни персонажей: именно за это время дети взрослеют, обретают волю, выбирают жизненный путь и становятся полноценными акантами (для детских персонажей в «Трилогии» характерна роль наблюдателей), и авторское внимание во второй и третьей частях направлено в первую

очередь на молодое поколение. Таким образом, «Каирская трилогия» – единое произведение, но четкое деление и в сюжете, и в публикации позволяет признать оба варианта названия как равнозначные.

В каждом из двух способов названия заглавия пространственные. Это в первую очередь показывает принадлежность «Трилогии» к периоду творчества Махфуза 1940–1950-х гг., заглавия романов этого периода указывают на географию Каира: «Хан ал-Халили» (1945), «Новый Каир» («Ал-Кахира ал-джадида», 1946), «Квартал ал-Мидакк» («Зуак ал-Мидакк», 1947) и др. Повествование в большинстве произведений указанного времени ведется о жизни каирцев в первой половине XX в. Книги написаны в реалистическом ключе, и период творчества обычно называют реалистическим или натуралистическим [El-Ebany 1993: xi]. С одной стороны, можно говорить о некоей сложившейся манере озаглавливания, от которой автор отказался после «Каирской трилогии». С другой стороны, в заглавиях такого типа постулируется национальная принадлежность персонажей. В большинстве произведений Махфуза Каир является местом действия, и персонажи его романов – всегда египтяне. «Трилогия» – не исключение: в ней повествуется о жизни семьи во главе с мелким буржуа, владельцем бакалейной лавки Ахмадом 'Абд ал-Гаввадом в исторических кварталах города. В целом топографические заглавия отражают, что в книгах место довлеет над людьми; действия персонажей продиктованы тем, откуда они. Хотя Махфуз во время создания «Трилогии» вдохновлялся «Сагой о Форсайтах» (1906) Дж. Голсуорси и «Будденброками» (1901) Т. Манна [Hafez 2001], он продолжил линию пространственных заглавий и отказался от персонажных, обычных для жанра семейных саг. Несмотря на то что Махфуз, философ по образованию, продемонстрировал в романах взгляд на мир как на целостное бытие, он неизменно подчеркивал свой статус национального писателя, и в этом, на наш взгляд, причина значимости его творчества для египетской литературы.

Заглавия частей «Трилогии» локализуют географию в историческом центре Каира на улицах Байн ал-касрайн, Каср аш-шаук и ас-Суккариййа, которые расположены очень близко друг к другу. Хотя автор не всегда изображает улицы и кварталы с в полном соответствии с реальностью [Кирпиченко 1992: 160], в целом география очень близка к ней и описана подробно. Столь же точно «Трилогия» определена во времени. Временные границы частей мы назвали ранее, но важно, что на протяжении всего повествования персонажи говорят о значимых политических

событиях (начало и конец мировых войн, образование народной партии «Вафд», смерть видных египетских политиков), что дает возможность определить хронологию и внутрисемейных романских событий. В документальности, с которой отражены вехи истории страны и бытовая сторона жизни, видится стремление автора закрепить в литературе недавнее прошлое Каира во всех проявлениях.

Но автор «Трилогии» не желает ограничиваться социально-политической картиной, о чем сообщает в письме другу [Кирпиченко 1992: 150]. В произведении географическая карта не так важна, как хронотоп, или «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 2012: 341]. Части «Трилогии» озаглавлены согласно адресам семейных домов, в которых живут главные герои: в доме на пересечении Байн ал-касрайн и ан-Наххасин, где и живут 'Абд ал-Гаввады – Ахмад, его жена Амина и дети: Йасин, Фахми и малыш Камал и дочери Хадига и 'А'иша, а также служанка Умм Ханафи. В первой части «Трилогии» Йасин и обе дочери образуются семьями, девушки покидают родительский кров. На улице Каср аш-шаук стоит дом, который старший сын Ахмада Йасин получает в наследство от своей матери и первой жены Ахмада; туда Йасин переезжает, уже успев побыть в браке; там он живет со второй женой, а затем с третьей и сыном от первого брака Ридваном. На ас-Суккариййи расположен дом Шаукатов – матери-вдовы и двух братьев, за которых почти одновременно выходят замуж 'А'иша и Хадига; в третьей части большое число эпизодов проходит при участии Ахмада и 'Абд ал-Мун'има, сыновей Хадиги. Важность хронотопа дома в «Трилогии» справедливо подчеркивал, например, египетско-британский литературовед С. Хафез [Hafez 2001]. Указание на это находится и в самих заголовках.

Тот факт, что автор первоначально замыслил написать единственную книгу под названием «Байн ал-касрайн», свидетельствует о том, что основное внимание нужно обратить именно на этот дом. При чтении эта гипотеза подтверждается: действие 2/3 глав (46 из 71) первой части «Трилогии» происходит в доме на Байн ал-касрайн. В начале романа подробно описывается повседневная рутина членов семьи и изображается семейный уклад¹ дома, который кажется неизменным. Патриарх во главе семьи принимает все важные решения, которые в первой части касаются в основном браков его детей. Хронотоп дома в первом романе, по классификации М. М. Бахтина, можно назвать семейно-идиллическим [Бахтин 2012: 470] с присущими ему чер-

тами. Это замкнутый и самодостаточный мир с четкой иерархией: верхний этаж – обитель отца, на нижнем этаже находится вотчина женщин – кухня с большой печью. Традиционно организовано и время: распорядок довлеет над всеми, и от этого мир статичен. На протяжении «Байн ал-касрайн» уклад подтачивается изнутри: сначала Амина [Mahfouz 2019b: 194–197] выходит из дома без позволения или сопровождения Ахмада (раньше она не могла и подумать о таком); затем Йасин разрушает брак с первой женой Зайнаб, которая приходится дочерью лучшему другу Ахмада (этот союз был инициирован последним, чтобы сблизить две семьи), изменив ей с ее служанкой [ibid.: 445–450]; Фахми продолжает участвовать в демонстрациях 1919 г. несмотря на то, что отец ему это запретил [ibid.: 492–498, 567–571]. Но во всех случаях Ахмад прощает домочадцев, а значит, смиряется с тем, что его авторитет уже не абсолютен. Роман «Байн ал-касрайн» кончается гибелью Фахми во время демонстрации, и эта смерть знаменует собой масштабные перемены и в семье (мы видим это по вводным главам «Каср аш-шаук»), и в Египте. Семейная идиллия уходит в прошлое. С учетом того, что автор первоначально озаглавил «Трилогию» как «Байн ал-касрайн», именно эти изменения и то, как человек их переживает, являются основной темой романа. Данной точки зрения придерживаются и исследователи [El-Ebany 1993: 72; Кирпиченко 1992: 152–153].

В следующих частях все больше событий происходит за пределами семейного дома: лишь в 27 % глав «Каср аш-шаук» (12 из 44) и 20 % глав (11 из 54) «ас-Суккариййа» дом на Байн ал-касрайн является местом действия. Можно подумать, что в этих частях события в основном происходят в домах на одноименных улицах, но нет: лишь в 4 из 44 глав «Каср аш-шаук» действие разворачивается в доме Йасина, и в «ас-Суккариййа» 12 глав из 54 имеют местом действия дом Шаукатов. Представляется справедливой гипотеза В. Н. Кирпиченко о том, что эти заглавия указывают не на дома, а на поколения [Кирпиченко 1992: 170]: Йасин, представитель второго поколения, главенствует на Каср аш-Шаук, и этому поколению уделяется основное внимание во второй части «Трилогии», причем в наибольшей степени младшему Камалу, его становлению в качестве мыслителя и его несчастной любви. В «ас-Суккариййа» активно действует третье поколение, особенно дети Хадиги и Ибрахима – коммунист Ахмад и исламист 'Абд ал-Мун'им, которые живут в доме на одноименной улице. На их примере показано, что политическое самосознание египтян пробудилось, и они приступили к активным действиям. Именно это-

го не хватает второму поколению «Трилогии», которому бездействие, зачастую вызванное сомнениями, не позволяет добиться успеха в профессии (Йасин, Камал) и семейной жизни (Камал, Йасин, 'А'иша). Можно сделать вывод, что несоответствие заглавий «Каср аш-шаук» и «ас-Суккариййа» реальному значению домов в романе в некоторой степени нарушает изначальные читательские ожидания, однако заглавия указывают, что акцент смещается с дома на людей, и это подтверждает гипотезу о том, что крушение семейной идиллии является центральной проблемой книги.

Мы до сих пор не коснулись буквального лексического значения заглавий романов. «Байн ал-касрайн» в переводе с арабского означает «меж двух дворцов», «Каср аш-шаук» – «дворец страсти», «ас-Суккариййа» – «сахарная [улица]». Это реальные географические названия, но их выбор, возможно, не случаен. Ученый Канзасского университета Ф. ас-Салим предлагает следующую гипотезу расшифровки их смысла [as-Salim 2011: 35–53]: «Меж двух дворцов» означает переходный период до обретения национальной независимости; «Дворец страсти» показывает, что в обществе возобладали потребительские настроения, нацеленность на удовольствие; «Сахарная улица» продолжает эту тенденцию, а также символизирует переход к новому обществу, поскольку улица ас-Суккариййа – ближайшая к мосту через Нил, соединяющему старую и новую части Каира [Демидов 2012: 111–112]. У этой гипотезы справедливое обоснование: действительно, в «Трилогии» мы наблюдаем, что положение семьи ухудшается не только в физическом-материальном плане (Ахмад продает семейный бизнес, и в «ас-Суккариййа» в его бывшей бакалейной лавке торгуют шляпами; дом Шаукатов охватывает эпидемия тифа в конце книги «Каср аш-шаук»; старшее поколение рано стареет и уходит из жизни), но и в том, что касается нравственности. Так, в младшем поколении наиболее успешен Ридван – гомосексуал, который быстро получает повышение на государственной службе благодаря высокопоставленному любовнику; Камал, разочарованный в жизни, в «ас-Суккариййа» становится частым гостем публичного дома и много пьет. Эти вещи описаны в романе безоценочно, но в Каире того времени они не воспринимались иначе как свидетельства морального разложения.

С другой стороны, поскольку заглавия «Каср аш-шаук» и «ас-Суккариййа» были даны уже после завершения работы над книгами, их смысл не мог быть частью изначального авторского замысла. Страстный Йасин не случайно получает «дворец страсти» в наследство от матери, на ко-

торуую похож, но в целом значение этого дома, как было показано ранее, в «Трилогии» не очень велико. Кроме того, содержание «ас-Суккарийи» нарушает читательское ожидание, вызванное «сладким» названием, поскольку жизнь членов семьи горька, персонажей ждут болезни, тюрьма и уныние, составляющие контраст с семейной идиллией первой части «Трилогии».

‘Абд ал-Гаввады ушли от прежнего патриархального уклада, но плохо приспособились к жизни в новом мире, потому что не смогли отыскать другую продуктивную модель, на которой бы строилось их поведение. Абд ал-Мун‘им и его брат Ахмад стремятся реализовать себя в политике, но власть наказывает их тюрьмой независимо от противоположных (коммунизм и политический ислам) взглядов. Самые сильные травмы, которые мир наносит женщинам, – это потери близких; самим же им в большей степени, чем мужской половине семьи, удастся обрести смысл жизни. Вероятно, это происходит потому, что женщины больше привязаны к домашнему укладу, а также, по мнению исследователей [El-Espany 1993: 78], более трудолюбивы, что помогает им жить дальше. Упадок семьи приходится на кризисное для Египта время, знаменующееся масштабными переменами, которые в заголовке выражены предложением «байн» (араб. «между»). Заглавие «Байн ал-касрайн», по нашему мнению, означает не только переходный период в египетской политике, но и промежуточное положение семьи в самом мироздании.

Выводы

Заглавия «Каирской трилогии» четко обозначают ее в рамках творческого пути Махфуза, ориентируя читателя на предмет изображения – жизнь каирцев в первой половине XX в., и на особенности стилистики – реалистической и натуралистической. Топографические заглавия, традиционные для творчества Махфуза того периода, подчеркивают первостепенное значение места и времени в романах и дают понять, что столкновение человека с миром является главным конфликтом «Трилогии». История создания и хронотоп семейного дома показывают примат заглавия «Байн ал-касрайн» над названиями последующих частей; оно представляет собой целое, которое дополняется и расширяется при познании частей [Вольский 2004: 29]. Заглавие «Байн ал-касрайн» («Меж двух дворцов») не вызывает сомнений при интерпретации: родовой дом на Байн ал-касрайн символизирует центр мироздания и старые патриархальные устои, которые в течение романа постепенно разрушаются при переходе общества в новую эпоху (предлог «меж»). Заглавия «Каср аш-шаук» и «ас-

Суккариййа», указывающие на семейные дома второго поколения ‘Абд ал-Гаввадов, подтверждают укрепление перемен в мире. «Каср аш-шаук», или «Дворец страсти», оправдывает читательское ожидание содержанием: из всех частей именно она в большей степени посвящена любовной страсти. «Ас-Суккариййа» – наиболее проблематичное заглавие. С одной стороны, оно подтверждает ожидания читателя, поскольку персонажи в заключительной части «Трилогии» все чаще обращаются к низменным удовольствиям жизни. Однако семья приходит в упадок в материальном и моральном плане, что контрастирует с «сахарным» заголовком. Принимая во внимание, что «Трилогия» – роман-эпопея, можно экстраполировать судьбу ‘Абд ал-Гаввадов на все египетское общество межвоенного периода и даже на человечество в целом.

Примечание

¹ О хронотопе домашнего уклада см.: [Шутая, Лыткина 2015: 120–123].

Список источников

Mahfouz N. The Cairo Trilogy: Palace Walk, Palace of Desire, Sugar Street. L., Random House, 2001. 1368 p.

Mahfouz N. Impasse des deux palais. P.: Livre de Poche, 1985.

Mahfouz N. Le jardin du passé. P.: Livre de Poche, 1989.

Mahfouz N. Palais du désir. P.: Livre de Poche, 1987.

Махфуз Н. Ас-Суккариййа. Каир: Дар аш-шурук, 2019а. 406 с. *محفوظ ن. السكارية. القاهرة، دار الشروق، 2019. 406 ص.* (Mahfouz N. Al-Sukkariyya. Cairo: Dar as-Shuruq, 2019a. 406 p.).

Махфуз Н. Байн ал-касрайн. Каир: Дар аш-шурук, 2019б. 591 с. *محفوظ ن. بين القصرين. القاهرة، دار الشروق، 2019. 591 ص.* (Mahfouz N. Bayn al-Qasrayn. Cairo: Dar al-Shuruq, 2019b. 591 p.).

Махфуз Н. Каср аш-шаук. Каир: Дар аш-шурук, 2019с. 547 с. *محفوظ ن. قصر الشوق. القاهرة، دار الشروق، 2019. 547 ص.* (Mahfouz N. Qasr al-Shawq. Cairo: Dar as-Shuruq, 2019c. 547 p.).

Список литературы

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 341–503.

Богданова Ю. А. Отражение «Каирской трилогии» Н. Махфуза (1911–2006) в исследованиях XXI века // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2021. № 3. С. 44–50. doi 10.25136/2409-8698.2023.3.39906

Вольский А. Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 5–40.

Демидов К. Б. Ас-Салим Ф. Противостояние светских и исламистских течений в египетском обществе 1936–1945 гг. В романе Н. Махфуза «ас-Суккарийя» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика: реферативный журнал. 2012. С. 111–112.

Кирпиченко В. Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992. 304 с.

Кирпиченко В. Н., Сафронов В. В. История египетской литературы XIX–XX веков: в 2 т. Т. 2. М.: Восточная литература, 2003. 270 с.

Кожин В. В. Эпопея // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стб. 1236–1238.

Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 32 с.

Ламзина А. В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стб. 848–853.

Рощин Ю. Е. Трилогия египетского писателя Нагиба Махфуза «Байн ал-касрайн» как произведение критического реализма: дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 307 с.

Шутая Н. К., Лыткина О. И. Уклад как особый тип хронотопа в русском классическом романе // Наука: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. Междунар. практ. конф. Екатеринбург. Екатеринбург: АЭТЕРНА, 2015. С. 120–123.

Al Rabadi R. A Moment of Truth in Translating Proper Names in Naguib Mahfouz' Trilogy from Arabic into English // CrossCultural Communication. 2012. Vol. 8(6). P. 43–47. URL: <http://www.cscanada.net/index.php/ccc/article/view/j.ccc.1923670020120806.1747> (дата обращения: 10.04.2023).

Al-Salim F. The Contest Between Secular And Islamist Movements In Egypt, 1936–1945. Study of Nagib Mahfouz' "Sugar Street" // Journal Of South Asian And Middle Eastern Studies (Villanova). 2011. Vol. 34, № 4. P. 35–53.

Bouvet R. Notes de traduction et sensation d'exotisme dans La trilogie de Naguib Mahfouz. // Revue de littérature compare. 1997. № 3. P. 341–365. URL: https://www.academia.edu/29947354/Notes_de_traduction_et_sensation_dexotisme_dans_La_trilogie_de_Naguib_Mahfouz (дата обращения: 10.04.2023).

El-Enany R. Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning. London: Routledge, 1993. 271 p.

Hafez S. Introduction // Mahfouz N. The Cairo Trilogy: Palace Walk, Palace of Desire, Sugar Street. London: Random House, 2001. URL: https://www.amazon.com/Cairo-Trilogy-Everymans-Contemporary-Classics-ebook/dp/B01GBAJR2E/ref=tmm_kin_swath_0?encoding=UTF8&qid=&sr= (дата обращения: 10.04.2023).

Mansour L. Traduire l'humour dans La Trilogie de Naguib Mahfouz: La traduction toutes tendances confondues // Idioma 20, Transhumoresques (Bruxelles). 2010. URL: https://www.academia.edu/2075139/Traduire_l_humour_dans_La_Trilogie_de_Naguib_MAHFOUZ_La_traduction_toutes_tendances_confondues (дата обращения: 10.04.2023).

Mohamed T. H. Cohesion and Coherence Interrelation: An Approach to Literary Translation-Mahfouz's Trilogy // International Journal of Linguistics. 2014. Vol. 6. № 2. P. 220–238.

'Abd ar-Rahman M. Познакомьтесь с египетскими романами из списка ста лучших арабских романов // Седьмой день. 2022. 15 января. 100 عبد الرحمن م. تعرف على الروايات المصرية في قائمة أفضل 100 رواية عربية \ اليوم السابع, 2022, 15 يناير (Abd al-Rahman M. Ta'arruf 'ala al-riwayat al-misriyya fi qa'imat afdal 100 riwaya 'arabiyya // Al-Yaum al-sabi', 2022, 15 January). URL: <https://www.youm7.com/story/2022/1/15/-تعرف-على-الروايات-المصريةفي-5617887قائمة-أفضل-100-رواية-عربية> (дата обращения: 10.04.2023).

Касим С. Построение романа: сравнительное исследование «Трилогии» Нагиба Махфуза. Каир: Мактабат ал-усра, 2004. 251 с. قاسم س. بناء الرواية: دراسة مقارنة لثلاثية نجيب محفوظ. القاهرة: مكتبة الاسرة, 2004. (Qasim S. Bina' al-riwaya: dirasa muqarana fi thilathiyyat Najib Mahfuz. Al-Qahira: Maktabat al-usra, 2004. 251 p.).

References

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and the Chronotope in a Novel]. In: M. M. Bakhtin. *Sobranie sochineniy v semi tomakh* [Collection of Works in 7 vols.]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, vol. 3, pp. 341–503. (In Russ.)

Bogdanova Yu. A. Otrazhenie 'Kairskoy trilogii' N. Makhfuza (1911–2006) v issledovaniyakh XXI veka [Representation of The Cairo Trilogy by N. Mahfouz (1911–2006) in the studies of the 21st century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [Moscow University Oriental Studies Bulletin], 2021, issue 3, pp. 44–50. doi 10.25136/2409-8698.2023.3.39906. (In Russ.)

Vol'skiy A. L. Fridrikh Shleyermakher i ego germenevticheskaya teoriya [Friedrich Schleiermacher and his hermeneutic theory]. In: Shleyermakher F.

Germenevtika [Hermeneutics]. St. Petersburg, Evropeyskiy dom Publ., 2004, pp. 5–40. (In Russ.)

Demidov K. B. As-Salim F. Protivostoyanie svetskikh i islamistskikh techeniy v egipetskom obshchestve 1936–1945 gg. v romane N. Makhfuza ‘as-Sukkariyya’ [As-Salim F. The contest between secular and Islamist movements in Egypt, 1936–1945. Study of Nagib Mahfouz’ ‘Sugar Street’]. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9. Vostokovedenie i afrikanistika: referativnyy zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9. Oriental and African Studies: Journal of Abstracts], 2012, pp. 111–112. (In Russ.)

Kirpichenko V. N. *Nagib Makhfuz – emir arabskogo romana* [Naguib Mahfouz, the Emir of the Arabic Novel]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 304 p. (In Russ.)

Kirpichenko V. N., Safronov V. V. *Istoriya egipetskoj literatury XIX–XX vekov* [The History of Egyptian Literature of the 19th – 20th Centuries]: in 2 vols. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 270 p. (In Russ.)

Kozhinov V. V. Epopeya [Epic]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Encyclopedia of Literary Terms]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, col. 1236–1238. (In Russ.)

Krzhizhanovskiy S. *Poetika zaglaviy* [The Poetics of Titles]. Moscow, Nikitinskiy subbotniki Publ., 1931. 32 p. (In Russ.)

Lamzina A. V. Rama proizvedeniya [The Frame of a Literary Work]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Encyclopedia of Literary Terms]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, col. 848–853. (In Russ.)

Roshchin Yu. E. *Trilogiya egipetskogo pisatelya Nagiba Makhfuza ‘Bajn al-kasrajn’ kak proizvedenie kriticheskogo realizma*. Diss. kand. filol. nauk [The trilogy by the Egyptian writer Naguib Mahfouz as a work of critical realism. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1967. 307 p. (In Russ.)

Shutaya N. K., Lytkina O. I. Układ kak osobyty tip khronotopa v russkom klassicheskom romane [‘Układ’ (the way of living) as a special type of chronotope in the classic Russian novel]. *Nauka: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Sbornik statey Mezhdunarodnoy prakticheskoy konferentsii. 5 sentyabrya 2015. Ekaterinburg* [Science: The Past, Present, and Future. Collection of Articles of the International Practical Conference. September 5, 2015. Yekaterinburg]. Yekaterinburg, AETERNA Publ., 2015, pp. 120–123. (In Russ.)

Al Rabadi R. A moment of truth in translating proper names in Naguib Mahfouz’ trilogy from

Arabic into English. *Cross-Cultural Communication*, 2012, 8(6), pp. 43–47. Available at: <http://www.cscanada.net/index.php/cc/article/view/j.ccc.1923670020120806.1747> (accessed 10 Apr 2023). (In Eng.)

Al-Salim F. The contest between secular and Islamist movements in Egypt, 1936–1945. Study of Nagib Mahfouz’ ‘Sugar Street’. *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies* (Villanova), 2011, vol. 34, issue 4, pp. 35–53. (In Eng.)

Bouvet R. Notes de traduction et sensation d’exotisme dans La trilogie de Naguib Mahfouz [Translation notes and the sensation of exoticism in The Trilogy by Naguib Mahfouz]. *Revue de littérature comparée*, 1997, issue 3, pp. 341–365. Available at: https://www.academia.edu/29947354/Notes_de_traduction_et_sensation_dexotisme_dans_La_trilogie_de_Naguib_Mahfouz (accessed 10 Apr 2023). (In Fr.)

El-Enany R. *Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning*. Routledge, London, 1993. 271 p. (In Eng.)

Hafez S. Introduction. In: Mahfouz N. *The Cairo Trilogy: Palace Walk, Palace of Desire, Sugar Street*. London, Random House, 2001. Available at: https://www.amazon.com/Cairo-Trilogy-Everymans-Contemporary-Classics-ebook/dp/B01GBAJR2E/ref=tmm_kin_swatch_0?encoding=UTF8&qid=&sr= (accessed 10 Apr 2023). (In Eng.)

Mansour L. Traduire l’humour dans La Trilogie de Naguib Mahfouz: La traduction toutes tendances confondues [Translation of humor in The Trilogy of Naguib Mahfouz]. *Idioma 20, Transhumoresques*, Bruxelles, 2010. Available at: https://www.academia.edu/2075139/Traduire_l_humour_dans_La_Trilogie_de_Naguib_MAHFOUZ_La_traduction_toutes_tendances_confondues (accessed 10 Apr 2023). (In Fr.)

Mohamed T. H. Cohesion and coherence interrelation: An approach to literary translation-Mahfouz’s trilogy. *International Journal of Linguistics*, 2014, vol. 6, issue 2, pp. 220–238. (In Eng.)

‘Abd ar-Rahman M. Ta’arruf ‘ala al-riwayat al-misriyya fi qa’imat afdal 100 riwaya ‘arabiyya [Get acquainted with Egyptian novels from the List of the best 100 Arabic novels of the 20th century]. *Al-yaum as-sabi’* [Seventh Day], 2022, 15 January. Available at: <https://www.youm7.com/story/2022/1/15/تعرف-على-الروايات-المصريةفي-قائمة-أفضل-100-رواية-عربية/5617887> (accessed 10 Apr 2023). (In Arab.)

Qasim S. *Bina’ al-riwaya: dirasa muqarana fi thilathiyyat Najib Mahfuz* [The Structure of the Novel: a Comparative Study of The Trilogy by Naguib Mahfouz]. Cairo, Maktabat al-usra, 2004, 251 p. (In Arab.)

The Titles of 'The Cairo Trilogy' Novels (1956–1957) by Naguib Mahfouz as an Object for Interpretation

Iuliia A. Bogdanova

Graduated Postgraduate Student

Department of Arabic Philology at the Institute of Asian and African Countries

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. jul.bogd1111@gmail.com

SPIN-code: 3300-8447

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0836-192X>

Submitted 01 Apr 2023

Revised 01 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Bogdanova Iu. A. Zaglaviya romanov «Kairskoy trilogii» (1956–1957) Nagiba Makhfuza kak interpretatsionnyy material [The Titles of 'The Cairo Trilogy' Novels (1956–1957) by Naguib Mahfouz as an Object for Interpretation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 98–105. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-98-105 (In Russ.)

Abstract. The article studies the novels of *The Cairo Trilogy* written by the famous Egyptian novelist Naguib Mahfouz (1911–2006, Nobel prize 1988), which is considered one of the greatest literary works of the 20th century and the prime work by the author.

The titles of the books *Bayn al-Qasrayn*, *Qasr ash-Shawq*, and *as-Sukkariyya*, which literary mean 'Between two palaces', 'Palace of desire', and 'Sugar street', are taken from the names of actual streets situated in the old quarters of Cairo. The novels follow the life of a Cairene family 'Abd al-Gawwad living in a historic Cairo district; the titles point at the streets where the family's houses are located. The principle of entitling the books may seem simple – by location. Regarding titles as a special type of texts, sometimes called frame texts, the article examines the following questions: is it true that the titles of the novels do not point at anything except geography? Do the texts meet the reader's expectations created by the titles? The article concludes that the locations named in the titles not only highlight the national character of the novels but also prioritize the space of the family's universe that survives a massive transformation during the first half of the 20th century. The novels show how the social changes ruin all the hierarchical family relations. The first title conveys the idea that the 'Abd al-Gawwads 'hang between' two historic periods; the subsequent books show that the family does not cope very well, and there reigns corruption, illness, and lack of morality. From this point of view, on the one hand, the titles fulfil the reader's expectations because the characters are shown to prefer 'forbidden desire' and alcohol to family life and honest business; on the other hand, there is a contradiction with the expectations created by the third title as this lifestyle does not bring any 'sugar' to their lives.

Key words: Naguib Mahfouz; modern Arabic literature; Egyptian novel; frame texts; title analysis.

УДК 821.161.1-343
doi 10.17072/2073-6681-2024-1-106-115

EDN UHXMIV

Художественный мир философской сказки: реалии в творчестве Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова

Вероника Валентиновна Домашнева

аспирант кафедры истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. dom.ver@mail.ru

SPIN-код: 4749-4502

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2237-0201>

ResearcherID: IQU-2539-2023

Статья поступила в редакцию 15.06.2023

Одобрена после рецензирования 14.10.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Домашнева В. В. Художественный мир философской сказки: реалии в творчестве Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 106–115. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-106-115

Аннотация. Статья посвящена исследованию типов и функций реалий, представленных в философских сказках Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова. Произведения, направленные на раскрытие духовно-нравственной проблематики, изображают мир через соотнесение бытийного и бытового, что обуславливает необходимость изучения принципов воплощения в них примет эпохи. Обращение к мотивному анализу с учетом историко-культурной ситуации позволило определить, что в цикле С. Козлова важным становится представление домашнего пространства и соответствующих бытовых реалий, обретающих космический масштаб и тем самым утверждающих идею о Вселенной как общем доме, а в творчестве Г. Цыферова соответствующие объекты рассматриваются в связи с проблемой становления общественно активной личности, приоритетным оказывается исследование реалий городской жизни, на примере которых раскрывается мысль о стремлении к добру и красоте как основе исторических преобразований. Также отмечается, что оба писателя обращаются к сфере культуры, но если Г. Цыферов в большей степени апеллирует к жизненному опыту адресата, побуждает его к переосмыслению знакомых объектов, выстраивая ассоциативные цепочки и актуализируя дидактическую функцию юмора, то С. Козлов привлекает внимание читателя к абсолютно новой для него информации, отмечая специфику реалий разных культур, тем самым стимулируя интерес к знакомству с иной картиной мира и обуславливая возможность соприкосновения с ней через общие ценности. Делается вывод о том, что характеристики реалий, вводимых в художественный мир философской сказки, меняются в зависимости от психолого-возрастных особенностей адресата и идейно-эстетических воззрений автора, но в любом случае установление подобной связи с действительностью позволяет раскрыть идейную составляющую произведения, посвященного бытийной проблематике.

Ключевые слова: Г. М. Цыферов; С. Г. Козлов; философская сказка; русская детская литература; реалия.

Философская сказка – жанровая разновидность литературной сказки, остающаяся на периферии изучения детской литературы, несмотря на значимость бытийной проблематики для становления личности¹. Будучи направленным на исследование мироздания и места человека в нем через синтез фантастического и реалистического [Овчинникова 2001: 178], произведение создается с целью раскрыть эτικο-эстетические воззрения писателя и приобщить маленького адресата к определенной системе идей и ценностей, научить его ориентироваться в мире, наблюдать и размышлять. Этим обуславливается стремление автора философской сказки установить связь с внелитературной действительностью, а именно соотнести бытийные категории с современностью, с жизненным опытом относительно конкретной группы людей: описанная в сказке ситуация предстает в качестве частного случая реализации общих законов мироздания, что утверждает их универсальную применимость и способствует лучшему восприятию идеи читателем, в большей степени склонным к наглядно-образному мышлению [Спиридонова 2019: 438–441].

Одним из важнейших способов установления подобной связи с действительностью является введение в художественный мир произведения реалий – «предметов или явлений, связанных с историей, культурой, экономикой и бытом» [Швейцер 1973: 250]². В целом для философской сказки характерна лаконичность описания материального плана – установка на бытийную проблематику, превалирование интереса к универсальным категориям детерминируют некоторую условность изображения, стремление к максимальной обобщенности. Указание примет определенной эпохи наравне с традиционно сказочными элементами способствует созданию особого, острого художественного пространства, подвергающего сомнению привычное понимание самой природы реальности и представляющего окружающий мир как сферу духовно-нравственной проблематики через утверждение принципиальной соотнесенности материального и духовного, быта и бытия. При этом характер упоминаемых в философской сказке реалий, исполняемые ими функции во многом обуславливаются индивидуальными особенностями мировоззрения и творческой манеры автора, а также ориентацией на определенный психолого-возрастной тип адресата, что можно увидеть на примере произведений Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова – детских писателей второй половины XX в. Их творчество обладает рядом схожих черт: эти авторы ориентируются на малую

жанровую форму, более доступную для полноценного восприятия ребенком, не обладающим опытом чтения текстов больших объемов, но одновременно с этим актуализирующую законности стихового ряда [Тынянов 1924], обогащающий произведение новыми смыслами, и объединяют сказки-миниатюры [Коваленко 2017: 46] в полные лиризма и юмора циклы, представляющие своеобразное мировидение героя, по характеру близкого маленькому адресату и помогающего ему обрести нравственные ориентиры на своем примере.

Оба писателя исследуют разные сферы жизни человека, но для каждого можно выявить некоторые приоритетные направления, подразумевающие обращение к определенной группе реалий³. Так, в цикле сказок о Ёжике и Медвежонке С. Козлова особое значение приобретает изображение домашнего пространства, основой для которого становится название бытовых реалий, относящихся к соответствующим подгруппам, – внимательное изучение ряда произведений позволяет получить представление о самом типе сооружений (бревенчатый дом с крыльцом [Козлов 2005: 98], обогреваемый печью [там же: 27, 52, 58]), их внутренней планировке (упоминается чердак [там же: 37], чулан [там же: 24] и кладовая [там же: 58]), мебели (стол [там же: 92], кресла [там же: 97], кровать [там же: 19]) и иных предметах обихода (самовар [там же: 9], часы [там же: 92], одеяло [там же: 208]). При этом описание данных объектов в сказках Козлова, как правило, не представлено; писатель апеллирует не столько к исторической специфике реалий, обычно отражаемой в конкретных деталях, сколько к их вневременному, символическому значению. Введение в художественный мир произведения предметов, связанных с традиционным укладом жизни (печь, самовар⁴) и изготовленных из натуральных материалов (мебель из дерева), позволяет изобразить гармоничный мир вдали от цивилизации, в котором восстанавливается связь человека и природы⁵. Дом предстает как «свое» обособленное пространство, где индивид, освободившийся от внешней суеты, возвращается к своему истинному Я [Лишаев 2010: 144–153] и обретает возможность соприкосновения с бытием. Созерцание природы, наблюдение за изменениями собственного душевного состояния и осмысление выявленных закономерностей требует высокой степени сосредоточенности, что обуславливает необходимость создания и сохранения соответствующей атмосферы в условиях быта. Так, в сказке «Разрешите с вами посумерничать» [Козлов 2005: 145–146] Ёжик и Медве-

жонок проводят время, открывая для себя разные состояния мира, претерпевающего метаморфозы на границе дня и ночи (туман – сумерки – ясная ночь). Эта своеобразная традиция обязательно предваряется подготовительным этапом, во время которого создаются условия для спокойного и длительного созерцания (Ёжик выносит на крыльцо плетеные кресла), значимость⁶ которых подтверждается негативными последствиями вторжения «чужого»: не вполне уместное поведение Зайца нарушает гармонию домашнего пространства и, на первый взгляд, препятствует духовной деятельности. Отмечая влияние бытового фактора на возможность приобщения к высшим ценностям, писатель, однако, не утверждает его в качестве определяющего – способность воспринять идеальную сторону бытия через ее материальные воплощения в большей степени зависит от личностных качеств индивида. В финале произведения Ёжик и Медвежонок, несмотря на неблагоприятную обстановку, снова чувствуют единение с миром, когда на ночном небе появляется месяц: узкая линия света, будто разрезающая тьму, вероятно, символизирует возможность прорыва за границы обыденной жизни, плодотворность поиска для тех, кто умеет отличать действительно ценное от преходящего и сосредоточиваться на нем. Заяц, от природы активный и беспокойный, инстинктивно далек от такого типа познания, он, подобно друзьям, тоже стремится к духовному, но не замечает гармоничности сосуществования природы и культуры, представленных соответствующими реалиями, и поэтому способен только имитировать их деятельность, воссоздавая обстановку, но не понимая ее истинного значения.

Дополнительно стоит отметить, что в целом бытовой аспект как таковой героям Козлова не интересен, о чем свидетельствует, например, двойственное отношение героев к еде и напиткам. С одной стороны, указание реалий этой группы (чай [Козлов 2005: 9, 27, 34, 163, 171], варенье [там же: 34], компот [там же: 169]) тоже способствует созданию особой домашней атмосферы покоя и душевной близости; совместная трапеза воспринимается как своеобразная форма невербального общения, в процессе которого устанавливаются и укрепляются межличностные связи (так, в сказке «Ворон» [там же: 32–35] Ёжик, по сути, являющийся воплощением детского характера, в силу большой психолого-возрастной дистанции не может придумать подходящую тему для разговора с Вороном, но приглашает его на чаепитие в стремлении спасти от одиночества). С другой стороны, процесс приго-

товления и употребления пищи в данном цикле часто противопоставляется духовной деятельности, например, Медвежонок сердится на Зайца, который отказывается от полета в космос, предпочитая исследованию экологического состояния Земли варку моркови («Не грязните мою Землю» [там же: 110–113]) – погруженность в заботы об удовлетворении базовых потребностей ослабляет связь человека с миром, отвлекает его от глобально важной проблематики и лишает шанса позаботиться о родной планете и тем самым исполнить свой долг перед ней. Полагая непосредственно бытовые моменты «скучными» [там же: 147], герои определяют свою жизнь в рамках иного масштаба, представляя всю Вселенную в качестве домашнего пространства – их целью становится гармонизация космоса. Актуализация реалий труда в соответствующем контексте (Ёжик и Медвежонок протирают звезды тряпкой, предварительно сбив пыль веником – занимаются уборкой («Как Ёжик с Медвежонок протирали звезды» [там же: 218–220]); находят свернутые в рулоны «небы» [там же: 221] и решают заменить старое небо одним из них – делают ремонт («Как Ёжик с Медвежонок меняли небо» [там же: 220–225])) утверждает идею мироздания как общего дома, требующего внимания и заботы со стороны каждого. Подобная установка налагает на индивида личную ответственность за судьбу мира («Если Медвежонок не протрёт звёзды, если я не протру звёзды, то кто же протрёт звёзды?» [Козлов 2005: 220]), побуждая его обращаться к «вечным» вопросам и самостоятельно искать решения глобальных проблем. Ёжик и Медвежонок свободно проявляют творческую активность в «своем» пространстве, осознавая при этом и необходимость сталкиваться с негативными последствиями такой деятельности, если она противоречит изначальной гармонии мироустройства: легкомысленная попытка поменять небо оборачивается тяжелым трудом, не приводящим к предполагаемому результату («будешь сам не рад» [там же: 225]), но вместе с этим становится отправной точкой для героев как со-творцов⁷ Вселенной, причем созданные их волей объекты (Ёжикина звезда) кажутся им особенно ценными и прекрасными – родными, а следовательно, отличающимися от остальных.

Персонажи Г. Цыферова, напротив, в большей степени ориентированы на взаимодействие с коллективом, что вводит в круг проблематики философской сказки социально-бытовые аспекты, значимые для маленького читателя, например, выбор профессии («Жил на свете слоне-

нок»), соответствие требованиям трудовой дисциплины («Паровозик из Ромашково»). Герой, стремящийся к социализации и самореализации в деятельности, полезной для окружающих, рассматривает предметы домашнего обихода с точки зрения их функциональности: так, слоненок («Жил на свете слоненок» [Цыферов 2005: 18–19]), обнаруживая в себе внешнее сходство с зонтом (большие уши) и лейкой (длинный хобот), начинает воспринимать свое Я через сопоставление с этими объектами и пытается воспроизвести их способ действия, благодаря чему открывает в себе новые способности и находит истинное призвание в работе пожарного – опыт повседневной жизни, отраженный в бытовых реалиях, становится опорой для формирования общественно значимой личности. При этом стоит отметить, что, хотя трудовая деятельность в творчестве Цыферова не обретает космических масштабов, как это происходит в произведениях Козлова, она не представляется исключительно бытовым феноменом. Обращение к реалиям труда позволяет писателю раскрыть понятие «польза» не только как утилитарно-практическую, но и как духовную категорию: истинное благо приносят даже, на первый взгляд, абсурдные действия героев, если они обусловлены стремлением к гармонии и общему счастью. Исследование мира через призму профессиональной точки зрения представляет его с иного ракурса, выявляющего этическую и эстетическую ценность и окружающих предметов, и обращенной на них деятельности: врач («Лисенок» [Цыферов 2005: 71]) способен распознавать не только болезни тела, но и болезни души – скрытые в сердце злость и жестокость, искажающие сущность человека, а часовой мастер («Ослик» [там же: 72]) дарит жизнь механизмам, черпая вдохновение в красоте природы – так, ориентация на общественную активность признается важным и органичным фактором становления полноценной личности, не противоречащим ее стремлению к познанию законов бытия.

Эта же установка на социальный аспект выражается в том, что для Цыферова приоритетным является изображение пространства вне дома, целью писателя становится показать героя не только в его связи с мирозданием, но и в условиях определенной среды. Индивид помещается в более конкретные, чем у Козлова, временные рамки, что, однако, тоже способствует утверждению вечных ценностей. Так, большое внимание уделяется реалиям городской жизни: в художественный мир сказки вводятся соответствующие здания (многоэтажные дома с балконами [Цыферов 2005: 32]), учреждения (музей, зоо-

парк [там же: 56], детский сад [там же: 120]), СМИ (афиша [там же: 48], газета [там же: 62], радио [там же: 64]); в частности, особенно широко представлены разные виды техники (пароход [там же: 14], бульдозер [там же: 38], ракета [там же: 33]⁸), на примере смены которых раскрывается проблема прогресса. Если в творчестве Козлова образ города амбивалентен, он одновременно является и проводником культуры (именно из города приходит в лес кот-поэт Басё («Великое имя Басё» [Козлов 2005: 28–30])), и источником экологической опасности (ядовитый дым заводов загрязняет планету («Не грязните мою Землю» [там же: 110–113])), то в произведениях Цыферова город представлен пространством, порожденным заботой о будущих поколениях, чудесным подарком могучих родителей для любимого ребенка («Маленький великанчик» [Цыферов 2005: 165–177]). В этом отношении прогресс оказывается естественным и положительным явлением: новые объекты отвечают актуальным задачам, а устаревшие сохраняют свою значимость, начиная исполнять новые функции – что соотносится и с жизнью человека.

Например, герой сказки «Паровозик Чу-Чу» [там же: 55–56], будучи списанным после строительства более удобной автомобильной дороги, отказывается стать экспонатом музея и отправляется работать в зоопарк, где обретает счастье в общении с детьми. На примере знакомых читателю ситуаций путешествия по железной дороге, посещения музея, катания на аттракционе и ассоциирующихся с ними образов паровоза (приносящий пользу пассажирский поезд; интересный, но утративший свои оригинальные функции экспонат; веселый и красивый детский паровоз) Цыферов раскрывает идею об истинном предназначении человека. Жизнь индивида является полноценной, только если он реализует свои таланты в соответствии с идеалом нравственности. Внешние обстоятельства, действительно, влияют на судьбу, но не определяют ее, окончательный выбор всегда делает сам человек: добровольно отказаться от деятельности, удовлетворившись былыми заслугами, и оборвать связь с миром, лишиться возможности развития, самосовершенствования, самого смысла существования – или продолжить служить добру даже в непривычных для этого условиях, тем самым обретая радость жизни в новой, но не менее важной роли и подтверждая вневременную значимость личности. Писатель показывает, что исторические изменения отражают стремление человечества к мировой гармонии и дополнительно подчеркивают незыблемость духовных ценностей.

В итоге, несмотря на характерное для философской сказки стремление к обобщению, в творчестве Цыферова художественный мир произведений обретает пространственно-временные координаты: с помощью реалий, относящихся к сфере городской жизни, формируется относительно четкий образ современности, отличающийся от иных этапов научно-технического развития. В произведениях Козлова историческое время в большей степени вводится через восстановление традиции, в частности, через обращение к теме деревни⁹. Именно в этой среде герой оказывается в кругу семьи, обычно представленной бабушкой и дедушкой – хранителями народной мудрости и нравственности. При этом автор наделяет их индивидуальными чертами характера (если бабушка Зайца энергична и деятельна («Соленые ножки» [Козлов 2005: 160–162]), то дедушка Медвежонка склонен к меланхолии («Кукуня» [там же: 99–102])), что позволяет ему раскрыть разные грани исконного образа жизни на примере реалий трудовой и досуговой деятельности: старшее поколение владеет навыками физического труда (например, косьба («Пяточка» [там же: 133–134])), умеет применять теоретические знания (бабушка учит Зайца извлекать корень [там же: 160–162]), обладает творческими способностями и чувством прекрасного (дедушка Медвежонка любит играть на скрипке, а бабушка – слушать его музыку [там же]). Именно семья становится опорой для существования традиции: будучи идеальными родителями, любящими наставниками и защитниками, старшие герои стремятся передать свой опыт другим. Необходимо отметить, что Козлов, как правило, раскрывает эту тему через обращение к приему ретроспекции. Главные герои вспоминают время, проведенное с бабушками и дедушками, воспроизводят их деятельность в настоящем, что утверждает непрерывность связи поколений, однако изображение деревни преимущественно в ретроспективном плане указывает на факт некоторого отдаления современного человека от традиционного уклада.

В творчестве Цыферова и Козлова в большей степени друг другу противопоставляются не столько город и деревня, сколько личность и мир в целом, но оба писателя не оставляют без внимания различия городского и деревенского типа культуры, при этом выявляя своеобразный конфликт – жителями города последняя воспринимается как чужая: типичные для нее реалии быта и природного мира вызывают у героев смех и удивление. Решая задачу преодоления этого разрыва, Цыферов актуализирует дидактическую

функцию юмора, помещая персонажей в очевидно абсурдную для читателя ситуацию: так, никогда не бывавший в деревне директор выставки («Живой мотоцикл» [Цыферов 2005: 62–66]) принимает теленка за мотоцикл, не понимая различий между машиной и живым существом. Маленький адресат, будучи более осведомленным, осознает нелепость поведения героя и стремится дистанцироваться от него. Козлов же, напротив, обращается к принципиально новой для читателя информации, упоминая неизвестные ему реалии деревенской жизни (например, название частей косы – «пяточка», «косовище» [Козлов 2005: 133]) и тем самым провоцируя его любознательность.

Однако в целом проблема взаимодействия культур в творчестве Цыферова несколько редуцирована. Писатель обычно апеллирует только к знакомым дошкольнику по его собственному опыту объектам реального мира, что обусловлено особенностями психологии адресата: на этом этапе взросления ребенка интересуют явления, происходящие непосредственно вокруг него и доступные для самостоятельного анализа, поэтому автор предлагает ему сосредоточиться на интеллектуальном и эмоциональном освоении феноменов повседневной жизни. Сказочный цикл Козлова обращен к более старшему детскому возрасту: упоминание незнакомых объектов и явлений не препятствует восприятию произведения, а стимулирует интерес, побуждает к знакомству с иной культурой, ее системой идей и ценностей: герои учат иностранные языки, например французский («Сова-сова» [Козлов 2005: 169–171]), соприкасаются со сферой искусства (встречают кота-поэта по имени Басё¹⁰ («Великое имя Басё» [там же: 28–30]), гуляют по Бетховенской тропе («Бетховенская тропа» [там же: 15–16]))¹¹. При этом употребление слов, называющих реалии, часто сопровождается объяснением их значения через проведение аналогии с единицами родного языка (джонка – это «лодка китайская, с домиком» [там же: 21]) и помещением их в соответствующий культурный контекст (Медвежонок изображает джонку на рисунке, посвященном Китаю («Великий китайский поэт» [там же: 21–23]), в соответствии с эстетическими принципами традиционного китайского пейзажа [Яковлева 2012: 9–12]). В произведениях Цыферова подобные названия реалий встречаются редко¹², причем упоминаются независимо от определенной культурной традиции: так, слово «пиро́га» («Пирог» [Цыферов 2005: 123–125]) заимствуется из «старой книги» [там же: 123] как синоним слова «лодка». В данном случае обращение к иноязычной лексике

становится не столько способом соприкосновения с другой культурой, сколько отправной точкой для выстраивания юмористического сюжета на основе языковой игры, что также способствует раскрытию философской проблематики: ориентируясь на похожее звучание, герои приходят к выводу о взаимосвязи денотатов пары омографов «пирогі – пироги» и решают построить лодку из кондитерских изделий – в результате писатель представляет остранинное изображение действительности, утверждая преображающую силу творческой активности индивида, способного увидеть глубинное сходство разных объектов окружающего мира.

Соответствующие принципы обращения к реалиям особенно ярко проявляются в произведениях, посвященных описанию быта. Так, миницикл Цыферова «Что у нас во дворе» состоит из небольших отрывков, посвященных предметам городского благоустройства – дом, качели, клумба. Богатое воображение рассказчика открывает эмоционально-образную полноту повседневной жизни, проявляющуюся в уподоблении бытовых реалий объектам, обычно ассоциирующимся с приключением и тайной (телевизионные антенны похожи на мачты [Цыферов 2005: 152], скрип качелей – на скрип корабельных снастей [там же: 153], уличный фонарь – на сундучок [там же: 155]), что побуждает читателя пересмотреть свое представление о данном жизненном пространстве и осознать бытийную значимость даже самых привычных явлений, их органичную включенность в общий план мироздания. В сказке Козлова «В гостях у Собаки» [Козлов 2005: 19–21] быт представлен через сопоставление устройства русского и китайского дома (например, топчан сравнивается с кроватью и печью), в котором выявляются и уникальные черты двух культур, утверждающие красоту многообразия окружающего мира, и их точки соприкосновения, обуславливающие возможность взаимопонимания, единения на основе всеобщих ценностей. Например, в произведении «Великий китайский поэт» [там же: 21–23] знакомство с живописью и литературой другой страны позволяет Ёжику и Медвежонку сформулировать универсальный закон искусства – «У кого есть великие поэты – всё помнят» [там же: 23]; писатель подчеркивает значимость творца как хранителя истории и культуры народа, идей и достижений своего поколения и, отмечая немаловажность осознанного отношения к проблемам развития искусства и эстетического воспитания человека, иронично указывает на необходимость творческой свободы художника,

так как истинный шедевр не может быть создан по принуждению (строгое требование немедленно приступить к написанию стихотворений «способный» [там же] Заяц воспринимает с недоумением). В итоге ситуация соприкосновения с реалиями чужой культуры не только способствует расширению кругозора маленького читателя, но и привлекает его внимание к «вечным» вопросам, помогая научиться уважать другого и лучше понимать самого себя.

Итак, художественный мир философской сказки, представленной произведениями Г. М. Цыферова и С. Г. Козлова, активно включает в себя объекты и явления, ассоциирующиеся с определенными культурно-историческими условиями, причем характеристики и функции реалий меняются в зависимости от психолого-возрастных особенностей адресата и идейно-эстетических воззрений автора, что обуславливает превалирование разных аспектов в творчестве этих писателей: город (пространство общества) – дом (пространство индивида), прогресс – традиция, переосмысление известного – открытие нового. В любом случае установление подобной связи с внелитературной действительностью способствует реализации философской составляющей произведения, представляющего феномены окружающего мира в контексте духовно-нравственной проблематики и выявляющего бытийную значимость конкретно-исторических явлений, приобщающего ребенка к определенной системе идей и ценностей и побуждающего его к самостоятельной интеллектуальной и творческой деятельности.

Примечания

¹ Несмотря на признание философского потенциала как народной, так и литературной сказки отечественными ([Богатырева 2019: 173–177; Овсянникова 2022: 108–113]) и зарубежными ([Власова 2019: 141–144; Bom, Schaffalitzky 2019: 226–241; Lewin 2020: 213–231]) исследователями, проблема описания истории становления философской сказки и определения ее жанрообразующих признаков остается актуальной. На данный момент единственной крупной научной работой, представляющей русскую философскую сказку для детей в качестве главного объекта изучения, является диссертация А. В. Тихомировой [Тихомирова 2011], в которой исследуются произведения, воплощающие принципы философии языка, при сознательном отказе от рассмотрения бытийных аспектов содержания. В трудах других исследователей, посвященных изучению жанрового разнообразия литератур-

ной сказки [Овчинникова 2001] и детской литературы определенного периода в целом [Октябрьская 2017], философская сказка выделяется, но не получает достаточно подробной и четкой характеристики.

² В настоящее время термин «реалия» неоднозначен (см. подробнее: [Фененко 2007: 5–9]). В данной статье это понятие в большей степени подразумевает объекты и явления реальной действительности (см. подробнее: [Ахманова 2007: 381; Федоров 2002: 206]), чем называющие их лексические единицы, не имеющие точных эквивалентов в других языках (см. подробнее: [Влахов, Флорин 2006: 21, 59–60]), что обуславливается литературоведческими задачами работы.

³ Поскольку данная статья посвящена исследованию реалий как элементов, отражающих состояние внелитературной действительности в рамках художественного мира философской сказки, наиболее обоснованным кажется обращение к тематической классификации реалий, выявляющей основные сферы их бытования. С этой точки зрения наиболее полно реалии представлены в работах С. Влахова, С. Флорина [Влахов, Флорин 2006] и В. С. Виноградова [Виноградов 2001].

⁴ Самовар часто рассматривается как главный атрибут традиционного русского чаепития, который, однако, в XX в. выходит из обихода и начинает ассоциироваться со стариной, даже экзотикой [Савостьянова 2013: 72–80].

⁵ Стремление героев Козлова к общению с природным миром, возможно, соотносится с представлениями восточной философии [Овсянникова 2022: 108–113] о единстве человека и природы [Уланов 2017: 157–162], созерцание которой открывает истинную сущность вещей [Скворцова 2023: 113–134].

⁶ Некоторые исследователи отмечают, что процесс сумерничания в данном случае обретает характер ритуала, необходимого для соприкосновения с тайной бытия (см. подробнее: [Елепова, Кабанова 2021: 512–521]).

⁷ Эта идея созвучна представлениям В. С. Соловьева [Соловьев 1988: 581–756], Н. А. Бердяева [Бердяев 1989: 252–534] о человеке как соучастнике дела Творца, преображающем мир в одухотворенном художественном акте.

⁸ Героям Козлова, например, слово «ракета» незнакомо, они называют данный объект «трубой» [Козлов 2005: 111].

⁹ В творчестве Цыферова тема деревни раскрывается в несколько ином ракурсе. Писатель изображает не столько сменяющие друг друга типы уклада, сколько равноправно сосуществу-

ющие пространства, гармонично дополняющие друг друга: в реалиях городской жизни отражается потенциал человека как деятеля, творца истории, в то время как объекты природного мира и деревенского быта напоминают о связи преходящего и вечного.

¹⁰ Мацуо Басё, японский поэт XVII в.

¹¹ Обращение к элементам культурного наследия Запада и Востока также соответствует идее гармонизации мира: Козлов моделирует глобальное многокультурное пространство, подчеркивая самобытность упоминаемых реалий, но раскрывая их в качестве органичных частей одной системы, тем самым утверждая мысль о красоте Вселенной в ее многообразии.

¹² Цыферов принципиально избегает слов, недостаточно понятных адресату: так, отправляясь в путешествие, его герой собирает с собой «мешочек» [Цыферов 2005: 22], в то время как персонаж Козлова в той же ситуации берет «котомку» [Козлов 2005: 58].

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.

Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова. М.: Правда, 1989. С. 252–534.

Богатырева Ж. В. Сказка как отражение духовных потребностей общества: традиции и трансформации в современном социальном пространстве // Kant. 2019. № 3(32). С. 173–177.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Власова Г. И. Литературная сказка в современной детской прозе Казахстана // Простор. 2019. № 8. С. 141–144.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2006. 447 с.

Елепова М. Ю., Кабанова Н. Г. Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 512–521. doi 10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521

Коваленко М. М. Стиль Сергея Козлова: образный строй, жанр, контекст: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 248 с.

Козлов С. Г. Всё о Ёжике, Медвежонке, Львенке и Черепахе: Сказки, стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2005. 512 с.

Лишаев С. А. Уютное место (феномен уюта в эстетике пространства) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

кина. Серия «Философия». 2010. Т. 2, № 4. С. 144–153.

Овсянникова А. А. Ёжик и Медвежонок в тумане: сказочный мир Сергея Козлова в зеркале восточной философии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 1(94). С. 108–113.

Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 387 с.

Октябрьская О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–50-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 481 с.

Савостьянова Е. В. Где и как «живет» чайник? // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 2. С. 72–80.

Скворцова Е. Л. Японская философия XX века о культурных смыслах Ничто как выражения истинной реальности // Вестник культурологии. 2023. № 1(104). С. 113–134. doi 10.31249/hoc/2023.01.07

Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Loseva и А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. С. 581–756.

Спиридонова Г. С. О психологизме детской литературы (на примере русской литературной сказки) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 438–441.

Тихомирова А. В. Жанровые особенности философской сказки в русской литературе второй половины XX – начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011. 181 с.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 140 с.

Уланов М. С. Буддийская культура и экологическое сознание // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 34(2). С. 157–162.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высш. шк., 2002. 416 с.

Фененко Н. А. Лингвистический статус термина реалия // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2, ч. 1. С. 5–9.

Цыферов Г. М. Как лягушонок искал папу: сказки и маленькие сказочки, сказочные истории, рассказы, повесть. М.: АСТ, 2005. 366 с.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Яковлева Н. Ф. Китайская живопись «Гохуа»: важнейшие факторы развития и ключевые свойства // Вестник ЗабГУ. 2012. № 9(88). С. 9–12.

Bom A., Schaffalitzky C. Is the Ugly Duckling a Hero? Philosophical Inquiry as an Approach to Hans Christian Andersen's Fairy Tales in Danish Primary School Teaching // Forum for World Literature Studies. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 226–241.

Lewin D. Between Horror and Boredom: Fairy Tales and Moral Education // Ethics and Education. 2020. Vol. 15 (2). P. 213–231.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 576 p. (In Russ.)

Berdyayev N. A. Smysl tvorchestva [The meaning of the creative act]. In: Berdyayev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 252–534. (In Russ.)

Bogatyreva Zh. V. Skazka kak otrazhenie dukhovnykh potrebnostey obshchestva: traditsii i transformatsii v sovremennoy sotsial'nom prostranstve [The tale as a reflection of the spiritual needs of the community: Tradition and transformation in the modern social space]. *Kant*, 2019, issue 3(32), pp. 173–177. (In Russ.)

Vinogradov V. S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moscow, Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education Press, 2001. 224 p. (In Russ.)

Vlasova G. I. Literaturnaya skazka v sovremennoy detskoy proze Kazakhstana [The literary fairy tale in modern children's prose of Kazakhstan]. *Prostor* [Expanse], 2019, issue 8, pp. 141–144. (In Russ.)

Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2006. 447 p. (In Russ.)

Elepova M. Yu., Kabanova N. G. Mifopoetika prostranstvenno-vremennogo kontinuum v skazkakh Sergeya Kozlova o Ezhike i Medvezhonke [Mythopoetics of the space-time continuum in Sergei Kozlov's tales of the Hedgehog and the Bear]. *Neofilologiya* [Neophilology], 2021, vol. 7, issue 27, pp. 512–521. doi 10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521. (In Russ.)

Kovalenko M. M. *Stil' Sergeya Kozlova: obraznyy stroy, zhanr, kontekst*. Diss. kand. filol. nauk [Sergey Kozlov's style: the figurative structure, genre, context. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2017. 248 p. (In Russ.)

Kozlov S. G. *Vse o Ezhike, Medvezhonke, L'venke i Cherepakhe: Skazki, stikhotvoreniya* [Everything about the Hedgehog, Bear, Lion and Turtle:

Tales, Poems]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)

Lishaev S. A. Uyutnoe mesto (fenomen uyuta v estetike prostranstva) [Cosy Place (Phenomenon of Cosiness in Aesthetics of Space)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriya 'Filosofiya'* [Pushkin Leningrad State University Journal. Series: Philosophy], 2010, issue 4, vol. 2, pp. 144–153. (In Russ.)

Ovsyannikova A. A. Ezhi i Medvezhonok v tumane: skazochnyy mir Sergeya Kozlova v zerkale vostochnoy filosofii [Hedgehog and Bear-cub in the fog: the fairy-tale world of Sergei Kozlov in the mirror of eastern philosophy]. *Uchenye zapiski Orel'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Orel State University], 2022, vol. 1, issue 94, pp. 108–113. (In Russ.)

Ovchinnikova L. V. *Russkaya literaturnaya skazka XX veka (istoriya, klassifikatsiya, poetika)*. Diss. d-ra filol. nauk [The Russian literary tale of the 20th century (history, classification, poetics). Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2001. 387 p. (In Russ.)

Oktyabr'skaya O. S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemy v russkoy detskoj literature 1920 – 50-kh godov*. Diss. d-ra filol. nauk [The formation and development of the genre system in Russian children's prose of the 1920s–1950s. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2017. 481 p. (In Russ.)

Savost'yanova E. V. Gde i kak 'zhivet' chaynik? [Where and how does a teapot live?]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Service & Tourism: Current Challenges], 2013, issue 2, pp. 72–80. (In Russ.)

Skvortsova E. L. Yaponskaya filosofiya XX veka o kul'turnykh smyslakh Nichto kak vyrazheniya istinnoy real'nosti [The Japanese philosophy of the twentieth century about cultural meanings is Nothing as an expression of true Reality]. *Vestnik kul'turologii* [Herald of Culturology], 2023, issue 1(104), pp. 113–134. doi 10.31249/hoc/2023.01.07. (In Russ.)

Solovyov V. S. Kritika otvlechenykh nachal [The critique of abstract principles]. In: Solovyov V. S. *Sochineniya* [Writings]: in 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 1, pp. 581–756. (In Russ.)

Spiridonova G. S. O psikhologizme detskoj literatury (na primere russkoy literaturnoy skazki) [About psychologism in children's literature (on the example of Russian literary tale)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2019, issue 2(75), pp. 438–441. (In Russ.)

Tikhomirova A. V. *Zhanrovye osobennosti filosofskoy skazki v russkoy literature vtoroy poloviny XX – nachala XXI v.* Diss. kand. filol. nauk [Genre features of the philosophical fairy tale In Russian literature of the second half of the 20th – early 21st century. Cand. philol. sci. diss.]. Yaroslavl, 2011. 181 p. (In Russ.)

Tynyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of Poetry Language]. Leningrad, Academia Publ., 1924. 140 p. (In Russ.)

Ulanov M. S. Buddiyskaya kul'tura i ekologicheskoe soznanie [Buddhist culture and environmental consciousness]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], 2017, issue 34 (2), pp. 157–162. (In Russ.)

Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Introduction into the General Theory of Translation (linguistic problems)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

Fenenko N. A. Lingvisticheskiy status termina realiya [Linguistic status of the term 'realia']. *Vestnik VGU, Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2007, issue 2, pt. 1, pp. 5–9. (In Russ.)

Tsyferov G. M. *Kak lyagushonok iskal papu: skazki i malen'kie skazochki, skazochnye istorii, rasskazy, povest'* [How a Little Frog Was Looking for His Father: long and short fairy tales, fantasy and true stories, a short novel]. Moscow, AST Publ., 2005. 366 p. (In Russ.)

Shveytser A. D. *Perevod i lingvistika. Gazetno-informatsionnyy i voenno-publitsisticheskiy perevod* [Translation and Linguistics: Translation of Information and Military Newspaper Articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 280 p. (In Russ.)

Yakovleva N. F. Kitayskaya zhivopis' 'Gokhua': vazhneyshie faktory razvitiya i klyuchevye svoystva [Important factors of developing and key features of Guohua (traditional Chinese painting)]. *Vestnik ZabGU* [Transbaikalian State University Journal], 2012, issue 9(88), pp. 9–12. (In Russ.)

Bom A., Schaffalitzky C. Is the Ugly Duckling a hero? Philosophical inquiry as an approach to Hans Christian Andersen's fairy tales in Danish primary school teaching. *Forum for World Literature Studies*, 2019, vol. 11, issue 2, pp. 226–241. (In Eng.)

Lewin D. Between horror and boredom: fairy tales and moral education. *Ethics and Education*, 2020, vol. 15(2), pp. 213–231. (In Eng.)

The Artistic World of a Philosophical Fairy Tale: Realia in the Works of G. M. Tsyferov and S. G. Kozlov

Veronika V. Domashneva

**Postgraduate Student at the Department of History
of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process**

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. dom.ver@mail.ru

SPIN-code: 4749-4502

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2237-0201>

ResearcherID: IQU-2539-2023

Submitted 15 Jun 2023

Revised 14 Oct 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Domashneva V. V. Khudozhestvennyy mir filosofskoy skazki: realii v tvorchestve G. M. Tsyferova i S. G. Kozlova [The Artistic World of a Philosophical Fairy Tale: Realia in the Works of G. M. Tsyferov and S. G. Kozlov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 106–115. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-106-115 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the study of the types and functions of realia presented in the philosophical fairy tales written by G. M. Tsyferov and S. G. Kozlov. Their works, focusing on moral issues, depict the world through contrasting the existential and the everyday, which necessitates the study of the authors' ways of representing the signs of their epoch. A motive analysis carried out in the paper takes into account the cultural and historical situation and shows that S. Kozlov's cycle of fairy tales represents the home space and the corresponding household realia, gaining a cosmic scale and thereby affirming the idea of the universe as a common home, while G. Tsyferov's works depict similar objects in connection with the problem of growing up and becoming a socially active person, prioritizing the study of modern city realia which convey the idea of striving for goodness and beauty as the basis of historical transformations. Both writers turn to the sphere of culture, but there is a distinction: G. Tsyferov appeals to the life experience of the addressee, encourages them to rethink familiar objects, building associative chains and actualizing the didactic function of humor, while S. Kozlov attracts the reader's attention to absolutely new information, noting the specifics of the realia of different cultures, thereby stimulating interest in a different type of worldview and explaining the possibility of contacting this worldview on the basis of common values. The paper concludes that the characteristics of realia introduced into the artistic world of a philosophical fairy tale change depending on the psychological and age characteristics of the addressee and the ideological and aesthetic views of the author, but in any case, the establishment of such a connection with reality makes it possible to reveal the ideological component of works devoted to existential problems.

Key words: G. M. Tsyferov; S. G. Kozlov; philosophical fairy tale; Russian literature for children; realia.

Фигура города в современной прозе («Одинокий город» О. Лэнг и «Теряя наши улицы» А. Спяццатова)

*Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Энвайронментализм и экокритицизм
в гуманитарных науках» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»)*

Алёна Алексеевна Еременко

аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики

Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6. alenamonet969@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3362-8692>

Статья поступила в редакцию 22.06.2023

Одобрена после рецензирования 11.09.2023

Принята к публикации 01.12.2023

Информация для цитирования

Еременко А. А. Фигура города в современной прозе («Одинокий город» О. Лэнг и «Теряя наши улицы» А. Спяццатова) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 116–124. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-116-124

Аннотация. В статье исследуются границы такого типа повествования, как урбанистическая нарративность. Исходя из этого подхода город не только выступает как объект наблюдения и описания, но и влияет на создание текстов, будучи как материалом для сюжета, так и структурной моделью повествования. Выражение «фигура города» складывается на разработанном концепте «языка» пространства (Анциферов, Топоров, Серто) и актуализирует риторичность использования этого языка нарратором для достижения того или иного состояния у читателей. Материалом выступают два текста современной прозы, балансирующие между фикшном и автофикшном. В книге «Одинокий город» Оливии Лэнг (2016) образ города выполняет функцию синекдохи, и выражение «одинокий город» прочитывается как невысказанное «одинокая я», «одинокое мы». В случае с романом Альберта Спяццатова (псевдоним Эльдара Саттарова) «Теряя наши улицы» (2010) город выступает как концептуальная метафора жизни героя и как речевая фигура для авторефлексии. Делается вывод о том, что мышление о городе является осмыслением не только конкретного городского пространства, но и современной жизни как таковой, и город, таким образом, может функционировать как онтологическая метафора и как метаязык современной жизни.

Ключевые слова: урбанистическая нарративность; город в литературе; Оливия Лэнг; «Одинокий город»; Альберт Спяццатов; Эльдар Саттаров; «Теряя наша улицы»; фигура города.

1. Урбанистическая нарративность: между «языком города» и «фигурой города»

Выражение «фигура города» в отечественном литературоведении, скорее всего, может быть соотнесено с общепринятым термином «образ города». Наиболее выраженный пример такого

понимания города обнаруживается в подходе к нему как к «тексту», разработанном В. Н. Топоровым в его знаменитой работе о петербургском тексте русской литературы: «Как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками,

людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [Топоров 2009: 658]. Такой взгляд на город берет начало в отечественном литературоведении с Н. П. Анциферова, написавшего большой труд об «урбанической литературе», в центре которого – фигура Ф. М. Достоевского и образ Петербурга в произведениях писателя [Анциферов 2014]. Помимо образа, город может выступать персонажем произведения: зачастую это выражается в названии (например, «Смерть в Венеции» Т. Манна, «Берлин, Александерплац» А. Дёблина, «Манхэттен» Д. Дос Пасоса, «Петербург» и «Москва» А. Белого или «Невский проспект» Н. В. Гоголя, эмблематичный топоним Петербурга, и т. д.) или передается другими способами (в подзаголовке к «Медному всаднику» А. С. Пушкина – «Петербургская поэма», в издательском названии серии книг Э. Ферранте – «Неаполитанский квартет» / “The Neapolitan Novels”, которое им дали издатели и исследователи). В иных случаях город является значимым «фоном» для разворачивания истории: текстовым показателем могут служить описания городских пространств, частое упоминание топонимов конкретного города или же тематизация самого слова «город» (например, в романе «Невидимые города» И. Кальвино, “The City” А. Барикко название акцентирует городские фрагменты, важные для произведения; в романе «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго глава «Париж с птичьего полета» является фактическим и смысловым центром произведения и содержит описание Парижа и его истории). Уместно упомянуть об особом типе сюжета о «городе N.» как провинциальном локусе, что маркирует специфику отечественного подхода к городу в литературе [Херльт 2015].

Если подход Анциферова и Топорова петербургоориентирован, то более универсальный подход к анализу городского текста представлен в работе «Изобретая повседневность» М. де Серто. В главе «По городу пешком» город рассматривается как дискурс: «Связь города и понятия никогда не делала их тождественными, но играла на их постепенно усиливающемся симбиозе: планировать город – это значит одновременно мыслить саму множественность реального и придавать эффективность этой идее множественности; это значит уметь и быть в состоянии артикулировать» [Серто 2013: 189]. Серто предлагает рассматривать город не как тотальность образа, а как сплетение городских практик, т. е. анализировать «микроскопические, уникальные и множественные практики, которые урбанисти-

ческая система должна была, в теории, контролировать или подавлять, но которые переживают ее упадок» [там же: 191]. К таким микроскопическим практикам Серто относит, например, пешую прогулку (что выведено в название главы его книги) и даже характеризует ее «риторику» – через синекдоху и асиндетон как «фигуры пешей риторики»: «Синекдоха расширяет пространственный элемент, чтобы заставить его играть роль чего-то “большого” (целостности) и занять его место (велосипед или мебель в витрине обозначают всю улицу или квартал). Асиндетон, за счет выпадения какого-то элемента, создает что-то “меньшее”, открывает пробелы в пространственном континууме и сохраняет только избранные фрагменты, по сути реликты. Синекдоха замещает целостности фрагментами (меньшее вместо большего); асиндетон разъединяет их, исключая элементы связи и последовательности (ничто вместо чего-то). Синекдоха уплотняет: она разворачивает деталь и “сжимает” целое. Асиндетон разрывает: он разрушает непрерывность и лишает правдоподобия» [там же: 199]. В конечном счете Серто приходит к тому, чтобы назвать город постоянно создающимся текстом в каждой отдельной прогулке, в которой «риторическое передвижение захватывает и смещает аналитические прямые и связанные значения урбанизма» [там же: 200]. В этом подходе обнаруживаются корни двух других концепций – социокультурной концепции В. Беньямина применительно к образу Шарля Бодлера как поэта большого города [Беньямин 2023] и ситуационистской (она же политико-акционистская) концепции психогеографии как эмоционального исследования и переоткрывания городского пространства Г.-Э. Дебора [Дебор 2017].

Оба исследователя, Топоров и Серто, сосредоточены на выявлении «языка» пространства, определяющего тот или иной текст, репрезентирующий это пространство. Выражение же «фигура города» апеллирует к нарративной риторики за счет языка пространства. Такая оптика мотивирована диегетической неоднозначностью современной прозы, в которой заметны тенденции к жанровой гомогенизации и стиранию границ между фикциональностью и нон-фикциональностью. Книгу Оливии Лэнг “The Lonely City: Adventures in the Art of Being Alone” / «Одинокий город: упражнения в искусстве одиночества» (2016, пер. на рус. 2021), состоящую из очерков о жизни нью-йоркских деятелей искусства XX в., относят как к критическим эссе об искусстве [Warde-Aldam 2016], так и к личным мемуарам [Sittikul 2021] за счет ярко выраженного голоса и истории повествовательницы – самой Лэнг. Книга Альберта Спьяццатова

(творческий псевдоним Эльдара Саттарова) «Теряя наши улицы» (2010) носит жанровое определение романа, но, как будет показано далее, содержит черты публицистики и автобиографии [Соколов 2021]. Оба текста уже на уровне паратекста (титального названия и названий глав), а также по содержанию/сюжету рефлексировать и репрезентировать городские пространства. Такое сочетание города и повествования может быть названо урбанистической нарративностью – типом повествования, в котором город выступает не только как элемент сюжета, но и как композиционная модель текста.

2. «Одиноким город» Оливии Лэнг: город как трансгрессивная метафора

Жанровая специфика книги Лэнг не является центральным вопросом данной работы, тем не менее обуславливает метод анализа этого проблематичного с точки зрения жанровой и фикциональной дефиниций текста, а именно: наличие ярко выраженного «я»-голоса в тексте позволяет говорить о нем как о нарративе, а тема города в нем – как о проявлении урбанистической нарративности. Поэтому обратим пристальное внимание на части книги, составляющие корпус воспоминаний автора о периоде жизни в «одиноким городе» – Нью-Йорке. Они расположены в нехронологическом порядке, так что предысторию того, почему героиня-нарратор оказалась в состоянии одиночества в Нью-Йорке, находим лишь во второй главе¹:

I was in the city because I'd fallen in love, headlong and too precipitously, and had tumbled and found myself unexpectedly unhinged. During the false spring of desire, the man and I had cooked up a hare-brained plan in which I would leave England and join him permanently in New York. When he changed his mind, very suddenly, expressing increasingly grave reservations into a series of hotel phones, I found myself adrift, stunned by the swift arrival and even swifter departure of everything I thought I lacked. (18)

Я оказалась в этом городе, потому что влюбилась, безоглядно и слишком поспешно, у меня все пошло кувырком, и я неожиданно обнаружилась, что совершенно слетела с катушек. Пока длилась ложная весна страсти мы с моим мужчиной состряпали полумудрый план, согласно которому я покину Англию и навсегда воссоединюсь с ним в Нью-Йорке. Когда он передумал – совершенно внезапно, выражая посредством череды телефонных звонков все более серьезные сомнения, – я оказалась неприкаянной, меня ошарашило стремительным возникновением и еще более стремительным концом всего, чего, казалось, мне не хватало. (19)

Приведенный фрагмент примечателен тем, что в нем Лэнг (в силу специфики текста усло-

вимся так именовать героиню-нарратора) одновременно и раскрывает, и замалчивает причину переезда. «Я оказалась в этом городе, потому что влюбилась» (*I was in the city because I'd fallen in love*) не соответствует дальнейшему факту разрыва отношений и прекращения влюбленности, потому что логичным решением был бы отказ от переезда к бывшему возлюбленному. Тем не менее новый абзац начинается с описания Нью-Йорка, т. е. после переезда:

In the absence of love, I found myself clinging hopelessly to the city itself: the repeating tapestry of psychics and bodegas, the bump and grind of traffic, the live lobsters on the corner of Ninth Avenue, the steam drifting up from beneath the streets. I didn't want to lose the flat I'd rented in England for almost a decade, but I also had no ties, no work or family commitments to tether me in place. I found a lodger and scrimped the money for a plane ticket, not knowing then that I was entering a maze, a walled city within the island of Manhattan itself. (18)

В отсутствии любви я безнадежно цеплялась за сам город – за повторяющийся гобелен гадалок и бакалей, толчеи автомобилей, живых омаров на углу Девятой авеню, пара, сочившегося из-под улиц. Не хотелось терять квартиру, которую снимала в Англии почти десять лет, но у меня там не было ни привязок, ни работы или семейных обязательств, что меня бы удерживали. Я нашла съемщика и наскребла денег на авиабилет, не зная тогда, что вхожу в лабиринт, в крепость внутри самого Манхэттена. (19)

Фраза «в отсутствии любви я безнадежно цеплялась за сам город» (*In the absence of love, I found myself clinging hopelessly to the city itself*) выражает имплицитно мотивировку этого решения – желание сохранить чувство. Образ возлюбленного и пространство «его» города слились в восприятии Лэнг, и если с первым – мужчиной – связь была невозможна, то со вторым – городом – связь можно было установить, а через нее – косвенно – и с первым. По мере того как Лэнг осваивалась в новом для нее пространстве физически, оно расширялось и виртуально за счет изучения биографий людей, живших в этом городе и осмысливавших его через свое творчество и свою жизнь.

Примечательно, что само описание того, как Лэнг начала свое исследование, в повествовании отсутствует, поэтому можно говорить о том, что послужило «пусковым механизмом» к изучению биографий нью-йоркских артистов. Этим «механизмом» стало отождествление себя с героями полотен художника Эдварда Хоппера:

Mostly I was walled up inside myself, and certainly a very long way from anyone else. I didn't

cry often, but once I couldn't get the blinds closed and then I did. It seemed too awful, I suppose, the idea that anyone could peer over and get a glimpse of me, eating cereal standing up or combing over emails, my face illuminated by the laptop's glare.

I knew what I looked like. I looked like a woman in a Hopper painting. (20)

В основном я сидела за стенами внутри себя самой и уж точно далеко-далеко от всех. Плакала я нечасто, но как-то раз у меня не получилось опустить жалюзи – и я расплакалась. Показалось чересчур ужасным, видимо, что кто угодно может заглянуть ко мне и меня приметить – как я ем хлопья стоя или перебираю электронные письма, лицо озаряет яростный свет ноутбука.

Я понимала, как выгляжу. Я выглядела, как женщина с картины Хоппера. (22)

Объективация себя через сравнение с героями полотен маркирует переход от автобиографии к биографиям. Нарратологически же субъект повествования не меняется: «я»-повествование о себе сместилось на «я»-повествование о других. Но цель пристального взгляда в истории жизни других – понять чувство одиночества у самой себя. Это выводимо выбором цитаты из интервью Хоппера в конце главы, посвященной ему:

I don't think I ever tried to paint the American scene. I'm trying to paint myself. (31)

Вряд ли я когда-нибудь пытался изображать американскую жизнь. Я пытаюсь изобразить себя. (41)

Слова «изобразить себя» (*to paint myself*) выделены курсивом самой Лэнг и выступают как метанаррация – прямое «я»-высказывание эксплицируется в цитировании чужого прямого «я»-высказывания.

Далее повествование сохраняет структуру чередования автобиографии и биографий, с фрагментами из научных исследований, цель которых – ввести новые компоненты в первичную диаду «город – одиночество», а именно: гей-сообщество, СПИД, Интернет. Собственно *город* выходит из зоны внимания автора, смещаясь практиками искусства: живописью (Эдвард Хоппер), фотографией (Питер Худжар), перформансом (Дэвид Войнарович), письмом (Генри Дарджел), фильмами (Энди Уорхол), музыкой (Клаус Ном), телешоу (Джош Хэррис), инсталляцией (Зои Леонард). Выбранные персоналии объединяются общим для них пространством – Нью-Йорком, в котором они жили и творили, а также, в большей или меньшей степени, художественной рефлексией одиночества, вызванного, по мнению автора, жизнью в крупном городе, в подконтрольной «толпе».

Завершается книга, как ни парадоксально, все не разговором об искусстве, как было заявлено в ее начале (*I wanted <...> to attempt to chart the*

complex relationship between loneliness and art (14), «Я хотела <...> попытаться отобразить сложные взаимоотношения между одиночеством и искусством» [14]), и не разговором о городе (название «The Lonely City» / «Одинокий город»), а возвращением к исходному состоянию и переходу в новое:

When I came to New York I was in pieces, and though it sounds perverse, the way I recovered a sense of wholeness was not by meeting someone or by falling in love, but rather by handling the things that other people had made, slowly absorbing by way of this contact the fact that loneliness, longing, does not mean one has failed, but simply that one is alive. (202)

В Нью-Йорк я приехала разбитая вдребезги, и, хотя это кажется извращенным, восстановила я свою целостность, не встретив кого-то и не влюбившись. А взявшись с вещами, сотворенными другими людьми, медленно впитывая через это соприкосновение, что одиночество, томление не означают, что у человека ничего не получилось, – они означают, что он жив. (322)

Последняя фраза в приведенном фрагменте лишь синтаксически обезличена, по сути, это все то же имплицитное «я»-повествование. Лэнг, подобно картинам Хоппера, в своей книге описывает себя через изображение города, который, в свою очередь, эксплицируется через плеяду конкретных персоналий – жителей города. Таким образом, можно утверждать, что город выступает в книге не как конкретное место и не как объект исследования, а как фигура повествования – синекдоха – описание части («одинокая я») через общее («одинокие все» – «одинокий город»). Завершается текст довольно публицистично – через апелляцию к аудитории, нарративно маркированную сменой «я»-повествования на «мы»-повествование:

I don't believe the cure for loneliness is meeting someone, not necessarily. <...> Loneliness is collective; it is a city. As to how to inhabit it, there are no rules and nor is there any need to feel shame, only to remember that the pursuit of individual happiness does not trump or excuse our obligations to each another. We are in this together, this accumulation of scars, this world of objects, this physical and temporary heaven that so often takes on the countenance of hell. What matters is kindness; what matters is solidarity. What matters is staying alert, staying open, because if we know anything from what has gone before us, it is that the time for feeling will not last. (202)

Я не верю, что единственное средство от одиночества – встретить кого-нибудь. <...> Одиночество коллективно – оно и есть город. Правил, как в нем обитать, нет, как нет и нужды стыдиться, но стоит помнить, что

поиск личного счастья не отменяет наших обязанностей друг перед другом, не превосходит их. Мы в этом вместе – в накоплении иррационального, в этом мире предметов, в этом физическом временном раю, какой часто похож на ад. Важна доброта, важна общность. Важно оставаться чутким, открытым, потому что из миновавшего нам известно по крайней мере одно: время чувств – недолго. (323)

Урбанистическая нарративность в книге Лэнг «Одиноким город» воплощается не собственно нарративно, но фигурально – через терапевтическое употребление образа города как целого, объединяющего одиноких людей – «синекдох» Нью-Йорка (цитируя название фильма Чарли Кауфмана “Synecdoche, New York” (2008) – в российском прокате название изменено на «Нью-Йорк, Нью-Йорк»).

3. «Теряя наши улицы»

Альберта Спяццатова:

урбанистический автоматаязык

В романе «Теряя наши улицы» Эльдара Саттарова (2010), изданном под псевдонимом Альберта Спяццатова, городской язык конструирует рефлексию героя, выступая метафорой его взросления. Но если у Лэнг город является, скорее, художественным образом, то у Саттарова можно говорить о более глубинном уровне пересечения сознания индивида и пространства, а именно рассматривать город как когнитивную метафору согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Пространственные метафоры коренятся в нашем физическом и культурном опыте, а не устанавливаются произвольным образом. Метафора может служить средством понимания концепта только благодаря своей эмпирической природе» [Лакофф, Джонсон 2004: 42]. Мы не будем детально рассматривать типологию когнитивных метафор процитированных ранее исследователей. Важное для нас в этой работе – установить метафорическое понимание как личного опыта существования, так и постижения пространства. Поэтому подход урбанистической нарративности может быть обоснован структурной лингвистикой, а именно рассматриванием города как когнитивной метафоры. Правда, отметим сразу, он является в романе Саттарова и фигурой повествования – общим местом трансформации жизни.

В отличие от гибридной книги Лэнг, «Теряя наши улицы» не вызывает сомнений относительно жанра. Более того, написанный в 2010 г., роман Саттарова заимствует черты романа воспитания и романа становления, поскольку главный герой Альберт проходит путь от школьника старших классов до взрослого человека, испы-

тавшего различные зависимости, сменившего многие места жизни и нашедшего себя в ней, о чем он сообщает в эпилоге романа: «Самое главное – это то, что я нашел-таки себе улицу по душе»² (227). Поиск «своей улицы» выступает лейтмотивом произведения, который следует понимать сразу в прямом и переносном смыслах. Поясним это утверждение.

Слово «улица» отсылает к городскому пространству, и начало романа – сильная позиция текста – содержит образ города Алматы. Это неслучайно, поскольку герой романа Альберт, от лица которого ведется повествование, родом отсюда. Вот как начинается повествование:

Все дело в том, что ветер в Алма-Ате всегда был явлением достаточно редким и потому необычным, ведь наш город окружен высокими горами и к ветреной погоде мы привычны не особо. (6)

Употребление местоимения «мы» знаменательно, поскольку маркирует автореференцию героя с городом, в отличие от истории Оливии Лэнг, оказавшейся в чужом для нее городе и только к концу книги сумевшей создать связь с пространством Нью-Йорка через «мы»-повествование. Следующие два абзаца представляют собой, на первый взгляд, экспозицию для дальнейшего повествования, но завершающее предложение этого фрагмента текста закольцовывается с первым предложением, давая понять важность для нарратора выбранного в качестве начала события:

Этот порыв нежного, но в то же время довольно сильного весеннего ветра, напоенного необыкновенной свежестью, энергией и запахами тысяч дорог, навсегда запомнился мне, так, словно бы именно с него началось мое взросление. (там же)

Возникающий здесь образ «тысячи дорог» выступает как проlepsis следующих далее событий – первой поездки Альберта с одноклассниками в Москву, Ленинград и Вильнюс, которую они совершили втайне от родителей и которая завершилась с участием милиции, и большого странствия героя через Западную Европу, Азию и Северную Америку. Этот образ воплощается в реальность к концу романа – после нескольких лет смены мест, работы, зависимостей и лечения от них герой оказывается в «Матери всех городов», и хотя название «Рим» не фигурирует в повествовании, очевидно описание именно этого города в завершающей фразе романа, обыгрывающей известную латинскую фразу: «Все дороги вели меня в Вечный город» (224).

Так, образ дороги рефлексирован сразу на двух уровнях: на уровне повествуемого собы-

тия – въезда в Рим как окончания путешествий героя, и на уровне события повествования – завершения экзистенциальных блужданий героя в городе, куда ведут «все дороги». Иными словами, образ дороги выступает как действие-локация сюжета и как дискурсивная метафора. Тем не менее название романа и завершающая фраза эпилога содержат не слово «дорога», а слово «улица», и теперь представляется возможным объяснить выдвинутый ранее тезис о двойном употреблении этого образа. В контексте романа происходит экстраполяция образа дороги со всем шлейфом значений (корневым из которых является значение пути экзистенциального) на образ улицы. С точки зрения процесса урбанизации улица генетически является развитием дороги в городском пространстве (хотя раскопки древнейших городов показывают вариант организации города без улиц – так, в Чатал-Хююке, существование которого датируется более чем 7000 г. до н. э., не было улиц, дома были соединены едиными стенами, а жители города перемещались по плоским крышам домов, попадая внутрь помещений через лестницы [Watkins 2005]). Этимологически между словами также есть связь: так, латинское слово *strata* в романских языках преимущественно стало обозначать «дорогу» (ср. итал. *strada*; порт. *estrada*), в германских – «улицу» (ср. англ. *street*; нидерл. *straat*; нем. *straße*). Характерно, что в русском языке выражение «выйти на улицу» означает не оказаться на конкретной улице, а выйти за пределы помещения наружу, так что к слову «улица» может быть добавлено значение городского пространства снаружи (это замечание актуально для русскоязычного романа – в случае других национальных литератур о таком явлении говорить следует специально; так, в польском языке схожее значение выхода наружу несет обратная русской фраза *wyjść na dwór* – буквально «выйти на двор»). В романе образ улицы расширяется, охватывая и город, и дорогу. Герой продельывает большой путь, проходить много дорог и, оказываясь в новом городе, сравнивает его с родным Алматы – городом, где происходило его взросление и начинался жизненный путь. Далее следует указать еще на два жанра, вплетенных в повествование, – панегирик и травелог. Их обнаружение сделает понятным своеобразие урбанистической нарративности в романе.

Начнем с травелога, более очевидного жанра в контексте дороги, улицы и городов. Можно выделить два подхода к определению этого жанра. Широкий подход предлагает понимать под травелогом любой литературный текст, в котором описывается путешествие. Узкий подход рассматривает травелог как текст, в котором

маршрут совершенной поездки определяет и сюжет, и композицию произведения, становясь как бы метатекстом передвижения [Пономарев 2020]. Фикциональная природа романа «Теряя наши улицы» допускает оба использования термина для анализа произведения. География романа обширна и может быть поделена на следующие направления: постсоветское пространство (Москва, Санкт-Петербург, Вильнюс), азиатское пространство (остров Циньгун), европейское пространство (Лондон, Париж, Сан-Галлиано, Рим), трансатлантическое пространство (Сен-Дени-сюр-Ришелье, Детройт (изображается как Мотор-сити в романе), Рио-де-Жанейро). Но, с другой стороны, структура повествования травелога служит цели романа взросления – направлять рефлексию героя через сравнение различных мест, что в итоге должно привести его к самоактуализации себя через осознание «своего места», своего «дома», о чем в диалоге на французском сообщает Альберт своему другу детства:

– Нет здесь мне места, Федян, брат, – это все равно чужая страна... Не нашел я тут своей улицы <...> если и есть где-то мое место в этой жизни, то явно, явно не здесь... Где, ты меня спросишь? Вот это вопрос... Но в любом случае, по крайней мере, и у тебя, и у меня есть город, где мы родились и выросли, братан... Это и есть наш настоящий дом... Так что пора возвращаться домой. (173)

На возвращении в Алматы роман не заканчивается, поскольку ожидания Альберта не совпали с реальностью – города его детства и юности, города его улиц больше нет, он сохранился лишь в воспоминаниях: «Я не узнал свой город, я его просто не нашел. Стены, здания, улицы, вроде бы, остались те же, а вот города, в котором я родился и вырос, как не бывало!» [176]. После этой фразы, с которой начинается последняя, восьмая глава «Возрождение», следует длинный фрагмент текста, по стилю и содержанию выходящий за рамки фикционального повествования в область публицистики. Проиллюстрируем это утверждение несколькими примерами, в которых риторический пафос сочетается с центральной для нас городской локализацией и идентичностью. Во-первых, употребление «мы»-повествования и генерализация личного опыта с опытом поколенческой социальной группы в советской Алматы:

Парадоксальным образом, мы, первые панки, а до этого футбольная толпа Федяна были среди первых, кто взбунтовался против серости, узколобости, ограниченности и бессмысленной жестокости той жизни, очерченной пределами блатных районов советского времени. Именно мы, те, кто сознательно ушел из

банд, как я, или был неформалом по зову души, как Федян с самого начала, мы сами сдетонировали все эти перемены в уличных нравах и на нас же пришелся первый удар, который мы вынесли на собственной шкуре. (177)

Во-вторых, ушедшие времена и ушедших людей повествователь идеализирует, тем самым приближаясь к античному жанру панегирика в его истоке – речи усопшим. В данном случае обращение к этим «усопшим» служит для выстраивания идентичности нарратора, укорененной в городе:

Ушли яркие, пассионарные личности, храбрые сердцем, а наружу повылезали сплошь и рядом какие-то мелочные, закомплексованные, обиженные на жизнь люди. В первую очередь казалось, что у людей, вместе с необходимостью ежедневно стоять за себя и за своих, отвечать за свои слова и поддерживать свою репутацию, исчезло чувство гордости за самих себя, самоуважения, а за ним, у них пропало и вообще хоть какое-либо подобие взаимного уважения. Когда не уважаешь себя, разве ты будешь уважать других? (там же)

(К слову, риторический вопрос как еще один прием публицистического высказывания в цитируемом фрагменте.)

В-третьих, нарратор критикует новую власть, сложившуюся в ходе капитализации и коммодификации жизни (отметим, что Саттаров переводил политические статьи Ги Дебора и написал документальный роман «Нить времен» (2021), рефлексировавший события 1968 г. в Западной Европе). Показательно, что объект критики имеет уровни, одним из которых является «уличный» уровень города:

Я понял, что культура потребления, складывающаяся в результате развития рыночной экономики, не только разъедает и атомизирует общество, но и опошляет человеческую душу. <...> На уличном же уровне, за отсутствием какой-либо достойной альтернативы, вся власть теперь была монополизирована и жестко сконцентрирована в руках сил правопорядка. Выглядело так, словно повывелись все свободные уличные стаи, и на их месте остались лишь свирепые волкодавы, да стадо бессловесных баранов. (178)

Вводная фраза «на уличном уровне» является, по сути, формулой для анализа героем любой ситуации, своеобразным урбанистическим мета-языком. Так, оказавшись в итальянском монастыре Анджело-даль-Чьело после разочарования от возвращения в Алматы, Альберт для объяснения самому себе внутреннего порядка монастыря сравнивает его прошлое – а именно средневекового замка – с делением города на уличные банды: «Это были как два района, участники кото-

рого ежедневно стремились завалить друг друга» (198). А в разговоре о социальных результатах движения панка Альберт конкретизирует свой тезис введением той же урбанистической формулы: «Да и панк мы, наверное, переоценили. Не так уж он много изменил в этом мире, даже на уличном уровне...» (202).

Как и в случае с Лэнг, у Спяцатова/Саттарова апелляция к улицам является синекдохой города, но имеет другую цель – эпистемологическую: уличная среда сформировала героя, а значит, и его язык. Слияние романа воспитания/становления как художественного жанра с травелогом и панегириком (и частично автобиографией/автофикшном) как публицистическими жанрами создает своеобразное повествование, в котором улицы и город обладают не только поэтической образностью (эстетичностью), но и риторической силой, апеллирующей к опыту пространственного бытия-в-городе читателей (можно сделать предположение о роли города в архитектонике текста) [Бахтин 1975]. Истоки описания такого бытия прослеживаются в первых письменных фиксациях нового современного города конца XVIII в. – городских очерках, сочетающих публицистическое исследование с художественной описательностью [Еременко 2023]. В такой перспективе обнаружение риторической функции у фигуры города в современной литературе, как фикшна, так и авто/нон-фикшна, высвечивает потенциал города как языка и как метаязыка современной жизни.

Примечания

¹ Здесь и далее цитаты приведены по изданиям [Laing 2016; Лэнг 2021] с указанием номера страниц в круглых скобках.

² Здесь и далее цитаты приведены по изданию [Спяцатов 2010] с указанием номера страниц в круглых скобках.

Список литературы

Анциферов Н. П. Радость жизни былой... Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / сост., вступ. ст. Д. С. Москвская. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. 656 с.

Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1975. С. 6–71.

Беньямин В. Бодлер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 240 с.

Дебор Г.-Э. Психогеография. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 112 с.

Еременко А. А. Городской очерк как текст урбанистической нарративности // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 368–383. doi 10.25205/2307-1753-2023-1-368-383

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лэнг О. Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества / пер. с англ. Шаши Мартыновой. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 352 с.

Пономарев Е. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода // Новое литературное обозрение. 2020. № 166 (6). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (дата обращения: 01.02.2023).

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Соколов А. А. Вьетнамские отцы, советские сыновья: контекст межнациональной семьи // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021. № 1 (50). С. 243–261.

Спьяццатов А. Теряя наши улицы. Алматы: ТОО «DPS», 2010. 228 с.

Топоров В. Н. Петербургский текст / Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2009. 820 с.

Херлт Й. «Этот город странен, этот город непросто...»: о литературной истории «города N» // Русская литература и журналистика в движении времени. 2015. № 1. С. 5–28.

Laing O. The Lonely City: Adventures in the Art of Being Alone. Edinburgh: Canongate Books, 2016. 336 p.

Sittikul P. Reimagining Loneliness: Stigmatisation of Marginalised Artists in Patriarchal Society through Memoir of Olivia Laing's Lonely City // วารสารมนุษยศาสตร์และสังคมศาสตร์ มหาวิทยาลัยอุบลราชธานี, 2021. № 12(2). P. 1–27. URL: https://so02.tci-thaijo.org/index.php/human_ubu/article/view/247423/170884 (дата обращения: 08.02.2023).

Warde-Aldam D. Going It Alone in The Modern City // Apollo, 2016. URL: <https://www.apollo-magazine.com/going-alone-modern-city/> (дата обращения: 08.02.2023).

Watkins T. From Foragers to Complex Societies in Southwest Asia // The Human Past: World Prehistory & the Development of Human Societies. London: Thames & Hudson. 2005. P. 201–234.

References

Antsiferov N. P. *Radost' zhizni byloy... Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dos-*

toevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsiy [The Joy of Old Life... Urbanism Issues in Russian Fiction. An Experience of Constructing the Image of the City – Dostoevsky's St. Petersburg – on the Basis of an Analysis of Literary Traditions]. Novosibirsk, Svin'in i Synov'ya Publ., 2014. 656 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [The problem of content, material, and form in verbal art]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1975, pp. 6–71. (In Russ.)

Benjamin W. Bodler [Baudelaire], Moscow, Ad Marginem Press, 2023. 240 p. (In Russ.)

Debord G.-E. *Psikhogeografiya* [Psychogeography], Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 112 p. (In Russ.)

Eremenko A. A. Gorodskoy ocherk kak tekst urbanisticheskoy narrativnosti [Urban literary sketch as a text of urban narrativity]. *Kritika i semiotika* [Critique & Semiotics], 2023, issue 1, pp. 368–383. doi 10.25205/2307-1753-2023-1-368-383. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Transl. from English, ed. and pref. by A. N. Baranov. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)

Laing O. *Odinokiy gorod. Uprazhneniya v iskusstve odinochestva* [The Lonely City: Adventures in the Art of Being Alone]. Moscow, Ad Marginem Press: Museum of Contemporary Art 'Garage' Publ., 2021. 352 p. (In Russ.)

Ponomarev E. Travelog vs. putevoy ocherk: postkolonializm rossiyskogo izvoda [Travelogue vs. Travel Article: the Russian Version of Postcolonialism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2020, issue 166(6). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/ (accessed 1 Feb 2023). (In Russ.)

Certeau M. de *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat'* [The Practice of Everyday Life. 1. The Art of Doing]. Transl. from French by D. Kalugin, N. Movnina. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2023. 330 p. (In Russ.)

Sokolov A. A. V'etnamskie ottsy, sovetskie synov'ya: kontekst mezhnatsional'noy sem'i [Vietnamese fathers, Soviet sons: the context of an inter-ethnic family]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [South East Asia: Actual Problems of Development], 2021, issue 1(50), pp. 243–261. (In Russ.)

Spiazzatov A. *Teryaya nashi ulitsy* [Losing Our Streets], Almaty, LLP 'DPS' Publ., 2010. 228 p. (In Russ.)

Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst* [Petersburg Text]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 820 p. (In Russ.)

Herlt J. 'Etot gorod stranen, etot gorod neprost...': o literaturnoy istorii 'goroda N' ['This town is strange, this city is not simple...': about the literary history of 'town N']. *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni* [Russian Literature and Journalism in the Movement of Time], 2015, issue 1, pp. 5–28. (In Russ.).

Laing O. *The Lonely City: Adventures in the Art of Being Alone*, Edinburgh Canongate Books, 2016. 336 p. (In Eng.)

Sittikul P. Reimagining loneliness: Stigmatisation of marginalised artists in patriarchal society through reading Olivia Laing's *Lonely City*. วารสารมนุษยศาสตร์และสังคมศาสตร์ มหาวิทยาลัยอุบลราชธานี

[Journal of Humanities and Social Sciences, Ubon Ratchathani University], 2021, issue 12(2). Available at: https://so02.tci-thaijo.org/index.php/human_ubu/article/view/247423/170884 (accessed 8 Feb 2023). (In Eng.)

Warde-Aldam D. Going it alone in the modern city. *Apollo*, 2016. Available at: <https://www.apollo-magazine.com/going-alone-modern-city/> (accessed 8 Feb 2023). (In Eng.)

Watkins T. From foragers to complex societies in Southwest Asia. *The Human Past: World Prehistory & the Development of Human Societies*, London, 2005, pp. 201–234. (In Eng.)

The Figure of City in Contemporary Prose (Olivia Laing's 'The Lonely City' and Albert Spiazatov's 'Losing Our Streets')

The research work was done as part of the RSUH's project 'Environmentalism and ecocriticism in the humanities' (RSUH Student Project Research Teams competition)

Alena A. Eremenko

**Postgraduate Student at the Department of Theoretical and Historical Poetics
Russian State University for the Humanities**

6, Miusskaya ploshchad, Moscow, 125047, Russian Federation. alenamonet969@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3362-8692>

Submitted 22 Jun 2023

Revised 11 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Eremenko A. A. Figura goroda v sovremennoy proze («Odinokiy gorod» O. Leng i «Teryaya nashi ulitsy» A. Sp'yatstova [The Figure of City in Contemporary Prose (Olivia Laing's 'The Lonely City' and Albert Spiazatov's 'Losing Our Streets')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 116–124. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-116-124 (In Russ.)

Abstract. The article explores the boundaries of such a type of narrative as urban narrativity. Based on this approach, not only is a city an object of observation and description, but it also influences the creation of texts, being both the material for the plot and the narrative structure. The expression 'figure of city' is formed based on the well-developed concept of the 'language' of space (Antsiferov, Toporov, Certeau) and actualizes the rhetorical use of this language by the narrator to communicate with the readers. In this research paper, two contemporary prose works balancing between fiction and autofiction are in the focus of this 'figure of city' approach. In the case of Olivia Laing's *The Lonely City* (2016), the image of the city performs the function of a synecdoche, and the expression 'lonely city' is read as an unspoken 'lonely me', 'lonely us'. In the case of the novel by Albert Spiazatov (pseudonym of Eldar Sattarov) *Losing Our Streets* (2010), the city acts as a conceptual metaphor of the hero's life and as a language for his self-reflection. The two examples demonstrate that thinking about a city is an understanding not only of a specific urban space but also of modern life itself. The figure of city can act both as an ontological metaphor and as a metalanguage of modern life.

Key words: urban narrativity; city in literature; Olivia Laing; *The Lonely City*; Albert Spiazatov; Eldar Sattarov; *Losing Our Streets*; figure of city.

УДК 82.0:316.77

doi 10.17072/2073-6681-2024-1-125-136

EDN MMJBFI

Роль литературного текста в трансмедийном повествовании: роман «Небесный Стокгольм» в системе авторских проектов О. Нестерова

Филипп Андреевич Катаев**к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. kataev.fil@gmail.com

SPIN-код: 4269-0284

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1839-2407>

ResearcherID: IUQ-6643-2023

Елена Анатольевна Старикова**магистрант кафедры журналистики и массовых коммуникаций****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. lena.starikova.99@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4344-9414>

ResearcherID: IUO-7090-2023

*Статья поступила в редакцию 31.07.23**Одобрена после рецензирования 01.09.23**Принята к публикации 01.12.2023***Информация для цитирования**

Катаев Ф. А., Старикова Е. А. Роль литературного текста в трансмедийном повествовании: роман «Небесный Стокгольм» в системе авторских проектов О. Нестерова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 125–136. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-125-136

Аннотация. Во втором десятилетии XXI в. механика трансмедийного повествования стала привычной нарративной практикой. Ее существование обусловлено особенностями полимедийной среды и закономерностями процессов конвергенции. Статья посвящена комплексному разбору двух трансмедийных проектов: «Небесный Стокгольм» и «Из жизни планет» за авторством и продюсированием Олега Нестерова. Проекты посвящены советской эпохе оттепели, в обоих мы фиксируем рефлекссию над проблемой нереализованного будущего. Суммарно в проектах задействовано семь медиаканалов. Проекты позиционируются автором как самостоятельные и не связанные, однако наш анализ показал, что они связаны между собой общностью идеи и, что более важно, пронизаны обоюдными аллюзиями. В обоих проектах прослеживается единая этика, они разворачиваются в одном временном периоде, их нарративы также связаны и дополняют друг друга. На примере проекта «Небесный Стокгольм» детально показано, как различные медиа участвуют в формировании единого и программируемого переживания трансмедийной истории. Каждый из задействованных медиаканалов, обладая высокой степенью самостоятельности, дополняет и расширяет общее пространство смыслов. Особое внимание в статье уделено роли литературного текста. Роман «Небесный Стокгольм» не только является структурообразующим медиа для одноименного проекта, но и содержит в себе аллюзии на другой проект – «Из жизни планет». Все это позволяет воспринимать два, на первый взгляд разных, проекта как единое трансмедийное повествование, на создание которого у автора

ушло более десяти лет. Итогом анализа является построение схематической архитектуры проекта, с указанием логики движения по различным медиаплощадкам.

Ключевые слова: трансмедийное повествование; трансмедийный проект; конвергенция; синтез искусств; Олег Нестеров; «Небесный Стокгольм».

Настоящее исследование выросло из одного афористичного тезиса, сформулированного Генри Дженкинсом в книге «Конвергентная культура»: «В идеальной форме трансмедийного сторителлинга каждый тип медиа реализует то, для чего он лучше всего приспособлен» [Дженкинс 2019: 153].

В исследованиях, касающихся современного литературного процесса, нередко возникает проблема серой зоны, когда представленный тем или иным автором творческий продукт нельзя описать с использованием классического инструментария, доступного исследователю-филологу. Роман, написанный по мотивам сетевого блога, книга, тематически или идейно объединенная с музыкальным альбомом, компьютерная игра, являющаяся продолжением художественного текста и т. п. – где в этих случаях кончается компетенция литературоведа? На схожую проблему в свое время указывал Ю. М. Лотман: «...как только мы удаляемся за пределы привычных нам представлений и той культуры, в недрах которой мы воспитаны, количество спорных случаев начинает угрожающе возрастать. Не только при изучении средневековой (например, древнерусской) литературы, но и в значительно более близкие эпохи провести черту, обозначающую рубеж юрисдикции литературоведа и начало полномочий историка, культуролога, юриста и т. п., оказывается делом совсем не столь уж простым» [Лотман 1992: 203]. В связи с этим Лотман ставит вопрос о разграничении художественных и нехудожественных текстов. Сегодня же проблему можно сформулировать иначе: часто литературный текст теряет свою самодостаточность, становясь частью большой мультимедийной гиперструктуры. В этом случае без понимания общей конструкции таких медиапроектов, без учета всех смысловых гиперссылок, ведущих за границы художественного текста, установить смысловую значимость художественного произведения представляется затруднительной задачей.

В рамках настоящего исследования мы сконцентрируемся на двух больших проектах, затронувших в процессе своей реализации широкий спектр медиаканалов и платформ. Это проекты Олега Нестерова «Небесный Стокгольм» и «Из жизни планет». Первый включает в себя роман «Небесный Стокгольм» (2016). Текст романа крепко вписан в структуру других сопричастных ему медиаканалов (мультимедийные лонгриды, музыкальные альбомы, информационные сайты

и т. д.), вкуче с которыми он образует общее пространство смыслов. Отметим, что высказывание в границах того или иного медиума самодостаточно и дарит реципиенту полноценный опыт переживания. В то же время текст содержит в себе отсылки на другие нарративы, рассказываемые посредством иных медиа. Это сочетание дифференцированности и синкретичности, безусловно, является маркером такого явления, как трансмедийное повествование.

Трансмедийное повествование сегодня рассматривается как уже вполне сложившееся явление (см., например: [Абашев, Абашева 2018: 19–37; Соболевская 2017]). Согласно Дженкинсу, в идеальной форме трансмедийного повествования каждый медиум выступает этапом в освоении большой вымышленной вселенной – история может быть представлена в фильме, расширена на телевидении, в романах и комиксах, а ее мир может быть исследован и прочувствован в игре [Jenkins 2003]. Трансмедийное повествование является не только специфическим способом медиапроизводства, но и самостоятельным культурным процессом. Трансмедийное повествование – феномен, возникший в связи с появлением новых технологических решений в области производства и распространения контента.

Сегодня высказывается мнение, что эпоха трансмедиа проходит, «...и ведущие исследователи трансмедиа уже начинают признавать, что и понятие *transmedia storytelling*, которое казалось таким инновационным еще десять лет назад, сегодня, по-видимому, перестает выполнять свои функции» [Лапина-Кратасюк 2020: 307]. Как представляется, эффект новизны в отношении данного феномена прошел. Тем важнее зафиксировать уже сложившиеся в этом направлении практики и способы реализации нарративных стратегий в полимедийной среде.

Особенностью российских трансмедийных проектов является их близость телевидению [Соболевская 2017] и литературе [Абашев, Абашева 2018: 35]. Действительно, наиболее крупные и долгоиграющие трансмедийные проекты в России реализованы вокруг литературных текстов. Примеров, построенных на литературной основе, много: вселенные «Ночного Дозора» С. Лукьяненко и «Метро» Д. Глуховского, проект «S.T.A.L.K.E.R.», серия проектов А. Иванова: «Сердце Пармы», «Тобол» и «Хребет России». Последний представляет собой кооперацию литературы и телевидения.

Роман «Небесный Стокгольм» в системе трансмедийных проектов О. Нестерова

Идея романа «Небесный Стокгольм», являющегося частью одноименного трансмедийного проекта, по утверждению Нестерова, возникла еще в 2008 г.: «Я начал проект как литературный, потом сделал трёхлетний перерыв. Воплотив замыслы в кино, театре и музыке, вернулся к написанию книги. За год и месяц я её написал» [«Олег Нестеров: «Небесный Стокгольм» – роман о Москве» 2016]. Сама книга была издана только в 2016 г., что важно в контексте темы нашего исследования. Дело в том, что в период трехлетнего перерыва Нестеровым был реализован другой проект – «Из жизни планет», также трансмедийный по механике своего воплощения, включающий в себя среди прочего музыкальный спектакль, исполняемый Нестеровым в составе группы «Мегаполис» до сих пор¹.

Между проектами «Небесный Стокгольм» и «Из жизни планет» много смысловых взаимосвязей, о чем будет сказано позже.

Роман «Небесный Стокгольм» принадлежит жанру исторического романа и вместе с тем балансирует на грани вымысла и реальности. Пространство романа – Москва, время – хрущевская оттепель, заря 60-х. Главные герои романа – Петр, Антон и Кира – волей случая попадают на службу в КГБ и становятся сотрудниками «Группы по юмору». Они сочиняют анекдоты про власть, посещая выставки, поэтические вечера, влюбляясь, мечтая о стабильной экономике, свободе слова. Жизнь героев – юмористическая, литературная война, где они отстаивают мечту об идеально и гармонично устроенном обществе. Эта мечта рушится в финале романа, события которого завершаются уже после окончания оттепели в 1969 г. Главные герои – специалисты по написанию анекдотов. Анекдотом является и их напрасная надежда на возможность существования в идеальном государстве.

Форма анекдота определяет специфику нарратива в романе, создавая «окказиональную картину мира как арену столкновения и взаимодействия субъективных воль...» [Тюпа 1999: 14]. Столкновение объективного и субъективного, реального и мнимого, исторической действительности и ее образа в сознании героев – это основа поэтики романа. Книга пропитана ностальгией по советской эпохе 60-х гг. Точнее, *ностальгия по образу эпохи*.

Мир «Небесного Стокгольма» полувымышленный. Для писателя важно воссоздать дух неповторимого времени, рассказать о периоде отечественной истории, когда было «время, когда все получалось» [Мин 2014]. Такая идеали-

стическая модальность роднит книгу не с историческим романом, а с утопией.

Сюжет романа, по словам О. Нестерова, строится на переплетении пяти основных линий повествования: «КГБ», «КВН», «Страна», «Экономика» и «Мухин»². Первые две направлены, собственно, на движение по сюжетной линии и образуют смысловую пару, которую можно почувствовать уже уровне аббревиатурного созвучия. Страшное (КГБ) и смешное (КВН) выступают в тексте как смысловая контаминация, причем превалирует именно смешное. Герои по ходу действия становятся свидетелями зарождения и расцвета в стране Клуба веселых и находчивых: «...КВН сделал свое дело, шутки оттуда становились шутками месяца, движение стремительно разрасталось вширь, на всех уровнях – от школ до НИИ. Все играли. Все смотрели» (Нестеров 2016а: 212). Через отношение к юмору часто объясняются изменения в настроениях эпохи: «То ли настроение было не очень, то ли еще что, но Петя сразу все понял. Шутили нехорошо и смеялись нехорошо. Вовсю царствовала ирония, и ей на все было наплевать. <...> Когда наступает безверие, ирония расцветает буйным цветом» (там же: 350).

Линии «Страна» и «Экономика» направлены на воссоздание исторического фона книги. Вернее, о поэтизации эпохи. Вот, например, как описывается центральный герой оттепели Никита Хрущев: «Мне кажется, Хрущев – главный поэт нашей эпохи... Он мыслит, как художник, – Кира с улыбкой посмотрел на нее. – Ну как вам такое – шесть минут с трибуны ООН рассказывать анекдоты? Вот где хеппенинг! Он же ведет себя как поэт во всех своих начинаниях!» (там же: 85).

Квинтэссенцией утопического в романе выступает его название. «Небесный Стокгольм» – метафора Москвы 60-х гг., заключающая в себе аллюзии на Небесный Иерусалим из Откровений Иоанна Богослова. В основе – также поэтизация исторических событий. Речь идет о поездке Н. Хрущева в скандинавские страны в 1964 г., в том числе в Швецию с посещением Стокгольма. Визит случился в самом конце хрущевского правления: «Скандинавская поездка повергла отца <Н. Хрущева> буквально в шок. У них было чему поучиться, а отец всегда учился прилежно. Как скандинавский опыт преломился бы в грядущих реформах, мы можем только гадать...» [Хрущев 2010: 1025]. Небесный Стокгольм – это образ Москвы оттепельного периода, спроецированный в будущее, виртуальный проект идеального города, каким его представляли герои романа и сам О. Нестеров: «Небесный Стокгольм – это мечта, в которую стремилась Москва» [«Олег

Нестеров: «Небесный Стокгольм» – роман о Москве» 2016].

Завершая разговор о романе, отметим, что книгу, на наш взгляд, не стоит причислять к семиотическим артефактам масскульта, направленным на идеализацию советского прошлого (см. подробнее: [Абашева и др. 2020]). Для романа и всего проекта, сопряженного с ним, виртуальный образ идеального, но не реализованно-

го будущего важнее и значимее, чем лакирование оттепельных исторических реалий. Иными словами, здесь мы имеем дело с *ностальгией по нереализованному будущему*.

Вторым значимым медиаканалом проекта стал мультимедийный сайт «Небесный Стокгольм – Путеводитель по книге», до сих пор доступный в сети по адресу: <https://nebesny.ru/> (рис. 1).

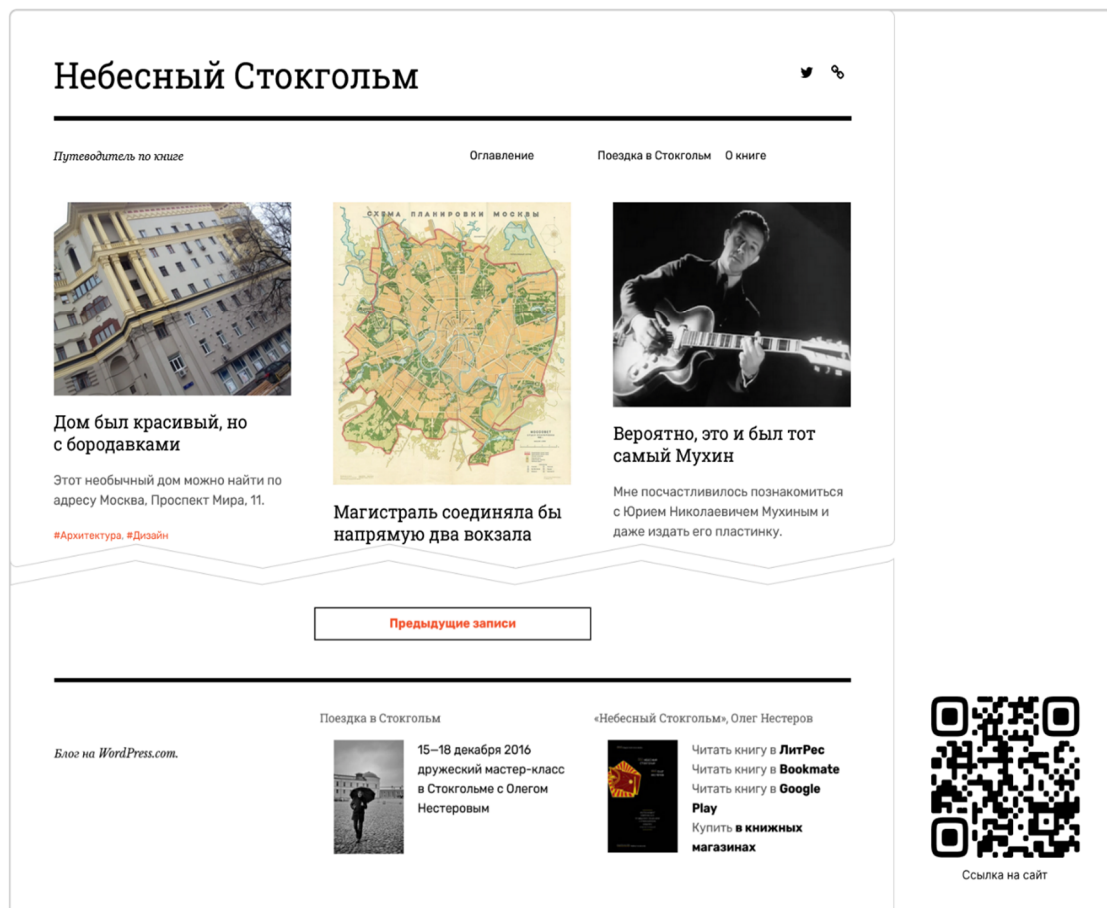

Рис. 1. Главная страница сайта «Небесный Стокгольм – Путеводитель по книге»

Fig. 1. Home page of the web site Heavenly Stockholm – The Book Guide

Сайт выполнен в логике комментария. Первое предложение романа – «Дом был красивый, но с бородавками» – является одновременно и первым предложением содержательной части сайта. Формально сайт является кроссмедийным образованием [Gambarato 2013: 83]. Его текстовая часть повторяет приложение к роману, занимающему примерно одну пятую книжной публикации. Однако большой объем нового мультимедийного материала позволяют воспринимать сайт как вполне самостоятельный ресурс.

Это типичный гипертекст, предусматривающий несколько навигационных тактик для ознакомления с контентом: чтение комментариев к роману (причем текст романа лишен отсылок к сайту, релиз которого состоялся позже), группировка записей по тематическим тэгам #Архитек-

тура, #Дизайн, #Власть, #Экономика и т. д., также для каждого комментария выводится подборка похожих записей.

Помимо авторских ремарок о событиях, прототипах героев и мыслей «за кадром» истории, на ресурсе довольно много постов, несущих энциклопедическую нагрузку. Например, уже упоминавшаяся первая запись на сайте («Дом был красивый, но с бородавками») содержит, помимо фотографии и краткой справки об истории описываемого дома, две библиографические ссылки на статьи архитектурной тематики из советской периодики конца 80-х гг.; комментариев к реплике одного из героев романа Киры («Небо-то опустело...») состоит также из двух библиографических ссылок: статьи К. Померанцева «Во что верит советская молодежь?» 65-го года и книги

П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека». Естественно, множество записей содержат фотографии, аудио- и видеозаписи, относящиеся к эпохе 60-х гг.

Сайт-комментарий – это самостоятельное авторское высказывание, акцентирующее внимание на определенных смысловых пластах книги. Он является и тематической энциклопедией оттепельной эпохи, и мостиком между мономедийным литературным произведением и мультимедийным гипертекстом интернета, и, наконец, способом создания «портрета» эпохи оттепели, где в центонной манере, через гиперссылки и документальные материалы, О. Нестеров рисует свое видение Москвы того периода.

Цифровой ресурс буквально соединяет «Небесный Стокгольм» со Стокгольмом земным. С нарочитой композиционной симметрией (см. рис. 1), ссылка на книгу соседствует с пресс-релизом, приглашающим отправиться в столицу Швеции в компании самого Олега Нестерова в рамках экскурсионного тура под эгидой Клуба путешествий Михаила Кожухова. На наш взгляд, рассматривать эту поездку лишь как маркетинговый ход, призванный дополнительно монетизировать изданную Нестеровым книгу, нельзя. Книга, сайт и туристический тур – звенья одной гармонично скованной цепи. Утопическое визионерство романной истории перетекает в строгую, но избирательную в деталях картину эпохи на цифровом ресурсе и завершается столь же визионерским образом реального Стокгольма в рамках туристической поездки. Это подчеркивается и самим Нестеровым: «Люди, еда, технологии и дизайн, алкоголь, метро, шхеры, цвета, погода, сказочница Астрид – все стало единым целым и связалось в крепкий шведский узел раз и навсегда. Всем этим я и хочу поделиться. Именно сейчас, когда эти два Стокгольма таинственно слились в моей жизни...» (Нестеров 2016б).

Все вышеописанные медиаканалы пребывают друг с другом в тесной композиционной, смысловой и идейной взаимосвязи. Каждая новая медиаплощадка передает новый чувственный либо интеллектуальный опыт, расширяя понимание авторской задумки. Проект обладает всеми признаками сложносоставного трансмедиального высказывания. В его конструкции мы можем выделить единые «топос», «миф», «этос» – понятия, отвечающие за оформление единой и непротиворечивой *трансмедийной вселенной*³. Все три составляющие трансмедийного повествования в той или иной степени выражены во всех трех медиаканалах. Однако пропорции их выражения разные.

Конструирование мифа (центрального нарратива) происходит преимущественно через романное повествование. Структура книги, где гла-

вы группируются по годам (с 1962 по 1968), задает линейную логику восприятия эпохи от этапа ощущения перемен (полет Гагарина в космос, первые успехи советской кибернетики, десталинизация политического курса и т. д.) и оптимистичного взгляда в будущее до меланхоличного разочарования в возможности позитивных преобразований и начала эпохи застоя.

Заявленная «историчность» романа, т. е. акцент на топосе (сеттинге) оттепельной эпохи 60-х, разрушается уже в первом авторском предуведомлении к роману: «В моей книге действующие лица являются вымышленными, но некоторые из них имеют связь с реальными людьми. Они имеют схожие биографии, у них одни и те же профессии <...>. И все же это придуманные мною персонажи» (Нестеров 2016а: 5). Нестеров изначально ориентирует читателя на то, что роман – это плод авторской фантазии, пусть и созданный на историческом материале. Функция моделирования сеттинга реализована через сайт-комментарий: мультимедийный материал и обилие гиперссылок создают «эффект присутствия» в фиктивном мире автора.

Этическая составляющая, естественно, присутствует в книге. Герои повествования являются носителями идеалов шестидесятников. Однако характер авторской оптики изображения героев мешает этосу раскрыться в полной мере. Внешняя фокализация [Женетт 1998: 206] при изображении героев, скупость внутренних монологов и отрывочность диалогов фиксируют внимание на событийном аспекте, а не на этике. Эта функция трансмедийного проекта выражена в авторском туристическом туре в Стокгольм. В релизе, презентующем поездку, Нестеров пишет: «Про Небесный я написал роман, а в земной давным-давно влюбился. Ничего не могу поделать – там мое “я” растворяется и поет» (Нестеров 2016б). Акцент на «я», как на одну из ценностей поездки в рекламно-информационном материале, ориентирует именно на погружение в субъективный мир авторского взгляда на город.

В итоге общую схему трансмедийного проекта «Небесный Стокгольм» можно представить схемой (рис. 2).

Проект многослоен и конструируется посредством «трех китов» трансмедиа. Нарратив проекта выстраивается благодаря линейному повествованию романа. Сайт-путеводитель задает координаты метафизического сеттинга, связанного с утопией о Небесном Стокгольме. Передача ценностной картины мира, воплощенной через культуру соучастия, реализуется завершающим компонентом – экскурсией в Швецию с Олегом Нестеровым. Эта часть эквивалентна этосу трансмедийной вселенной.

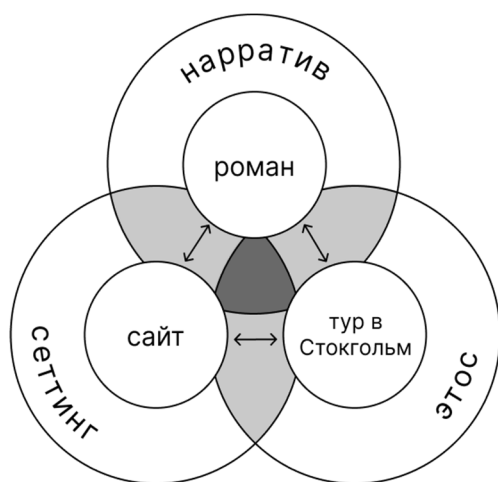

Рис. 2. Схема трансмедийного проекта «Небесный Стокгольм»

Fig. 2. A scheme of the transmedia project *Heavenly Stockholm*

Проект «Небесный Стокгольм» в последующем трансмедийном расширении (проект «Из жизни планет»)

Начиная разговор о романе «Небесный Стокгольм», мы отмечали, что в работе над текстом был сделан трехлетний перерыв, в течение которого автор воплотил замыслы в кино, театре и музыке. Речь идет о проекте «Из жизни планет». Он также реализовывался с оглядкой на ностальгический сеттинг оттепели, абрис которого прописывается в романе. «Из жизни планет» (planetlife.ru) включает в себя мультимедийный лэндинг, обширный веб-ресурс с документальными материалами, одноименный музыкальный альбом и спектакль, а также документальный фильм «Замок» о записи альбома. Последнее медиа, правда, на наш взгляд, не несет смысловой нагрузки для проекта и фиксирует внимание на документировании процесса записи музыки для альбома.

Аннотация проекта написана с тем же пафосом, что и роман «Небесный Стокгольм»: «“Из жизни планет” – это музыкальное посвящение неснятым фильмам 60-х, той короткой эпохе в кино и в жизни России, которую мы называем “оттепелью”. Рождался новый кинематограф, прорыв следовал за прорывом <...> Но внезапно все кончилось: к концу 1968 года поле нового кинематографа превратилось в грандиозное кладбище неснятых фильмов...» (Официальный сайт группы «Мегаполис». 2014). Презентуя проекты, Нестеров использует те же формулировки: «“Небесный Стокгольм” и “Из жизни планет” –

это проекты о времени “когда все получалось”» [«Лидер группы «Мегаполис»... 2016].

Идейная близость обоих проектов позволяет рассмотреть их в ключе одного большого трансмедийного повествования.

Нестеров рассказывает об идее и ходе воплощения проекта довольно подробно. Завязкой «Из жизни планет» стало сочинение нескольких мелодий: «С феноменальной, но малоисследованной темой оттепельного кино я столкнулся случайно: в 2010 году сидел на берегу моря в Хорватии, играл на гитаре и записывал эскизы мелодий на диктофон, и уже дома я понял, что это музыка из фильмов, и, судя по гармонии, из милых мне 60-х годов. Я пересмотрел очень много кино того времени, но саундтреков, созвучных моей музыке, не нашел – и решил, что мои мелодии принадлежат неснятым кинокартинам» [Нестеров 2018]. Сама идея музыки для неснятого кино созвучна несбывшемуся проекту будущего страны из романа «Небесный Стокгольм».

В итоге сочиненная музыка «сама нашла себя в конкретных кинокартинах, которые так и не сняли: “Причал”, “Семь пар нечистых”, “Предчувствие” и “Прыг-скок, обвалился потолок”. Погрузившись в исследование, я понял, что музыке необходим контекст, и, чтобы рассказать обо всём кладбище неснятого кино того десятилетия, нужно сделать целый сайт» [там же]. Каждому фильму на сайте посвящен отдельный мультимедийный лонгрид: истории о рождении замысла, написании сценария, перипетии согласования фильма и т. п. В подвале каждого лонгрида есть ссылка на следующий фильм, и совокупно этот документальный нарратив охватывает все десятилетие кино 60-х гг.

Четыре истории о неснятых фильмах – это верхушка айсберга. После линейных лонгридов навигационная логика ресурса подводит пользователя к масштабному лабиринту – энциклопедическому разделу «Фильмы и герои», где представлено описание 184 картин (Нестеров, рассказывая о проекте, говорил о 200 проработанных карточках [там же]). Светлым отмечены снятые кинокартины, черным – так и не вышедшие на экран.

Сайт-каталог⁴, где снятые и неснятые картины представлены наравне, с подробным описанием идеи или ее воплощения, стал смысловым ядром проекта. Ресурс выполняет структурирующую функцию с точки зрения нарратива, сеттинга и этоса (рис. 3).

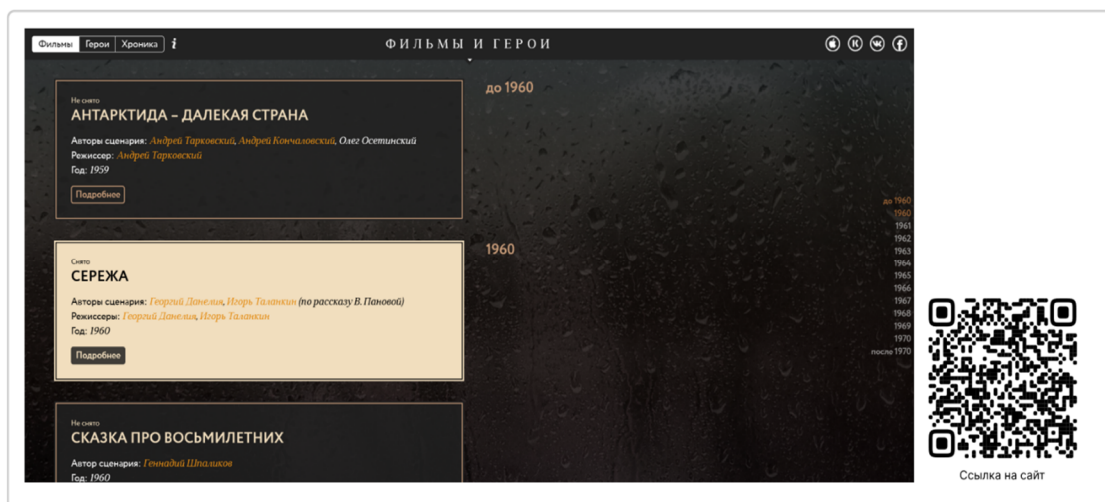

Рис. 3. Раздел сайта «Из жизни планет».

Каталог снятых и неснятых фильмов с конца 1950-х по начало 1970-х гг.

Fig. 3. Section of the web site Planetlife.

A catalog of made and unmade films, late 1950s – early 1970s

Три подраздела каталога («Фильмы», «Герои» и «Хроника») структурированы одинаково – вереница карточек с описанием ключевых, по мнению авторов проекта, фильмов эпохи, ее акторов, исторических отсечек в истории кинематографа 60-х. С данным разделом связан основной идейный конфликт: величие неснятого кино. Не случайно на первый стартовый экран сайта помещена цитата историка кино А. Фомина: «Осуществись эти замыслы – наше кино могло бы стать не просто лучше того, каким оно

стало, но и вообще – другим» (Из жизни планет 2014). Выборка фильмов, хотя и осуществлялась при консультативной поддержке кинокритиков и исследователей кино (Н. Клейман, Е. Марголит и А. Фомин), все же сама по себе пристрастна: Нестеров соблюдает фактологическую основу, но состав подобранного материала обусловлен концепцией проекта. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на соотношение карточек снятых и неснятых фильмов по годам (рис. 4).

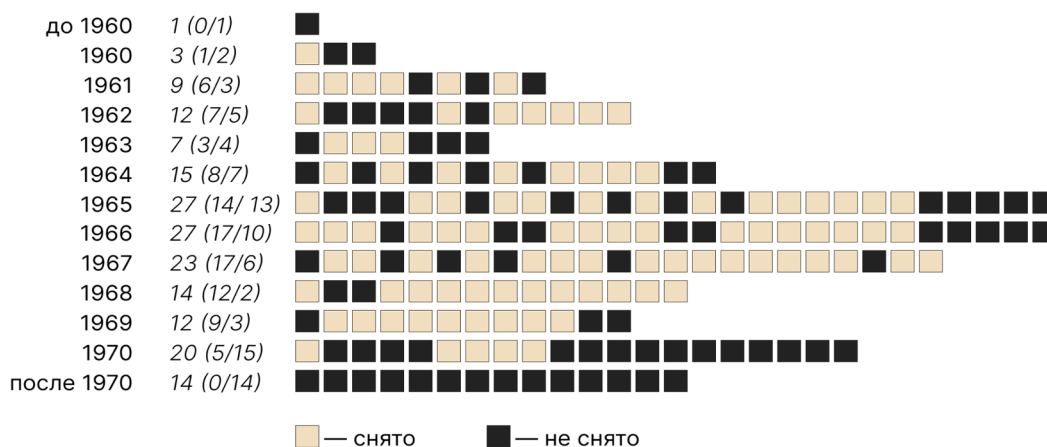

Рис. 4. Схема карточек снятого и неснятого оттепельного кино на сайте «Из жизни планет»

Fig. 4. A chart of cards of made and unmade films of the Thaw period on the Planetlife web site

Например, в 1970 г., по данным официального сайта Мосфильма, вышло 35 кинокартин [Мосфильм. Официальный сайт]. Но в концепции проекта «Из жизни планет» это уже закат оттепельного кино и на 5 снятых картин приходится 15 отклоненных сценариев – оттепельный кинематограф, как и утопический проект идеализиро-

ванного будущего из романа, постепенно перемещается в область несбывшегося.

Схема позволяет определить кульминационную часть периода оттепельного кино: с 1965 по 1967 г., в ней собрано 77 записей (в том числе 48 воплощенных). Интересно, что именно здесь мы можем провести параллели с романом.

Одним из героев проекта «Из жизни планет» является сценарист Геннадий Шпаликов, автор двух из четырех нереализованных сценариев, к которым О. Нестеров и «Мегаполис» написали музыкальное сопровождение («Причал» и «Прыг-скок, обвалился потолок»). В его именной карточке на сайте проекта написано следующее: «Шпаликов был единственным советским сценаристом, в чьей гениальности не сомневался почти никто, – и в чьем профессиональном существовании почти никто не нуждался. <...> ни один из его шедевров не получил адекватного экранного воплощения, лучшие же работы <...> и вовсе не добрались до экрана» (Из жизни планет 2014). В романе же «Небесный Стокгольм» герои обсуждают его фильм «Долгая счастливая жизнь»:

«– Он в Ленинграде фильм свой показал – „Долгая счастливая жизнь“. Снял в первый раз как режиссер. Освистали.

<...>

– Фигню, значит, снял.

– За фигню ему бы не дали первую премию в Бергамо. Тут все ему – порежь финал, порежь... Ну сколько можно, ну плывет эта баржа бесконечно, и сидит там девка, на гармошке играет... А Антониони за этот финал стоя ему аплодировал. Нет, дело не в фильме, просто не могут ему простить... “Я шагаю по Москве”» (Нестеров 2016а: 282).

В отрывке сочетается и восхищение советским кинематографом 60-х, и указание на его скорый закат. В хронологии романа данный диалог происходит именно в 1967 году, который в нарративе проекта «Из жизни планет» является кульминационным. Шпаликов появляется в романе и как эпизодический персонаж. Вернее, как *вероятный* эпизодический персонаж. Фраза «Из комнаты выглянул заспанный Гена» снабжена авторским примечанием: «Гена очень похож на Шпаликова, но я до конца не уверен, что это был он» (Нестеров 2016а: 411). Ситуация, когда эпизодический персонаж одной истории становится центральным героем истории на другой медиаплатформе, – это одна из частых стратегий масштабирования трансмедийных (и масскультурных) проектов.

Касательно фигуры Г. Шпаликова в «Небесном Стокгольме» есть еще один примечательный фрагмент, позволяющий построить ассоциативные связи между этими двумя проектами. В Главе 23 обсуждается тема сочинительства, причем в двух аспектах: сочинение музыки и сочинение текста, работа композитора и писателя. Герои сравнивают высказывания двух сочинителей: первого электрогитариста СССР Юрия Мухина и сценариста Геннадия Шпаликова. Высказывания

похожи и сходятся в одном – вдохновение приходит откуда-то извне, минуя рациональное начало человека: «Мухина спрашивал, как он сочиняет. Сказал, что просто пальцы на струны кладет. Иногда они ему что-нибудь играют» (там же: 157).

Выше мы писали, что с Ю. Мухиным связана отдельная линия повествования. С одной стороны, это реальный исторический персонаж, непосредственно вовлеченный в действие романа, с другой – Нестеров в первом же примечании, касающемся его фигуры, пишет: «все эпизоды с его непосредственным участием в книге – плод моей фантазии, такого в жизни Юрия Николаевича не было». Эпизоды с Мухиным и рассказы о нем часто анекдотичны. Мухин – анекдотичный персонаж в романе про анекдоты. Более того, в одном из эпизодов он рассказывает, как работал клоуном в Стокгольме. Подобную историю легко интерпретировать и как факт из фиктивного мира романа, и в символическом ключе. Тем не менее Мухин – персонаж второго плана, не влияющий напрямую на сюжет. В романе практически нет эпизодов, где он играет на гитаре. Его музыка буквально остается за кадром истории. Как и музыка к фильмам, которые не были сняты. Именно к фигуре Мухина относится единственное авторское примечание, напрямую дающее отсылку к проекту «Из жизни планет», где музыке уделяется одно из ключевых мест⁵.

Последним смыслообразующим медиаканалом проекта «Из жизни планет» стал одноименный спектакль. Изначально он игрался на сцене Гоголь-центра, а в 2020 г. состоялась его повторная премьера в Электротeatре Станиславского. Спектакль представляет собой синтез музыкального театра и эстетики театр.doc. Он соединяет в себе и фактологическую сторону проекта, и его музыкальную часть. Спектакль играется до сих пор.

В итоге общий список всех использованных медиаканалов и год их релиза мы свели в единой таблице.

Заметим, что в таблице приведены только те медиаканалы, которые тем или иным образом участвовали в артикуляции значимых нарративов проектов. Кроме этого, были еще и маркетинговые каналы, например, публикации отрывков музыки и текстов в личном блоге Живого Журнала, в Telegram и других социальных сетях, анонсы туристических поездок на сайте «Клуб путешествий Михаила Кожухова» (mktravelclub.ru), лонгриды, посвященные театральным постановкам, видеOVERсии спектакля на стриминговых ресурсах и т. д. Другими словами, необходимо разделять медиаканалы, которые составляют творческое ядро проекта, и те, что задействованы в маркетинговом продвижении.

Медиа, задействованные в проектах О. Нестерова «Из жизни планет» и «Небесный Стокгольм»

Media involved in the projects of Oleg Nesterov *From the Life of the Planets* and *Heavenly Stockholm*

Тип медиаканала	Название	Год релиза
Четыре лонгрида по неснятым фильмам с фоновой музыкой	«Из жизни планет»	2014
Мультимедийный сайт в формате web documentary	«Из жизни планет»	2014
Музыкальный альбом	«Из жизни планет»	2014
Книга	«Небесный Стокгольм»	2016
Сайт-путеводитель	«Небесный Стокгольм»	2016
Туристическая поездка в Стокгольм с О. Нестеровым		2016
Музыкальный спектакль	«Из жизни планет»	2014, 2020

Олег Нестеров склонен разделять эти два проекта, но наш анализ показал, что они находятся в тесных смысловых взаимоотношениях. Теперь мы можем дополнить схему проекта «Небесный Стокгольм» (см. рис. 2) с учетом его дальнейшего смыслового расширения через проект «Из жизни планет» (рис. 5).

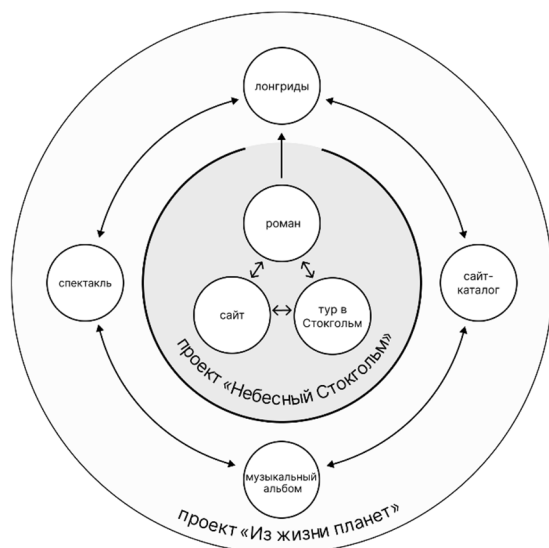

Рис. 5. Проекты «Небесный Стокгольм» и «Из жизни планет» как сложное трансмедийное высказывание
Fig. 5. Projects *Heavenly Stockholm* and *From the Life of the Planets* as a complex transmedia statement

Проекты «Небесный Стокгольм» и «Из жизни планет» – единое сложное трансмедийное образование, создаваемое в период с 2008 (первый подступ к написанию романа) по 2020 г. (вторая премьера спектакля «Из жизни планет» на сцене Электротeatра Станиславского). Этот трансмедийный проект берет свое начало из литературного источника. Поскольку изначально проект не был спланирован, работа над ним шла нетрадиционно, в следующем порядке: начальная стадия написания романа, трехлетний перерыв, создание масштабного проекта «Из жизни планет», заключительный этап работы над романом, трансмедийное расширение романной истории.

Так постепенно формируется единое пространство смыслов, среда, состоящая из нескольких платформ, на которых размещены элементы, где-то не связанные событийно, но объединенные одной авторской идеей – передать энергетику несвершившегося (неснятых фильмов, недописанных сценариев, нереализованного будущего), показать, что и такие начинания могут оказывать влияние на объективную реальность. Причем весь набор сложных механик проекта позволяет не только сформулировать идею на интеллектуальном уровне, но и буквально *пережить опыт осознания этой идеи* (через музыку, туристическое путешествие, сценическое действие). Подобная задумка вряд ли могла быть реализована в современных реалиях вне логики трансмедийного повествования.

Проведенное исследование показательно в нескольких аспектах. Во-первых, мы взяли проект, не относящийся к категории масскультурных, которые чаще всего попадают в фокус исследователей трансмедиа. При этом все элементы трансмедийного повествования реализованы в его структуре. Иными словами, подобные практики – это наиболее органичный и действенный на сегодняшний день способ творческого волеизъявления. Вернее, в том числе творческого волеизъявления, так как трансмедиа гораздо раньше было апробировано в PR-технологиях и маркетинге.

Во-вторых, такие сложные в своей медийной архитектуре проекты позволяют ощутить, в чем состоит конкурентное преимущество литературы в современной полимедийной среде. Литература – это наиболее простой и при этом действенный способ апробации сюжетов. Вместе с тем литература задает темпоральную логику восприятия, артикулируя сквозной нарратив в трансмедийном повествовании, который потом расширяется через другие медиаканалы.

В-третьих, рассмотренные медиаканалы обладают высокой степенью самостоятельности. Однако их можно анализировать, например, через

призму концепции внутрисемиотических границ в понимании Ю. М. Лотмана. В этом случае акцент в смыслопорождении смещается с отдельных медиаканалов на границу их соприкосновения. Переход на новый виток трансмедийной истории в этом случае – это не просто новый опыт, но и новая точка зрения, новое отношение к опыту, пережитому при знакомстве с предыдущим медиа.

Мы, по выражению М. Эпштейна, все еще находимся на пороге нового этапа нашего прототехнологического периода [Эпштейн 2004: 138–139]. Трансмедиа сегодня – это не индустрия и не локальная практика. Это способ наррации, наиболее релевантный дигитализированной среде, где дистанция для перехода от одного медиа к другому столь же коротка, как и переход от абзаца к абзацу в художественном тексте.

Примечания

¹ В 2023 г. спектакль игрался в январе на сцене «Электротeatра Станиславский».

² Юрий Николаевич Мухин – легендарная фигура для истории советской музыки, считается первым электрогитаристом в СССР.

³ Содержательным ядром трансмедийной вселенной являются «миф», «топос», «этос». Миф (или нарратив) – это «предыстория всех предысторий». Конфликты, характерные для этого мира, персонажи, этот мир населяющие, иначе говоря, базовые культурные знания для интерпретации событий. Топос (сеттинг) представляет собой базовые знания о ситуации и географии. Этнос – это явная и неявная этика мира, кодекс поведения, которому должны следовать персонажи в этом мире. См. подробнее: [Klastrup, Tosca 2004].

⁴ Сайт-каталог – это авторская выборка О. Нестерова, сделанная на основе большого исследовательского проекта журнала «Сеанс» «Энциклопедия отечественного кино». На 2023 г. адрес сайта (2011.russiancinema.ru/) не активен, но доступна его архивная версия через ресурс archive.org.

⁵ Речь идет о примечании «Мухин познакомил Петю с Гариным», глава 19: «Леонид Гарин действительно являлся другом Мухина, вместе они занимались музыкой, <...>. К тому же еще одним прототипом является Дмитрий Гарин, музыкант, электронщик, участник моего проекта, посвященного неснятым фильмам 60-х – “Из жизни планет”» (Нестеров 2016а: 417).

Список источников

Мегаполис. Официальный сайт группы. URL: <http://megapolisband.ru/#rec14008614> (дата обращения: 29.06.2023).

Из жизни планет. Музыкальное посвящение неснятым фильмам. 2014. URL: <http://planetlife.ru/persons.html> (дата обращения: 03.07.2023).

Нестеров О. Небесный Стокгольм. М.: РИПОЛ классик, 2016а. 480 с.

Нестеров О. Поездка в Стокгольм // Небесный Стокгольм. 2016б. URL: <https://nebesny.ru/club-puteshestviy/>. (дата обращения: 08.06.2023).

Список литературы

Абашев В. В., Абашева М. П. Поверх барьеров: трансфикциональность, интермедиальность, трансмедиальность как стратегии современной культуры // КУЛЬТ-ТОВАРЫ: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 19–37.

Абашева М. П. и др. Культтовары. Коммерциализация истории в массовой культуре: коллективная монография / Абашева М. П., Литовская М. А., Савкина И. Л., Черняк М. А. [и др.]. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 348 с.

Дженкинс Г. Конвергентная культура / пер. с англ. А. Гасилина. М.: РИПОЛ классик, 2019. 384 с.

Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2 / пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной, И. Иткина, С. Зенкина, Н. Перцова, И. Стаф, Г. Шумиловой; предисл. С. Зенкина. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. 472 с.

«Лидер группы «Мегаполис» Олег Нестеров про новый проект «Из жизни планет» и про наше время» // Фонтанка.ру. 2016. URL: <https://clck.ru/34u8qD> (дата обращения: 09.06.2023).

Лапина-Кратасюк Е. Г. Осень трансмедиа // Шаги/Steps. 2020. Т. 6, № 4. С. 306–314. doi 10.22394/2412-9410-2020-6-4-306-314

Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике. Таллин: Александра, 1992. С. 203–216.

Мосфильм. Официальный сайт. URL: <https://clck.ru/34txhM> (дата обращения: 03.07.2023).

Мин И. «Не нужно бояться замахиваться как следует»: Олег Нестеров о потерянном кино, свободе и величии замысла // Теория и практика. 2014. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9102-lostandfound> (дата обращения: 28.06.2023).

Нестеров О. «Из жизни планет». Проект о неснятом кино // Сделано медиа. 2018. URL: <https://sdelano.media/planetlife/> (дата обращения: 09.06.2023).

«Олег Нестеров: «Небесный Стокгольм» – роман о Москве» // Национальная служба новостей. 3 июня 2016 г. URL: <https://clck.ru/34txpr> (дата обращения: 15.05.2023).

Соболевская О. В. Бесконечное шоу. Что такое трансмедиа-сторителлинг и в чем его российская специфика // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научно-образовательный портал IQ. 2017. URL: <http://iq.hse.ru/news/210459065.html>. (дата обращения: 30.05.2023).

Тюпа В. Двухязычие «Повестей Белкина»: анекдот и притча // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 4. С. 8–13

Хрущев С. Никита Хрущев. Реформатор. М.: Время, 2010. 1080 с.

Эпштейн М. Знак_пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.

Gambarato R. R. Transmedia project design: Theoretical and analytical considerations // *Baltic Screen Media Review*. 2013. Vol. 1. P. 80–100.

Jenkins H. Transmedia Storytelling // *MIT Technology Review*. 2003. URL: <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling/> (дата обращения: 21.03.2023).

Klastrup L., Tosca S. Transmedial worlds: rethinking cyberworld design // 2004 international conference on cyberworlds. IEEE, 2004. С. 409–416.

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. Poverkh bar'evrov: transfiktsional'nost', intermedial'nost', transmedial'nost' kak strategii sovremennoy kul'tury [Beyond barriers: Transfictionality, intermediality, and transmediality as strategies for contemporary culture]. *KUL'T-TOVARY: massovaya literatura sovremennoy Rossii mezhdubukvoy i tsifroy* [CULT-GOODS: Mass Literature of Modern Russia Between a Letter and a Digit]: a collection of scientific papers. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2018, pp. 19–37. (In Russ.)

Abasheva M. P. et al. *Kul'ttovary. Kommertsializatsiya istorii v massovoy kul'ture: kollektivnaya monografiya* [CULT-GOODS. The Commercialization of History in Mass Culture]. Abasheva M. P., Litovskaya M. A., Savkina I. L., Chernyak M. A. et al. Yekaterinburg, Kabinetnyy Uchenyy Publ., 2020. 348 p. (In Russ.)

Jenkins H. *Konvergentnaya kul'tura* [Convergence Culture]. Transl. from English by A. Gasilin. Moscow, Ripol Classic Publ., 2019. 384 p. (In Russ.)

Genette G. *Figury. V 2 t. T. 2.* [Figures. In 2 vols. Vol. 2]. Transl. from French. Moscow, Publishing House of Sabashnikov, 1998. 472 p. (In Russ.)

‘Lider gruppy ‘Megapolis’ Oleg Nesterov pro novyy proekt ‘Iz zhizni planet’ i pro nashe vremya’ [Oleg Nesterov, the leader of Megapolis, talks about the new project ‘From the Life of Planets’ and about our time]. *Fontanka.ru*, 2016. Available

at: <https://clck.ru/34u8qD> (accessed 09 Jun 2023). (In Russ.)

Lapina-Kratasyuk E. G. Osen’ transmedia [The Autumn of transmedia]. *Shagi/Steps*, 2020, vol. 6, issue 4, pp. 306–314. (In Russ.) doi 10.22394/2412-9410-2020-6-4-306-314

Lotman Yu. M. O soderzhanii i structure ponyatiya ‘khudozhestvennaya literatura’ [On the content and structure of the concept ‘fiction’]. *Izbrannyye stat’i: V 3 t.* [Selected Articles: In 3 vols.]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1. Stat’i po semiotike [Articles on semiotics], pp. 203–216. (In Russ.)

Mosfil’m. *Ofitsial’nyy sayt* [Mosfilm. Official website]. Available at: <https://clck.ru/34txhM> (accessed 03 July 2023). (In Russ.)

Min I. ‘Ne nuzhno boyat’sya zamakhivat’sya kak sleduet’: Oleg Nesterov o poteryannom kino, svobode i velichii zamysla [‘You shouldn’t be afraid to do big things’: Oleg Nesterov talking on lost cinema, freedom, and the grandeur of design]. *Teoriya i praktika* [Theory & Practice], 2014. Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/9102-lostandfound> (accessed 28 June 2023). (In Russ.)

Nesterov O. ‘Iz zhizni planet’. Proekt o nesnyatom kino [‘From the Life of Planets’. A project about unfilmed movies]. *Sdelano.media*, 2018. Available at: <https://sdelano.media/planetlife/> (accessed 09 Jun 2023). (In Russ.)

‘Oleg Nesterov: ‘Nebesnyy Stokgol’m’ – roman o Moskve’ [‘Oleg Nesterov: ‘Heavenly Stockholm’, a novel about Moscow’]. *Natsional’naya sluzhba novostey* [National News Service], 2016, 3 June. Available at: <https://clck.ru/34txpr> (accessed 15 May 2023). (In Russ.)

Sobolevskaya O. V. Beskonechnoe shou. Chto takoe trasmedia-storitelling i v chem ego rossiyskaya spetsifika [Endless show. Transmedia storytelling in the Russian context]. *HSE University. IQ: Research and Education Website*, 2017. Available at: <http://iq.hse.ru/news/210459065.html>. (accessed 30 May 2023). (In Russ.)

Tyupa V. Dvuyazychie ‘Povestey Belkina’: anekdot i pritcha [The bilingualism of ‘The Tales of Belkin’: anecdote and parable]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 1999, vol. 4, pp. 8–13. (In Russ.)

Khrushchev S. *Nikita Khrushchev. Reformator* [Nikita Khrushchev. A Reformer]. Moscow, Vremya Publ., 2010. 1080 p. (In Russ.)

Epshteyn M. *Znak_probela. O budushchem gumanitarnykh nauk* [The Space Sign. On the Future of the Humanities]. Moscow, New Literary Review Publ., 2004. 864 p. (In Russ.)

Gambarato R. R. Transmedia project design: Theoretical and analytical considerations. *Baltic Screen Media Review*, 2013, vol. 1, pp. 80–100. (In Eng.)

Jenkins H. Transmedia Storytelling. *MIT Technology Review*, 2003. Available at: <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling/> (accessed 21 Mar 2023). (In Eng.)

Klastrup L., Tosca S. Transmedial worlds-rethinking cyberworld design. *2004 International Conference on Cyberworlds*. IEEE, 2004, pp. 409–416. (In Eng.)

The Role of the Literary Text in the Transmedia Narrative: the Novel ‘Heavenly Stockholm’ in the System of Oleg Nesterov’s Projects

Philip A. Kataev

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communications

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. kataev.f@yandex.ru

SPIN-code: 4269-0284

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1839-2407>

ResearcherID: IUQ-6643-2023

Elena A. Starikova

Master’s Student at the Department of Journalism and Mass Communications

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. lena.starikova.99@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4344-9414>

ResearcherID: IUO-7090-2023

Submitted 31 Jul 2023

Revised 01 Sep 2023

Accepted 01 Dec 2023

For citation

Kataev Ph. A., Starikova E. A. Rol’ literaturnogo teksta v transmediynom povestvovanii: roman «Nebesnyy Stokgol'm» v sisteme avtorskikh proektov O. Nesterova [The Role of the Literary Text in the Transmedia Narrative: the Novel ‘Heavenly Stockholm’ in the System of Oleg Nesterov’s Projects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 125–136. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-125-136 (In Russ.)

Abstract. Transmedia narrative has been a widely known and used narrative practice since the second decade of the 21st century. Its existence is conditioned by the peculiarities of the multimedia environment and convergence processes. The article is devoted to a comprehensive analysis of two transmedia projects: *Heavenly Stockholm* and *From the Life of the Planets* created and produced by Oleg Nesterov. The projects are dedicated to the Soviet era of thaw, in both of them we note reflection on the problem of unrealized future. In total, the projects involve seven media channels. They are positioned by the author as independent, but our analysis has shown that the projects are connected with each other by the commonality of the idea, the author’s tone of expression, and are permeated with mutual allusions. The projects share the same ethics, unfold in the same time period, and their narratives are also connected and complementary. The example of the *Heavenly Stockholm* project shows in detail how different media participate in the formation of a unified and programmed experience of a transmedia story. Each of the involved media channels, having a high degree of independence, complements and expands the common space of meanings. The article pays special attention to the role of the literary text. The analysis has shown that the novel *Heavenly Stockholm* is not only a structuring medium for the project of the same name but also contains allusions to another project – *From the Life of the Planets*. All this allows us to perceive the two seemingly different projects as a single transmedia narrative, which took the author more than ten years to create. The result of the analysis is the construction of a schematic architecture of the project, indicating the logic of movement through various media platforms.

Key words: transmedia narrative; transmedia project; convergence; synthesis of arts; Oleg Nesterov; Heavenly Stockholm.

УДК 82.09

doi 10.17072/2073-6681-2024-1-137-145

EDN EBIOZQ

Поэтика цвета как инструмент анализа художественного текста

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Категория интермедиальности: литература и визуальные искусства» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»)

Мария Алексеевна Мисник

магистрант кафедры теоретической и исторической поэтики

Российский государственный гуманитарный университет

125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6. mmisnikmaria@gmail.com

SPIN-код: 6337-7408

Статья поступила в редакцию 15.04.2023

Одобрена после рецензирования 04.09.2023

Принята к публикации 08.12.2023

Информация для цитирования

Мисник М. А. Поэтика цвета как инструмент анализа художественного текста // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 137–145. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-137-145

Аннотация. В статье рассматриваются методологические подходы к изучению поэтики цвета в художественных текстах. Для определения методологии в работе последовательно раскрывается процесс формирования представлений человека о цвете, учитываются и систематизируются существующие подходы к его анализу, в частности, основанные на специфике бытования цвета в культуре и семантике цветообозначений. В качестве отправных точек для анализа функций и роли цвета в художественном тексте выделяются частотность употребления, цветовые или цветосветовые группы, классификация цветообозначений сообразно их символическим или метафорическим значениям. Большое внимание уделено не только литературоведческим работами, но и исследованиям по теории цвета и цветовосприятия. Особенный интерес вызывают механизмы восприятия и ассоциирования, связанные с цветом, поскольку именно они позволяют судить об универсальности цветовых образов в искусстве. Исследуя поэтику цвета, необходимо руководствоваться не только вариантами «значений» цвета или личными ассоциациями. Анализируя художественный текст, важно помнить, что функции цветообозначений могут найти проявление на всех его уровнях. Для того чтобы изучение поэтики цвета было комплексным, необходимо учитывать все способы наблюдения над цветом, и одна из задач, стоящих перед нами в данной работе, – определить эти способы. Предлагается рассматривать проявления отдельных функции цвета «в роли» символа и детали, а также связь цвета с мотивами, пространственной и временной организацией, субъектной структурой. Выделение отдельных функций позволяет рассматривать цвет как значимый элемент художественного мира, дополняющий его и порождающий дополнительные возможности для понимания и интерпретации.

Ключевые слова: поэтика цвета; цветовая символика; деталь; предметный цвет; цветообозначение.

Исследование поэтики цвета осложнено тем, что сам он и его различные проявления – предмет изучения множества наук, как гуманитарных, так и строго технических. Цвет и его восприятие можно рассматривать с точки зрения физики, химии, психологии или физиологии, как

явление культуры и языка. Наше представление о воздействии цвета формируется на основе целого ряда аспектов из разных областей науки. В связи с этим вопрос о поэтике цвета представляется нам обширной литературоведческой проблемой, исследование которой необходимо

начать с разработки методологических положений и поиска возможных векторов анализа художественного текста.

Представление о «языке цвета» или семантике отдельных цветов подразумевает наличие особых предписанных значений. Оно требует подробного комментирования, потому как универсальных и исчерпывающих трактовок не существует и в попытках создать своего рода глоссарий цвета мы неизбежно столкнемся с разногласиями.

Для того чтобы выявить методологические подходы к анализу функций цвета в художественном тексте, в нашей работе мы последовательно обратимся к процессу формирования представлений человека о цвете. В первую очередь, они отражены в трудах философов и физиков, открывших цвет и его восприятие как научное явление. Затем мы рассмотрим ряд работ о цвете в культуре и языке и, наконец, работы непосредственно о его проявлениях в литературном тексте.

Современными представлениями о цвете мы во многом обязаны И. Ньютону, который разложил солнечный свет на спектр. В 1810 г. И. В. Гёте написал свой труд «Учение о цвете», чем изменил существовавшее на тот момент представление. Его теория противостоит теории И. Ньютона. Помимо рассуждений о том, что Гёте называет «физическим» и «химическим» цветом, он говорит и о «чувственно-нравственном воздействии». По его мысли, цвет может быть использован в определенных «чувственных, нравственных и эстетических целях» [Гёте 2011: 397]. Позже эту идею развивал В. Кандинский. Наблюдение цвета, считает он, «имеет 2 результата: физическое воздействие и психическое» [Кандинский 2016: 21].

С точки зрения литературоведческого анализа особенно значим ответ на вопрос о том, насколько субъективно (и если так, то в чем конкретно это проявляется) восприятие цвета. Именно он позволит нам понять, как подступиться к проблеме цветовой семантики и поэтики в художественном тексте, отделить индивидуальные ассоциации от общекультурных. Теоретики дают нам возможность ответить на этот вопрос.

Физик и химик В. Ф. Оствальд определял цвет следующим образом: «...то ощущение, которое возникает в результате передачи соответствующих внешних раздражений, вызванных светом, через посредство глаза и зрительного нерва — в мозг». Он подчеркивал, что это именно ощущение, или, иначе говоря, «психическое переживание», «но это же самое переживание мы мо-

жем получить и другими путями» [Оствальд 2021: 9–10].

Зачастую цвет не рассматривается отдельно от прочих характеристик: В. Кандинский, например, проводит сравнение восприятия цвета с ощущениями вкуса, формой, тактильным восприятием и ищет между ними связь [там же: 23–24]. Похожие идеи о синтетической картине мира в последние годы своей жизни развивал М. В. Матюшин [Матюшин 2007: 12]. В связи с этим он прослеживал сходство в развитии зрительных и слуховых ощущений у человека. Матюшин приводит примеры опытов, доказывающих, что красный понижает звук, а синий — повышает [там же: 25]. Цвет также оказывает влияние и на форму — холодные оттенки «имеют склонность к прямизне граней и образованию углов», а теплые, наоборот, будут «смягчать» и «сглаживать» острые формы [там же: 33–34].

Сравнение цвета и формы во многом обусловливается законами и представлениями о живописи, но и сравнение со звуком в работе Матюшина — не исключительный случай. Так, об этом отчасти писал и Оствальд, сопоставляя «постепенный звуковой ряд» с цветовым. Наконец, нельзя не упомянуть о феномене синестезии, типичные примеры которого — «цветной слух», «цветное зрение» и «цветное обоняние», фтонизмы и фотизмы [Браэм 2009: 135]. Схожим образом можно говорить и о связи цвета с вкусовыми ощущениями.

Художник и теоретик И. Иттен предлагает рассматривать эстетические аспекты воздействия цвета по трем направлениям: «чувственно-оптическому (импрессивному); психическому (экспрессивному); интеллектуально-символическому (конструктивному)» [Иттен 2007: 15]. Поскольку нас прежде всего интересуют цветообозначения в произведениях литературы, наиболее актуально именно последнее из трех направлений: в отличие от двух других, оно не требует прямого взгляда на цвет.

Если для Гёте и его последователей чувственное воздействие зависит исключительно от самого цвета, то для Иттена ключевую роль играют сочетания. В отличие от Оствальда, который говорит о «гармоничности» приятных нам оттенков, Иттен указывает на объективный характер такой гармонии. Его опыт, проведенный с учениками художественной школы [там же: 25–26], показал, что каждый обладает своими представлениями о гармоничности сочетаний, однако предпочтения (то, что Иттен называет «субъективными цветами» или «субъективным цветовосприятием») объясняются объективными параметрами.

Получается, ощущения от цвета формируются благодаря трем основным параметрам – физиологическим особенностям восприятия (восприятие температуры, звука, изменения в ритме сердцебиения и прочих процессах организма), гармоничности сочетаний и формы. Можно ли в таком случае считать эти аспекты объективными?

Исследователи разных лет, начиная с первых теоретиков цвета, дают на этот вопрос во многом схожие ответы. По мнению Гёте, субъективности в восприятии цвета отводится не слишком большая роль, поскольку «в нем [символическом употреблении] больше случайного, произвольного и даже, можно сказать, конвенционального» [Гёте 2011: 397]. Среди цветов Гёте выделяет «положительные», «отрицательные» и «нейтральные». Основой для такой классификации служит не символическое значение, а психологическое воздействие цвета – то, какое настроение он вызывает. Положительные (желтый, красновато-желтый, желтовато-красный) вызывают бодрость, деятельность, в то время как негативные (синий, красновато-синий и синева-красный) – беспокойство, тоску [там же: 349, 353].

Для Г. Браэма цвета – «визуализированные ощущения» (так он называет их, ссылаясь на М. Люшера, создателя знаменитого цветового теста) или, другими словами, результат реакции нервной системы на внешние раздражители. По мнению исследователя, «цвета тесно связаны с архетипическим, то есть доисторическим опытом человечества, и могут <...> влиять как на многие физиологические процессы в организме, так и на восприятие человеком окружающей действительности» [Браэм 2009: 13]. Он ставит под сомнение стереотип о «субъективном вкусе» – тот, по его мнению, состоит из моды (общественного вкуса), символики, коллективного подсознания, архетипических впечатлений и физиологических обусловленностей реакций (им, в свою очередь, «противостоит» индивидуальное подсознательное – термин К. Г. Юнга – которое может восходить к глубинным воспоминаниям) [там же: 19].

Еще два важных положения, которые мы можем вынести из работ теоретиков, – существование «предметного цвета» и цвета как «элемента художественного языка». «Предметный цвет иногда противопоставляют видимому <...>, предметный цвет даже называют цветом, который мы скорее помним, чем видим», – пишет Волков. Это происходит потому, что мы можем видеть иначе в зависимости от того, что «нам нужно увидеть» [Волков 2014: 21].

И в природе, и на картине цвет – одно и то же явление. Но если в природе это явление «изоб-

ражаемой художником действительности», то в живописи – элемент художественного языка [там же: 99]. «Языком» цвет называл и филолог и культуролог А. С. Зайцев [Зайцев 1986]. Он считал, что художник должен учиться языку, которым пользуется. Хотя в творчестве и есть элемент личного ощущения, творческого порыва, живопись всё же строится на объективных законах.

Получается, что «язык» цвета, с одной стороны, – инструмент живописи, который позволяет художнику передать видимый образ на холсте, с другой – набор значений. «Предметность» – то, как мы *помним* цвет и с чем его соотносим, во многом обуславливает его символическую или культурную составляющую. Символика, однако, «даже внутри одной культуры может меняться в зависимости от того, какой предмет выступает носителем цвета» [Косс 2018: 45], поэтому к универсальному «толкованию» цвета необходимо относиться с осторожностью.

С. М. Даниэль писал, что локальные цвета – характерная черта детского творчества. Локальные, или предметные, цвета – «более или менее устойчивые цветовые признаки, по которым мы узнаем и различаем предметы» [Даниэль 1990: 116]. Они получают широкую разработку в средневековой живописи, поскольку «употребление цвета» не могло быть произвольным, так как цвет входил в систему символических значений. Возрождение обращается к гармонии локальных цветов, а вот работа на пленэре приводит к развитию новых колористических проблем: внимание сосредоточивается на освещенности [там же: 125].

По словам К. Сен-Клер, «цвета существуют в культурном пространстве в той же мере, как и в физическом, поэтому составить их полный каталог труд сродни Сизифову». Даже привычное нам разделение на группы холодных и теплых цветов появилось лишь в XVIII в. «Есть свидетельства того, что в Средние века синий считался не просто “теплым”, но даже самым “горячим” цветом» [Сен-Клер 2018: 26].

Масштабное исследование в 80-х гг. показало, что «цветоделение» в разных языках происходит совершенно по-разному: «в корейском, например, желто-зеленый цвет обозначается отдельным словом, отличным от слова, обозначающего зеленый» [там же: 34]. Разногласия возникают и в символическом содержании. Даже если номинация цвета не вызывает расхождений (например, в большинстве случаев это можно сказать о белом цвете), заметна разница культурных ассоциаций с ним. Для одних белый тесно связан с представлениями о празднике, для других – напротив, может восприниматься как траурный,

связанный со скорбью, смертью. Такого рода различия можно провести не только между разными культурами, но и в рамках одной культуры и даже одной эпохи. Более того, подобные различия зачастую возникают и внутри одной эпохи и одной страны. А. С. Зайцев в своей работе «Наука о цвете и живопись» объясняет это явление пересечением религиозной символики с народной [Зайцев 1986: 88].

«Цвет – не столько природное явление, сколько сложная культурная конструкция, которая сопротивляется любой попытке обобщения, кроме анализа», – с этих слов медиевист М. Пастуро начинается его первая книга об истории цвета, посвященную синему [Пастуро 2015: 7]. В главе «Любимый цвет» историк приводит примеры особенностей восприятия (в этом случае синего) в различных национальных группах [там же: 98–101]. Он подчеркивает особую значимость культурно-исторического кода, который влияет в том числе и на «физиологическое» воздействие цвета. Так, японцам важна категория матовости или блеска, а в отдельных африканских социумах цвет может восприниматься как сухой, грустный или немой. Пастуро пишет: «Разделение цветов на теплые и холодные, на основные и дополнительные, спектр, хроматический круг, законы цветовосприятия и одновременного контраста – не вечные истины, а всего лишь этапы в непрерывно развивающейся истории познания» [Пастуро 2017: 14].

Таким образом, «культурный код» цвета объединяет в себе совокупность всех знаний и представлений о нем, в том числе «смысл», эстетическое и эмоциональное воздействие. Все они находят основу в психофизиологии восприятия, однако получают дальнейшее развитие в истории культуры и заметно трансформируются. Поскольку из всех культурных проявлений цвета нас в большей степени интересует то, как он «ведет себя» в художественной литературе, мы не можем упустить еще одно важное звено – особенности цветообозначений в лингвистической картине мира.

Согласно работам лингвиста А. Вежбицкой, цвет – «не универсальное человеческое понятие». Во всех языках есть слова, описывающие зрительное восприятие, однако это не означает, что в каждом из них мы найдем «самодостаточное семантическое поле» цвета [Вежбицкая 1996: 231–232]. Кроме того, в этой области невозможно установить точные соответствия между обозначениями в разных языках, поскольку их «палитра» существенно отличается (то, что в русском языке называется голубым, для германских

языков будет лишь видом синего, а в польском и сам синий «делится» на темно-синий и синий). Исследования физиков и нейрофизиологов, определяющих особенности восприятия длины световой волны и нейронных реакций, не помогают ответить на вопрос о семантике, считает Вежбицкая [там же: 239]. Так, теплота и холодность цвета для носителя языка определяется не столько его физическими характеристиками, сколько ассоциацией с природным «прототипом»: желтый кажется нам теплым, потому что это цвет солнца, красный – так как это цвет огня [там же: 264].

То, что физики и живописцы определяют как «локальный» или «предметный» цвет, отражается и в этимологии цветообозначений. Так, Вежбицкая указывает на происхождение корня «зеленый» в некоторых языках, связанное с живой зеленью, «влажной растительностью». Используя цветообозначения, мы ссылаемся на подобие явлений – автор выражает это формулой «когда люди видят что-то, подобное X-у, они могут подумать о ...» [там же: 266–267]. Связующим звеном между представлением цвета в мозгу и его языковым воплощением становятся понятия. Данные чувственного восприятия, как считает Вежбицкая, субъективны, «даже если они основаны на общечеловеческих психических реакциях», а вот понятия – универсальны [там же: 283–284].

А. А. Потебня отмечал, что из-за частоты повторения некоторые черты предметов «выступают ярче» (например, цвет золота по сравнению с его весом, звоном и т.д.), тем не менее, сталкиваясь с цветообозначением, человек видит «не один цвет, а цветной предмет», на что ясно указывают названия некоторых цветов: «как голубой есть цвет голубя, соловый – соловья, пол. *niebieski* – цвет неба» [Потебня 1989: 130, 143].

Несомненно, цветообозначения также могут претерпевать существенные изменения семантического порядка. Лингвист Н. Б. Бахилина считает, что привычные лексико-семантические группы названий цветов оформляются только к середине XVIII в. Для языка фольклора характерно использование цветообозначений в составе словосочетаний, в качестве устойчивых эпитетов. Важно, что они в значительной степени теряют свое прямое значение и не выражают цвет, а значит, как бы не являются цветообозначениями в полном смысле [Бахилина 1975: 265–266].

Таким образом, мы проследили несколько векторов изучения цвета в их последовательном развитии – от самых первых теоретико-филологических работ до современных культурологических и лингвистических исследований. Обратим-

ся к вопросу о том, какие функции и особенности цвета в большей степени интересуют филологов.

Среди исследований поэтики цвета есть те, которые посвящены семантике отдельно взятого цвета – его роль и функции прослеживаются на материале произведений разных авторов. К таким работам относится, например, статья «Белый цвет в русской культуре» Н. В. Злыдневой [Злыднева 2002: 424–431]. Однако зачастую литературоведы обращаются к анализу цвета в творчестве отдельно взятого автора или небольшой группы. Подходы к изучению часто зависят от тематических или жанровых особенностей материала.

Исследователи отмечают, что интерес к цвету или цветовым сочетаниям может быть характерен не только для отдельных писателей и поэтов, но и для некоторых художественных направлений или творческих объединений. В частности, подробно изучается с этой точки зрения творчество авторов Серебряного века. Большое число литературоведческих исследований по данной проблематике посвящено творчеству поэтов-символистов. Так, например, о поэтике цвета у А. Блока пишет в своих работах О. И. Горбунова (см. подробнее: [Горбунова 1999]). Она использует термин «изобразительная образность», говоря о визуальных и, в частности, цветовых образах и в качестве методологической базы опирается на труды А. Ф. Лосева [Лосев 1982: 31–65]. По мысли О. И. Горбуновой, особенности изобразительности в данном случае определяются подходом символистской эстетики.

Однако и в изучении более ранних произведений есть место анализу цветописи. Так, широко известна идея о преобладании желтого в описании интерьеров у Ф. М. Достоевского (см. подробнее: [Соловьев: 1979; Каленкова 1982: 9–12]). Одна из центральных работ по этой теме – книга С. М. Соловьева. Несмотря на то что она не фокусируется исключительно на исследуемой нами проблематике, нельзя не отметить, что Соловьев делает значимый вывод о роли цветообозначений в формировании мира романа «Преступление и наказание».

Довольно подробно изучен цвет в текстах И. А. Бунина [Мещерякова 2004: 110–115]. Н. П. Гусарова исследует семантику белого, связывая его с категориями чувственного восприятия [Гусарова 1993: 198–203]. Как и в случае с работами о желтом у Ф. М. Достоевского, автор выделяет из всей палитры одну группу оттенков, наиболее значимую для внутренней организации текста. Здесь используется еще один важный для нас способ: значение придается частотности цветоупотреблений. Важную роль играет не только

сам цвет, но и его обилие или недостаток в тексте, так как это указывает на особенности чувственного восприятия в отдельных эпизодах.

Н. Ю. Подгорная в своей статье «Символика цвета в рассказе Е. Замятина “Сподручница грешных”» выделяет несколько функций каждого цвета [Подгорная 2011: 48–50]. Тем самым в рамках одного произведения формируется классификация, которая, однако, не является универсальной. Т. Ю. Зими́на-Дырда в своей диссертации сравнивает использование цвета в художественном тексте и импрессионизм в живописи (см.: [Зими́на-Дырда 2011]). В качестве исследуемой категории она выбирает цветосветовые ядра. С точки зрения методологии имеет значение то, что в данном случае категории цвета и света объединяются.

Метод выделения групп (цветосветовых ядер, семантических полей цвета) используется достаточно широко (см.: [Носовец 2002]). Он позволяет выявлять связь с мотивами и образами, не обязательно при этом устанавливая нецветовые значения – символические и метафорические. В таком случае группы оттенков объединяются согласно их связи с темами, мотивами или образами.

В своей работе о цвете в творчестве В. Набокова исследователи В. Андреев, И. Романова, Л. Павлова и А. Королькова предлагают следующую методологию: первым шагом является выделение частотного словаря, включающего не только непосредственно цветообозначения, но и однокоренные слова, из которых затем формируются группы (см.: [Андреев и др. 2022]). Важно, что эти группы образуются в соответствии с цветовым значением, а не символическим или метафорическим (например, группа синего). На их основе формируется функциональный тезаурус.

Как видим, методологические подходы исследователей в значительной мере зависят от специфики автора, художественного направления и т. д. и заметно различаются. Изучение поэтики цвета, на наш взгляд, будет полным лишь в том случае, если учитывать не только готовые предписанные значения отдельно взятых цветов, но и в целом специфику их бытования в культуре.

На основе этих особенностей восприятия и употребления цвета в культуре мы можем углубить методологический подход к изучению поэтики цвета в художественном тексте и выявить несколько ключевых функций, которые цвет может выполнять в литературе.

Говоря о цвете, исследователи нередко останавливаются на терминах «символика цвета» или «цветовая символика». На наш взгляд, понимание цвета как символа не универсально, это один

из возможных, но далеко не единственный вариант выражения цвета в художественном мире текста. Под символом мы понимаем образ, обладающий предметным смыслом с целым спектром значений, по определению А. Ф. Лосева, «символ – функция бесконечности» [Поэтика: словарь... 2008: 226–227]. Для символа важен предметный план – он полностью самостоятелен.

Предметному воплощению, как и символу, необходимы детали. Цветная деталь в большинстве случаев – элемент портретного описания, интерьера или пейзажа. От символа ее отличает отсутствие самостоятельной семантики предметного плана и бесконечного множества значений. Цветовая деталь скорее соотносится с понятием предметного цвета, к которому мы уже обращались. Описываемые элементы могут быть повторяемыми. Повторяющийся цвет, в свою очередь, может обретать прочную связь с мотивом. Подобное проявление было изучено в контексте творчества Бунина (белый), Достоевского (желтый).

Функции цвета в тексте не ограничиваются исключительно указанными выше ролями. Кроме того, как уже упоминалось, он может быть связан с пространственной организацией и временем в произведении, может быть частью контрастных пар, подчеркивающих оппозиции в субъектной структуре. Выявляя отдельные роли цвета, мы можем рассматривать последний как важный элемент художественного мира, дополняющий его и рождающий новые смыслы. Различение функций цвета на основании того, как и в чем именно он проявляется в тексте, позволит нам более точно определить его роль в тексте.

Исследуя поэтику цвета, необходимо руководствоваться не только вариантами «толкования» значений цвета или личными ассоциациями. Анализируя художественный текст, важно помнить, что функции цветообозначений могут найти проявление на всех его уровнях. Для того чтобы изучение поэтики цвета было полным и системным, необходимо учитывать все способы наблюдения над цветом, а именно:

- обращать внимание на частотность цветообозначений в тексте;
- проследить связь предмета/персонажа и его цвета;
- проследить связь времени и пространства с цветовым решением;
- рассматривать цвет в связи с мотивом;
- сопоставлять историю употребления цвета и его устойчивые семантические особенности с функционированием в конкретном тексте.

С точки зрения лексики для нас важны не только различные способы описания одного и того же цвета или разных его оттенков, но и свойства отдельных цветовых характеристик. Так, связь цвета и света, как мы уже отмечали, рождает ряд дополнительных параметров, которые влияют на восприятие и описание оттенка: его яркость, текстура. К таким характеристикам можно отнести бледность, насыщенность, матовость, блеск.

Список литературы

- Андреев В. С. и др. Любовь моя разноцветная: интегрированная база данных «Цветонаименования в лирике Владимира Набокова» / В. С. Андреев, Л. В. Павлова, И. В. Романова, А. В. Королькова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022. 256 с.
- Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975. 287 с.
- Браэм Г. Психология цвета / пер. с нем. М. В. Крапивкиной. М.: АСТ: Астрель, 2009. 158 с.
- Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291.
- Волков Н. Н. Цвет в живописи. М.: Изд-во В. Шевчук, 2014. 359 с.
- Гёте И. В. Учение о цвете. Теория познания / пер. с нем. В. О. Лихтенштадта. 2-е изд. М.: URSS, 2011. 463 с.
- Горбунова О. И. Специфика образности А. Блока в контексте культуры серебряного века: изобразительный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999. 195 с.
- Гусарова Н. П. Белый цвет в произведениях И. Бунина // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 198–203.
- Даниэль С. М. Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л.: Искусство (Ленингр. отд-ние), 1990. 223 с.
- Зайцев А. С. Наука о цвете и живопись. М.: Искусство, 1986. 159 с.
- Зими́на-Ды́рда Т. Ю. Поэтика цвета и света в прозе И. А. Бунина, П. А. Нилуса и А. М. Фёдорова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 227 с.
- Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2002. С. 424–431.
- Иттен И. Искусство цвета / пер. с нем. Л. Монаховой. 4-е изд. М.: Д. Аронов, 2007. 138 с.
- Каленкова О. Н. Цветовая гамма в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Русская речь. 1982. № 1. С. 9–12;

- Кандинский В. О духовном в искусстве. М.: РИПОЛ классик, 2016. 254 с.
- Косс Ж. Цвет. Четвертое измерение / пер. с фр. Е. Тарусиной. М.: Синдбад, 2018. 237 с.
- Лосев А. Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л., 1982. С. 31–65.
- Матюшин М. В. Справочник по цвету: закономерность изменяемости цветовых сочетаний / вступ. ст. Л. А. Жадовой. М.: Аронов, 2007. 72 с.
- Мещерякова О. А. О цветообозначении в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Вопросы лексики и фразеологии русского языка. Орел, 2004. С. 110–115.
- Носовец С. Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте: Цикл рассказов «Весна в Фиальте»: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2002. 249 с.
- Оствальд В. Ф. Искусство цвета. Цветоведение: теория цветового пространства / пер. с нем. З. О. Мильмана. М.: АСТ, 2021. 366 с.
- Пастуро М. Синий: История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 144 с.
- Пастуро М. Черный: история цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 168 с.
- Подгорная Н. Ю. Символика цвета в рассказе Е. Замятина «Сподручница грешных» // Культура народов Причерноморья. 2011. № 206. С. 48–50.
- Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. 358 с.
- Сен-Клер К. Тайная жизнь цвета / пер. с англ. А. В. Соловьева. М.: Эксмо: Бомбора, 2018. 319 с.
- Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского: очерки. М.: Сов. писатель, 1979. 352 с.
- Wierzbicka A. Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya [Color Designations and Universals of Visual Perception]. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996, pp. 231–291. (In Russ.)
- Volkov N. N. *Tsvet v zhivopisi* [Color in Painting]. Moscow, Publishing House of V. Shevchuk, 2014. 359 p. (In Russ.)
- Goethe J. W. *Uchenie o tsvete. Teoriya poznaniya* [Theory of Colors. Theory of Cognition]. Transl. from German by V. O. Likhtenshtadt; 2nd ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2011. 463 p. (In Russ.)
- Gorbunova O. I. *Spetsifika obraznosti A. Bloka v kontekste kul'tury serebryanogo veka: izobrazitel'nyy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [The specifics of imagery in A. Blok's texts in the context of the culture of the Silver Age of Russian poetry: A visual aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Ivanovo, 1999. 195 p. (In Russ.)
- Gusarova N. P. Belyy tsvet v proizvedeniyakh I. Bunina [White Color in the Works of I. Bunin]. *Voprosy teorii i istorii yazyka* [Issues of Language Theory and History]. St. Petersburg, 1993, pp. 198–203. (In Russ.)
- Daniel S. M. *Iskusstvo videt': O tvorcheskikh sposobnostyakh vospriyatiya, o yazyke liniy i krasok i o vospitanii zritelya* [The Art of Seeing: On Creative Abilities of Perception, the Language of Lines and Colors, and the Education of the Viewer]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1990. 223 p. (In Russ.)
- Zaitsev A. S. *Nauka o tsvete i zhivopis'* [The Science of Color and Painting]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 159 p. (In Russ.)
- Zimina-Dyrda T. Yu. *Poetika tsveta i sveta v proze I. A. Bunina, P. A. Nilusa i A. M. Fedorova*. Diss. kand. filol. nauk [Poetics of color and light in the prose by I. A. Bunin, P. A. Nilus, and A. M. Fedorov. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 227 p. (In Russ.)
- Zlydneva N. V. Belyy tsvet v russkoy kul'ture XX veka [White Color in Russian Culture of the 20th Century]. *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [Sign-driven Space of Culture]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 424–431. (In Russ.)
- Ittens J. *Iskusstvo tsveta* [The Art of Color]. Transl. from German by L. Monakhova; 4th ed. Moscow, D. Aronov Publ., 2007. 138 p. (In Russ.)
- Kalenkova O. N. Tsvetovaya gamma v 'Prestuplenii i nakazanii' F. M. Dostoevskogo [Color Palette in 'Crime and Punishment' by Fyodor Dostoevsky]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1982, issue 1, pp. 9–12. (In Russ.)
- Kandinsky W. *O dukhovnom v iskusstve* [Concerning the Spiritual in Art]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2016. 254 p. (In Russ.)

References

- Andreev V. S. et al. *Lyubov' moya raznotsvetnaya: integrirovannaya baza dannykh 'Tsvetonaimenovaniya v lirike Vladimira Nabokova'* [My Colorful Love: Integrated Database of Color Names in Vladimir Nabokov's Poetry]. Smolensk, Smolensk State University Press, 2022. 256 p. (In Russ.)
- Bakhilina N. B. *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [History of Color Designations in the Russian Language]. Moscow, 1975. 287 p. (In Russ.)
- Braem H. *Psikhologiya tsveta* [The Psychology of Color]. Transl. from German by M. V. Krapivkina. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2009. 158 p. (In Russ.)

Causse J. G. Tsvet. Chetvertoe izmerenie [Color: The Fourth Dimension]. Transl. from French by E. Tarusina. Moscow, Sindbad Publ., 2018. 237 p. (In Russ.)

Losev A. F. Problema variativnogo funktsionirovaniya zhivopisnoy obraznosti v khudozhestvennoy literature [The problem of variable functioning of pictorial imagery in fiction]. *Literatura i zhivopis'* [Literature and Painting]. Leningrad, 1982, pp. 31–65. (In Russ.)

Matyushin M. V. *Spravochnik po tsvetu: zakonornost' izmenyaemosti tsvetovykh sochetaniy* [A Handbook on Color: Variability of Color Combinations]. Moscow, Aronov Publ., 2007. 72 p. (In Russ.)

Meshcheryakova O. A. O tsvetooboznachenii v tsikle rasskazov I. A. Bunina 'Temnye allei' [On color designation in the cycle of stories by I. A. Bunin 'Dark Avenues']. *Voprosy leksiki i frazeologii russkogo yazyka* [Issues of Lexicology and Phraseology of the Russian Language]. Orel, 2004, pp. 110–115. (In Russ.)

Nosovets S. G. *Tsvetovaya kartina mira Vladimira Nabokova v kognitivno-pragmaticheskom aspekte: Tsikl rasskazov 'Vesna v Fialte'*. Diss. kand. filol. nauk [Vladimir Nabokov's color picture of the world in the cognitive-pragmatic aspect: The cycle of stories 'Spring in Fialta'. Cand. philol. sci. diss.]. Omsk, 2002. 249 p. (In Russ.)

Ostwald W. *Iskusstvo tsveta. Tsvetovedenie: teoriya tsvetovogo prostranstva* [The Color Primer: Col-

or Theory]. Transl. from German by Z. O. Milman. Moscow, AST Publ., 2021. 366 p. (In Russ.)

Pastoureau M. *Siniy: Istoriya tsveta* [Blue: The History of a Color]. Transl. from French by N. Kulish. Moscow, New Literary Observer Publ., 2015. 144 p. (In Russ.)

Pastoureau M. *Chernyy: Istoriya tsveta* [Black: The History of a Color]. Transl. from French by N. Kulish. Moscow, New Literary Observer Publ., 2017. 168 p. (In Russ.)

Podgornaya N. Yu. Simvolika tsveta v rasskaze E. Zamyatina 'Spodruchnitsa greshnykh' [The symbolism of color in E. Zamyatin's story 'The Protectress of Sinners']. *Kultura narodov Prichernomorya* [The Culture of the Peoples of the Black Sea Coast], 2011, issue 206, pp. 48–50. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Slovo i mif* [The Word and the Myth]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 624 p. (In Russ.)

Poetika: Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy [Poetics: A Glossary of Relevant Terms and Concepts]. Ed. N. D. Tamarchenko. Moscow, Publishing House of Kulagina: Intrada, 2008. 358 p. (In Russ.)

St. Clair K. *Taynaya zhizn' tsveta* [The Secret Lives of Color]. Transl. by A. V. Solov'eva. Moscow, Eksmo, Bombora Publ., 2018. 319 p. (In Russ.)

Solov'ev S. M. *Izobrazitel'nye sredstva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: ocherki* [Artistic Means in the Works of Fyodor Dostoevsky: Essays]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1979. 352 p. (In Russ.)

Poetics of Color as a Tool for the Analysis of a Literary Text

The work was carried out as part of the Russian State University for the Humanities' project 'The category of intermediality: literature and visual arts' (contest 'Student research teams of the Russian State University for the Humanities')

Maria A. Misnik

Master's Student at the Department of Theoretical and Historical Poetics

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya ploshchad, Moscow, 125993, Russian Federation. mmisnikmaria@gmail.com

SPIN-code: 6337-7408

Submitted 15 Apr 2023

Revised 04 Sep 2023

Accepted 08 Dec 2023

For citation

Misnik M. A. Poetika tsveta kak instrument analiza khudozhestvennogo teksta [Poetics of Color as a Tool for the Analysis of a Literary Text]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 137–145. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-137-145 (In Russ.)

Abstract. The paper discusses methodological approaches to the study of the poetics of color in literary texts. To identify the methodology, the study consistently examines the process of the formation of ideas about color, takes into account and systematizes existing approaches to its analysis, in particular, those based on the peculiarities of the existence of color in culture and the semantics of color terms. The starting points for the analysis of the functions and role of color in a literary text are the frequency of use, color or color-light cores, and the grouping of color terms according to their symbolic or metaphorical meanings. Much attention is paid in the paper not only to literary works but also to works on the theory of color and color perception. The mechanisms of perceiving and associating color are of particular interest, since they make it possible to assess the universality of colored images in art. A study of the poetics of color must not be guided solely by interpretation of color meanings or personal associations. Significantly, the semantics of color, due to its cultural existence, does not limit the functions of color in a literary text, but complements the contextual meaning and role of color. In an analysis of a literary text, it is important to remember that the functions of color can be manifested on all the levels of the text. For a study of the poetics of color to be complete and systematic, it is necessary to take into account all the methods of observing color, and one of the tasks of the present research is to identify these methods. It is proposed to distinguish between the concepts of symbol and detail in relation to color. Color should be considered separately in relation to motifs, spatial and temporal organization, and subjective structure. Distinguishing the individual roles of color allows us to consider it as a significant element of the artistic world, complementing it and providing additional ways of understanding and interpreting.

Key words: poetics of color; color symbolism; detail; local color; color naming.

УДК 821.161.1-7

doi 10.17072/2073-6681-2024-1-146-156

EDN GJHDDX

Дихотомии анализа комического текста

Илья Юрьевич Роготнев**к. филол. н., доцент кафедры русской литературы****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. rogotnev05@mail.ru

SPIN-код: 6494-6013

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-6180>

ResearcherID: B-3312-2017

*Статья поступила в редакцию 01.09.2023**Одобрена после рецензирования 17.12.2023**Принята к публикации 19.12.2023***Информация для цитирования***Роготнев И. Ю. Дихотомии анализа комического текста // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 146–156. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-146-156*

Аннотация. Статья посвящена вопросам поэтики комического, основное внимание уделяется категориям анализа отдельных комических сегментов. Обращение к специальной литературе показывает, что комическое произведение может быть описано не только как эстетический феномен, но и как когнитивная конструкция и особая символическая практика, что позволяет проводить дифференцирование комических элементов по различным критериям. Медленное прочтение комического фрагмента показывает, что относительно небольшой объем текста может содержать множество комических компонентов, между которыми можно обнаружить структурные, содержательные и прагматические различия. Комический текст рассматривается в рамках набора дихотомий: активный смех – редуцированный смех, сатира – юмор, комическая девиация – нонсенс, простой комизм – сложный комизм. Анализ примеров редуцированного смеха (термин М. М. Бахтина) показывает, что редукция комического часто бывает связана с утратой или неполной реализацией в сегменте особой интердискурсивности. Осмысление дихотомии сатиры и юмора требует учитывать многообразие интенций, реализуемых в сатире: она может не только высмеивать аномальные объекты, но и деструктировать норму. Среди аномалий, лежащих в основе комической игры, можно выделить девиации (смещения от нормы) и нонсенсы (бессмыслицы). Комизм, основанный на нонсенсе, требует особых интерпретативных сценариев (скриптов), в частности предлагается различать собственно нонсенс и абсурд. Выделение сложных по структуре выражения комизмов существенно осложняет вопрос о количественном анализе комического: объемы комических сегментов и комических эффектов принципиально не совпадают.

Ключевые слова: комическое; анализ текста; сатира; юмор; нонсенс; Н. В. Гоголь.

Постановка проблемы

Настоящее исследование исходит из одного эмпирического факта: комическое дискретно – об этом свидетельствует, например, закадровый смех в юмористических телешоу. На наш взгляд, это простое наблюдение до настоящего времени не получило всестороннего теоретического

осмысления, особенно в области литературоведческой поэтики. Безусловно, анализу в специальных работах часто подвергаются отдельные «смешные места» текста, однако до сих пор, кажется, не было предложено даже термина для обозначения таких элементов комического целого.

В российском литературоведении продуктивно исследуются художественные стратегии создания комического целого, комическое рассматривается в его миромоделирующих и мирозерцательных аспектах. Среди работ последнего десятилетия в этой связи назовем монографии Л. Ю. Фуксона [Фуксон 2016] и Г. А. Жиличевой [Жиличева 2021], развивающие идеи В. И. Тютю о комическом, сатире, иронии как модусах художественности (способах художественного мышления) [Тютю 2008]. Выявление мирозерцательных оснований комического произведения – лейтмотив советской науки о комическом. Возможно, наиболее недооцененным исследователем этого вопроса остается Л. Е. Пинский, задумавшийся о теологическом/метафизическом содержании литературного юмора, см.: [Козинцев 2019]. Настоящее исследование лишь по касательной затрагивает вопросы поэтики и герменевтики комического целого и сосредоточивается на анализе комического как части.

Цель настоящей статьи – предложить подход к исследованию комических единиц, или комизмов (во множественном числе – именно так мы предлагаем обозначать «места», в которых текст предлагает смеяться), на материале творчества Н. В. Гоголя, пользующегося славой самого смешного русского комического писателя.

По нашему убеждению, всякий «смешной» момент можно локализовать в конкретном фрагменте речевой цепочки – как то самое «место, в котором можно смеяться». Соответствующий семиотический сегмент и порожденный им комический эффект мы и будем выделять как отдельный комизм. Комизмы собственно лингвистического уровня (комика в языке, тексте, дискурсе) достаточно подробно исследовались с различных позиций [Raskin 1985; Санников 2002; Логический... 2007 и др.]. Нам хотелось бы предложить категории анализа, применимые в ракурсе теоретической поэтики и, шире, теории искусства – при анализе в том числе комических эффектов во внутреннем мире художественного произведения.

Обзор литературы

Основу комического принято видеть в несоответствии изображаемого объекта некоторой ментальной норме – глубоко воспринятой субъектом, включающей в себя правила языка и логики, принципы этикета, эстетические ожидания, культурные коды и т. п. В основе всякого комизма – аномалия, прочитанная на фоне Нормы; написание с прописной буквы призвано в данном случае подчеркнуть, что речь идет о фундамен-

тальном аспекте субъективной жизни – о нормативном измерении нашей когнитивной деятельности и символической вселенной. В предложенном понимании основ смехового поведения мы следуем за целым рядом авторитетных специалистов; в частности, сходные идеи развиваются в работах: [Дземидок 1974; Пропп 1976: 43–48; Козинцев 2007a].

Изучение комического как эстетической категории, основанной на созерцании субъектом «отрицательных сторон» действительности, глубоко укоренилось в отечественной гуманитарии. Остановимся на некоторых концепциях, которые описывают комический феномен не со стороны созерцания, но скорее как когнитивную структуру и символическую практику.

Значительные результаты были достигнуты в области лингвистического анализа юмора, в частности в теории семантических скриптов, сформулированной В. Раскином и представленной, в частности, в работах С. Аттардо. Согласно этой концепции, всякий юмористический текст (точнее, микротекст, текст шутки) совместим, «полностью или частично», в своей семантической структуре с двумя скриптами (фреймами, сценариями), причем эти скрипты противопоставлены друг другу [Raskin 1985: 99]. Скриптом С. Аттардо называет интернализированный субъектом комплекс предзнаний о некотором жизненном «единстве», будь то «объект (реальный или воображаемый), событие, действие, качество и т. д.» [Attardo 2001: 2]. Скрипт содержит информацию о том, как структурирован феномен, из каких частей он состоит и проч. Исследователи стремятся описывать скрипты юмористического текста как тесно связанные с лексическими значениями (лексическая семантика как бы «запускает» скрипт). Очевидно, что многие юмористические тексты могут быть интерпретированы в этой модели, однако, как показывает Г. А. Козинцев, не каждый юмористический текст реализует оппозицию и смену скриптов, как и не всякий текст, построенный по этой модели, является юмором [Козинцев 2013: 144–145].

Определенным образом с семантической теорией юмора перекликается дискурсивная теория сатиры, предложенная П. Симпсоном. Всякий сатирический дискурс имеет дело с предполагаемым или реальным дискурсивным событием (текстом, жанром или регистром дискурса), который выступает как первичный момент, *прайм* [Simpson 2003: 8]. Ключевым же моментом сатирического текста является *диалектика* как «антитезис» прайма; прайм и диалектика образуют оппозицию, каждый член которой апеллирует к

различным ресурсам знания [Simpson 2003: 9], за счет чего возникают парадоксальные семантические и прагматические эффекты.

Исследование П. Симпсона в целом определяется представлением о сатире как дискурсе, основанном на особых конвенциях, к которому не применимы базовые правила коммуникации (максимы искренности, уместности, правдивости). Согласно концепции П. Симпсона, сатира всегда работает с другим дискурсом; ее основной символической техникой мы, таким образом, должны считать иронию. Сегодня под иронией принято понимать не просто тип переноса значения, но особую речевую/дискурсивную технику, чему посвящено несколько основательных исследований, например [Colebrook 2004; Шатуновский 2007; Ермакова 2011 и др.]. Ирония интердискурсивна в том смысле, что она отсылает к другому (иногда исключительно умозрительному) дискурсивному событию, чтобы проблематизировать почерпнутые из него значения, инвертировать и травестировать их, придавая слову кардинально иную, вплоть до противоположной, семантическую направленность.

Анализ конфликта дискурсивных моментов (*прайм – диалектика*) представляется, по меньшей мере, не менее продуктивным, чем изучение оппозиции скриптов. Уже М. М. Бахтин рассматривал комический стиль как принципиально «двуголосое», разноречивое слово. В речевой стихии народной площади происходило, согласно Бахтину, «передразнивание всех “языков” и диалектов, <...> велась живая игра “языками” поэтов, ученых, попов, рыцарей и др., где все “языки” были масками и не было подлинного и бесспорного языкового лица» [Бахтин 2012: 26].

А. Г. Козинцев поддерживает бахтинский подход и считает, что специфическая «двуголосость» составляет основу всякого юмора, для которого необходима фигура «сказчика» – радикальная пародийная маска, карикатура на речь и мышление [Козинцев 2013]. В то же время исследователь настаивает на строгом различии между юмором и иронией: «юмор не изменяет прямой смысл, а уничтожает его, не предлагая взамен ничего» [Козинцев 2007б: 240], в то время как ирония отрицает прямой смысл высказывания и утверждает противоположный. Необходимым для юмористического текста оказывается элемент пародии, причем фундаментальной по своему предмету – это пародия на язык и культуру в целом. Юмористический «сказ» может включать в себе взгляд «сверху вниз» (с позиции культуры на докультурное наследие человека) либо «снизу вверх» (с позиции докультурного

человеческого естества на человека культурного) [Козинцев 2013: 157 – 158].

Таким образом, в комическом обнаруживается не оппозиция семантических скриптов, но ошибка дискурсивных событий, голосов, социальных кругозоров, а то и двуголосие природно-культурной сущности человека. Возможно, имеет смысл рассматривать чистый юмор («уничтожение» смысла) и иронию как два полюса комического в интердискурсивном измерении, а между ними расположить феномены собственно пародийные и пародические. **Ирония** «передразнивает» конкретное слово, реплику, оценку – произнесенные или потенциальные. **Пародия** комически отсылает не к высказыванию, но к целому стилю, жанру, манере – дискурсивной регулярности. **Юмор** в «чистом виде», как понимает его А. Г. Козинцев, «передразнивает» дискурс как таковой. В этом случае «несмешная» ирония (например: *Хорошая погода!* – о проливном дожде) утрачивает «двуголосие» и может рассматриваться разве что как форма «редуцированного смеха»: семантический конфликт здесь обнаруживается, но дискурсивной «диалектики» в этом случае нет. Можно предположить, что комическое оставляет (причем не всегда) след на уровне фрейма/скрипта, но не на этом уровне определяется.

Проанализировав множество разнородных произведений, созданных в английский «золотой век сатиры», Э. Маршалл приходит к выводу о фундаментальной неполноте расхожих концепций и дефиниций сатирического, основанных на анализе «канонических» текстов и не учитывающих подлинного многообразия произведений, которые рассматривались в качестве сатирических авторами и их читателями-современниками. Э. Маршалл предлагает выработать в отношении сатиры гибкую дескриптивную стратегию. Во всех форматах сатирического текста обнаруживается «критика», направленная на самые разнообразные социальные объекты: от конкретных людей до моделей поведения. Критика вовсе не обязательно носит характер «атаки» на предмет, но обязательно сопряжена с некоторым эксцентричным субъективным отношением к предмету: искажением его, насмешкой над ним [Marshall 2013: 3]. Предмет своего исследования Э. Маршалл обозначает как «практику сатиры», т. е. как употребление и манифестации сатирического в конкретных социокультурных контекстах [ibid.: 5]. Анализ такой практики должен учитывать различия в реализации трех моментов сатирического: 1) мотива/намерения (из личной неприязни сатирика, его желания защитить свои ценности, про-

теста против несправедливости и др.), 2) суждения (резкое отрицание, требование к изменению, сочетание хвалы и хулы и др.), 3) интенсивности (от озлобленного до «чисто комического» отношения к предмету) [Marshall 2013: 31–33].

Мы также исходим из потребности различать функции и модусы комического, однако сосредотачиваемся на формальных и содержательных различиях не только между текстами или развернутыми текстовыми фрагментами, но и между отдельными смешными местами (комизмами). Смеховая игра принципиально контингентна: она оперирует множеством комических эффектов, создавая сложно организованную партию, в которой можно проследить авторскую стратегию.

Имеет смысл уточнить, что микроанализ комического понимается нами как очень специальная процедура – как фиксация комизмов и их описание в ограниченном наборе категорий. Попытку «микрофилологического анализа» сатирического текста предпринимает О. Л. Довгий. В работах этого исследователя комическое, однако, специально не рассматривается, а микроанализ реализуется как наблюдения над структурными связями, возникающими между языковыми единицами: фонемами, морфемами, словами, семами и др. – в корпусе стихотворных сатир А. Д. Кантемира [Довгий 2018].

Микроанализ

Для демонстрации принципа микроанализа как анализа комизмов возьмем небольшой фрагмент из гоголевского «Театрального разъезда».

Господин Б. <...> Разве не попадаете гусь и между статскими советниками?

Господин П. Ну уж, брат, это слишком. Как же может быть гусь действительный статский советник? Ну, пусть еще титулярный... Ну, ты уж слишком. <...>

Господин П. (продолжая). И потом опять, что за чепуху он наговорил здесь? Говорит, действительный статский советник может быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить... (Гоголь: V, 150, 152).

Рассмотрим комическое в реплике Господина П. С его точки зрения, *действительный статский советник* не может быть *гусь*: персонаж смешивает прямое и переносное значения слова. Можно предположить, что протестует он против *гуся* потому, что сам является действительным статским советником либо страдает гипертрофированным чинопочитанием. Это усиливает комизм, добавляет к нему сатирическую краску. Комизм, будучи аномалией (в данном случае он основан на нарушении принципа толкования ме-

тафоры), целит в социальный объект – самолюбие/чинопочитание. Господин П. при этом готов допустить, что *титулярный советник* может быть *гусем*. В этом суждении Господин П. противоречит собственной трактовке *гуся* в прямом значении. В своем непонимании персонаж, между прочим, обновляет стертые значения топоса, общего места (инвективная метафора *гусь* подчеркивает некоторые аномальные свойства у человека). Возмутившись этой метафорой, Господин П. невольно признается в том, что применил метафору к себе или к дорожному для него объекту. Итак, смешна (точнее мы предпочли бы здесь сказать *забавна*) топицеская (узуальная) метафора, оживающая в недоумении Господина П.; смешон, далее, способ критики метафоры; смешно, наконец, несоответствие этому способу следующего суждения (вновь обличающее узость мышления персонажа). Смешно и то, что Господин П. без толка повторяет сказанное. Есть и еще один, более утонченный, источник смешного. Разговор господ, как можно предположить, касается пьесы «Ревизор», в 5 действии которого читаем:

Коробкин (читая [письмо Хлестакова к Тряпичкину]). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника – совершенная свинья в ермолке».

Артемиий Филиппович (к зрителям). И не остроумно! свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке? (Гоголь: IV, 92).

Дополнительный комизм рассуждениям Господина П. придает то, что он воспроизводит структуру нелепого защитного аргумента Земляники – возвращаясь с премьеры «Ревизора»!

Если попытаться посчитать отдельные комические сегменты, то мы сможем выделить 3 комизма: 1) Как же может быть гусь действительный статский советник? 2) Ну, пусть еще титулярный... 3) Говорит, действительный статский советник может быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить... (третий комизм состоит в навязчивом повторении уже произнесенной глупости). Исходную инвективную метафору (*гусь*) оставим пока в стороне: она, с нашей точки зрения, входит в мощный слой забавного – так сказать, редуцированной комики. Рассмотрим прочие комизмы, заключенные не в грамматике, семантике, стилистике или фонике, но в отношениях и свойствах персонажей, а потому целиком принадлежащие производному слою произведения: 4) обида Господина П. на совершенно нейтральное замечание (*Разве не попадаете гусь и между статскими советниками?*), 5) повторение Господином П. формулы нелепого умозаключения Земляники, которое Господин П. мог только что

слышать со сцены. Комизмы (4) и (5), во-первых, носят комплексный характер: эти аномалии выражены в сегментах, которые одновременно реализуют другие аномалии. Во-вторых, эти сложные комизмы имеют непосредственное отношение к сфере ключевых авторских идей: в «Театральном разъезде» Гоголь пытается осмыслить причины непонятости его комедии, а также дать ключи к верному её толкованию. Зритель «применяет» сатирические образы к чинам, сословиям, власти и государству в целом, но не к собственной личности. Господин П. обиделся за себя как за носителя служебного ранга, но не увидел в себе исследуемых писателем пороков, т. е. не воспользовался сатирой по назначению. Между тем «замысел Гоголя» как комедиографа заключался в том, чтобы «вовлечь зрителя в спектакль, дать почувствовать, что страсти и пороки чиновников, выведенных на сцене, есть в душе каждого из нас» [Воропаев 2019: 125].

Рассмотрим типы обыгрываемых аномалий. Все комизмы, кроме (2), имеют в основе девиацию (отклонение от Нормы, смещение). Комизм (2) представляет собой нонсенс, алогизм: статским советником гусь быть не может, а титулярным – может.

Все 5 выделенных нами комизмов носят насмешливый/обличительный характер. Они обличают пошлость, самодовольство и глупость Господина П. Однако лишь комизмы (4) и (5) прямо отсылают к авторской сверхзадаче; она, таким образом, скрыта в глубине комического. Это ставит перед нами вопрос об иллюкутивном ранжировании комизмов, неоднородном распределении иллюкутивной силы по их совокупности. В целом же мы должны признать, что, взятое как множество комизмов одного текста, комическое не подчиняется какой-то одной структурной или смысловой тенденции.

Итак, микроанализ позволяет поставить ряд вопросов о специфике комизма, которые мы обозначим как ряд дихотомий: 1) забавное – смешное, 2) сатира – юмор, 3) девиация – нонсенс, 4) простой комизм – сложный комизм. По поводу каждой из этих дихотомий сделаем ряд замечаний.

Забавное – смешное

В первом приближении забавное располагается в пограничье между нормальным и аномальным. При его описании считаем возможным воспользоваться термином М. М. Бахтина – *редуцированный смех*: «Редуцированный смех лишен непосредственного выражения, так сказать, “не звучит”, но его след остается в структуре образа

и слова, угадывается в ней. Перефразируя Гоголя, можно говорить про “невидимый миру смех”» [Бахтин 2002: 129].

Редукция смеха может быть связана как со слабой проявленностью аномалии, так и с недостаточной строгостью Нормы. Так, целый ряд речевых аномалий воспринимается как смешное носителями речевого стандарта и слабо ощущается иными носителями языка. Об Осипе из «Ревизора» сказано: *не любит много говорить и молча плут* (Гоголь: IV, 10). Здесь, вообще говоря, мы имеем дело с так называемой авторской речью, а такой автор, как Гоголь, обращается с литературной нормой достаточно вольно. Поэтому восприятие этого места как аномалии возможно при двух условиях: понимания читателем грамматической несообразности в словосочетании *молча + плут* и восприятия данного нарушения как ощутимой аномалии на фоне в целом очень своеобразной гоголевской речи.

Приведем пример речевого нарушения, который кажется нам скорее смешным, чем забавным, потому как аномалию ощущают едва ли не все носители языка: *Вот я тебя сведу в полицию... Вот ты увидишь! А невесте скажи, что она подлец!* (Гоголь: V, 44).

Граница между забавным и смешным, безусловно, субъективна. Анализируя пограничные случаи, мы глубже входим в диалектику Нормы и аномалии. Посмотрим, однако, на проблему редуцированного смеха с позиций дискурсивной диалектики, с учетом реализации комической интердискурсивности. Мы предположили, что «несмешная ирония» связана с утратой ироническим словом «двуголосия» при сохранении семантического механизма переноса значения. Сходный феномен отмечает Н. Б. Мечковская, размышляя о различиях между смешным в языке и речи: «Узуальное смешное – те легкие, но постоянные (в синхронии уже не обусловленные ситуацией или контекстом) оценочные оттенки в содержании слов и фразем, о которых словари сигнализируют пометами *шутливое* и *ироническое*. Эти оттенки не обладают цельностью и заметностью речевой шутки; они мельче и скромнее» [Мечковская 2007: 142–143]. В терминах настоящего исследования «узуальное смешное» следует признать разновидностью забавного, т. е. формой редуцированного смеха. Редукция здесь происходит, как и в случае с несмешной иронией, за счет утраты языковой единицей смеховой интонировки, принадлежности речевой маске комического сказчика. Мы не рассматриваем словосочетание *молча плут* как смешное, если считаем его монологичным, хоть и нарушающим

литературный речевой стандарт, авторским словом. Если же мы воспринимаем его как игру с литературным языком, как переигрывание правил грамматики («общего языка» как предмета комической объективации, см.: [Бахтин 2012: 26–27]) – мы относим этот пример к разряду смешного. Выражаясь в бахтинских терминах, в первом случае смех потенциально заключен «в структуре образа и слова», а во втором – «звучит».

Таким образом, слой комики, который мы называли «забавным», содержит «монологизированные» (лишенные двойной огласовки) аномалии.

Сатира – юмор

В отечественной эстетической традиции принято различать в качестве основных типов комического сатиру и юмор. Так, Д. Д. Николаев утверждает: «...главным при разграничении сатирических и юмористических произведений является авторская установка: в первом случае – на обличение, во втором – прежде всего на достижение комического эффекта» [Николаев 1993: 17]. В свете этих соображений комику юмористическую мы также будем называть рекреационной, а сатирическую – насмешливой, обличительной.

В структуре крупных сатирических, т. е. обличительных (насмешливых), произведений, таких как «Ревизор», мы обнаружим немало чисто «юмористических», «добродушных» комизмов. Рассмотрим известный фрагмент, в котором городничий рассуждает о поведении педагогов местного училища:

Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взойдя на кафедру, не сделать гримасу, вот так (делает гримасу), и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить... (Гоголь: IV, 15).

Выделим комизмы, носящие насмешливый характер: 1) неразличение городничим паронимов (вероятно, он путает *коллегии* с *коллежами*), 2) его гримасничанье, 3) нелепое умозаключение: «может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить» – всё это подчеркивает низкий уровень культуры чиновника. А вот описание преподавателя трудно прочесть как обличение – здесь гримасы преподавателя и его же-

стикуляция, не без иронии названные *поступки, натурально неразлучные с ученым званием*, поданы вполне добродушно, в рекреационном ключе.

Сложнейшим вопросом остается описание большого пласта комических феноменов, которые несут идеологическую нагрузку, однако последняя выходит за рамки критики объекта, его высмеивания. Именно этот пласт комического исследовал М. М. Бахтин в своих работах о карнавализованной литературе и менипповой сатире. Здесь мы ограничимся тезисом о соседстве в сатирической литературе комизмов насмешливых и комизмов, так сказать, деконструирующих. Если первые направлены на критику аномалии, то вторые – скорее атакуют Норму.

Основные комизмы гоголевских «Записок сумасшедшего» в целом связаны с аномальным состоянием героя, его бредом и галлюцинациями. Трудно предположить, что Н. В. Гоголь с помощью насмешки обличал безумие, психический недуг. По-видимому, здесь использован комизм, типологически близкий юродству; Ю. В. Манн обнаруживает тот же тип литературного смеха в «Шинели». Общность стратегии юродивого и автора «Шинели» заключается в том, что каждый из них провоцирует смех, обличающий скорее самого смеющегося, – смех, который этически может быть оценен как *грех* [Манн 1995]. Башмачкин и Поприщин смешны лишь для менталитета обывателя, который взывается к духовному просветлению и состраданию. Обличение аномальных объектов в этих текстах затрагивает лишь некоторый слой комизмов – в своем целом комика обсуждаемых повестей осуществляет философскую истину «Познай самого себя», т. е. в данном случае – свою Норму; «Записки сумасшедшего» и «Шинель» призывают нас осмыслить с этических позиций нормативные основания нашей ментальности. Эти случаи «сатиры» являются, по сути, текстами с деконструирующим типом комизма как идейно-стилевой доминантой.

Девияция – нонсенс

Возможность различать девияцию и нонсенс как типы комических аномалий связана с внутренней дифференцированностью самой Нормы, которая объединяет представления о том, что должно быть, и о том, что может быть. Хрестоматийный образ из «Ревизора» – унтер-офицерская вдова «сама себя высекла» – мы, при всей его экстравагантности, считаем комизмом-девиацией: рассматриваемый комизм лишь отклоняется от нормы здравого смысла (такого не должно быть), но не «ломает» символическую вселенную. Приведем другой пример: *Фамилия чинов-*

ника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменив только раза три в год подметки (Гоголь: III, 142). Момент откровенного нонсенса видится нам в сегменте: *и даже шурин*. Во-первых, шурина, т. е. брат жены, вряд ли мог носить ту же фамилию. Во-вторых, у холостяка Башмачкина попросту не могло быть шурина. Этот комизм мы назвали бы нонсенсом (такого быть не может).

При анализе комизма-нонсенса следует иметь в виду, что комическое есть всегда контекстуализация, «употребление» аномалии в системе определенной поэтики. До своего воплощения в художественном целом аномалия имеет некоторое множество потенций своей реализации. Речь идет о возможности рассматривать образцы бессмыслицы вне конкретного художественного контекста, как бы в качестве чернового материала; например, в записных книжках Чехова имеется запись о гостиничном счете, содержавшем графу «клопы 15 копеек» [Чуковский 1967: 164], – этот нонсенс не был воплощен как литературный комизм, но вполне мог им стать в каком-нибудь чеховском рассказе. Отчасти следуя делёзовской традиции [Deleuze 1969], исходную логическую аномалию (бессмыслицу, открытую к множественному означиванию) мы и называем *нонсенсом*. Рассмотрим механизм перехода нонсенса с уровня литературного материала на уровень поэтики (художественной формы).

Начнем с уже рассмотренного нами примера: *Как же может быть гусь действительный статский советник? Ну, пусть еще титулярный...* Алогизм, актуализированный в художественном целом, прочитывается нами в рамках скрипта (интерпретативного сценария): *эта бессмыслица симптоматична*. Нонсенс нейтрализуется, превращается в симптом глупости.

Литературный абсурд, напротив, сообщает нонсенсу как бы тавтологическое значение: *эта бессмыслица* (на уровне материала) *бессмысленна* (на уровне поэтики). Известно, однако, что исследователи литературы абсурда видят в ней скорее выражение предельных (экзистенциальных) смыслов, чем отсутствие смысла [Esslin 1980; Jaccard 1991]. Таким образом, категория абсурда отсылает к концепции выражения смысла через бессмыслицу.

Самым известным примером абсурда в русской сатирической прозе остается фантастическая посылка повести «Нос» (*посылка фанта-*

стического – «допущение о “реальности” необычайных событий» [Ковтун 1999: 11]): часть тела неведомым образом отделяется от лица и превращается в самостоятельное лицо. С. Г. Бочаров видит в повести коллизию лица и маски, лика и личины, а также дает любопытное определение своей интерпретативной стратегии: «Для того, чтобы так прочесть его [“Нос”], одинаково важно не отрываться от текста повести и суметь от него оторваться...» [Бочаров 1985: 126]. Таким образом, к абсурду применяется парадоксальное чтение – двойное и разнонаправленное герменевтическое усилие. Реализация нонсенса (как материала) в поэтике абсурда требует от интерпретирующего субъекта не только констатации бессмысленности конкретного мотива, но и последующего или параллельного движения в новом герменевтическом круге, так что толкователь получает фигуру: *эта бессмыслица бессмысленна, но где-то имеет смысл*. Скрипт абсурда представляется наиболее сложным среди всех вариантов реализации нонсенса.

Различие между абсурдом и литературным нонсенсом (Эдвард Лир, Льюис Кэрролл) заключается, возможно, в том, что нонсенс, переходя из материала в поэтику, остается нонсенсом в литературной форме, его скрипт можно описать словами: *эта бессмыслица бессмысленна, просто бессмысленна*. Нонсенс в данном случае не прирастает смыслами, но обзаводится планом выражения. «...нонсенс предполагает отсутствие содержания, чистую форму» [Астафьева 2019: 111]. С нашей точки зрения, пример с «шурином» Башмачкина является именно чистым нонсенсом, а не абсурдом.

Таким образом, реализация нонсенса в произведении требует особой стратегии интерпретации. Чистый нонсенс задействует скрипт: *эта бессмыслица бессмысленна*. Нейтрализованный нонсенс чаще всего прочитывается в рамках сценария: *эта бессмыслица симптоматична*. Абсурд требует усложнения герменевтической стратегии: *эта бессмыслица бессмысленна, и это что-то значит*. Отметим здесь, что поэтика абсурда далеко не всегда комична и часто сопряжена с темами метафизического ужаса и трагизма человеческого бытия.

Простые и сложные комизмы

Выделяя комизмы сложного типа, мы исходим, прежде всего, из того факта, что один текстовый сегмент может создавать несколько комических аномалий. Образ вдовы, которая «сама себя высекла», аномален сам по себе, однако он еще и рисует положение чиновника, предлагаю-

щего «ревизору» совершенно нелепое, крайне неубедительное оправдание. Первая аномалия этого комического комплекса обнаруживается как нелепое воображаемое обстоятельство, вторая – как часть нелепого речевого акта.

Некоторые комизмы образуют своеобразные композиции, сцепления аномалий: *Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг...* – статусу судьи, разумеется, не соответствует такой «объем» прочитанной литературы; ... *прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен* (Гоголь: IV, 10) – вольнодумие возникает вследствие поверхностного чтения, т. е. является вздором, видом глупости. Здесь комизмы как бы нахлестывают друг на друга.

Можно было бы привести немало примеров комических комплексов и композиций из гоголевской прозы. Уместно высказать гипотезу о тяготении индивидуального гоголевского стиля к сложному комизму. Структура комизма у гоголевских предшественников (например, Д. И. Фон-визина) представляется более простой.

Заключение

Ввиду таких свойств комизма, как композитивность (сцепление комических сегментов) и комплексность (несколько комических эффектов в одном сегменте), затруднительно выявить и корректно подсчитать все комические единицы. Однако и простой подсчет комических сегментов сталкивается с проблемой – нечеткости границ между комикой редуцированной и активной. При этом мы видели, как свернутый в узальной единице комизм может развернуться: «стертое» значение вовлекается в игру, активизируется, «звучит». Эти замечания призваны объяснить наше тяготение к качественным оценкам и нашу нерешительность в деле количественного описания комического, несмотря на заявленную трактовку последнего как множества дискретных феноменов. Разработка методики количественного анализа комического остается перспективой нашего исследования.

Если исходить из того, что комические элементы наделены различной иллюкутивной силой, т. е. в разной степени ориентированы к выражению авторской интенции, то допустимо предположить, что в так называемых «сатирических» произведениях наиболее «сильными» могут оказаться комизмы «юмористические». Более того, иллюкутивная мощь высказывания может быть сконцентрирована вовсе не в комизмах, а в иных фигурах поэтики. Тогда из чего мы исходим, называя произведение сатирическим или юмори-

стическим? Из показателей количественных или качественных?

Рассматривая комическую поэтику как множество комизмов, мы оказываемся перед проблемой описания и интерпретации контингентных феноменов. На наш взгляд, интерпретатору следует не столько искать обобщающие оценки произведения, сколько анализировать стратегию и тактику смеховой игры, различные «ходы», совершаемые автором в его комической тяжбе с языком и культурой.

Список источников

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.

Список литературы

Астафьева О. В. «Лауреат нонсенса» Э. Лир между литературой средневековья и новейшего времени // Неканоническая эстетика. Вып. V: Все нелепицы мира: Абсурд в литературе и искусстве: сб. ст. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2019. С. 111–123.

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М.: Русские словари: Языки славянских культур, 2002. 800 с.

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Бочаров С. Г. Загадка «Носа» и тайна лица // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. С. 124–160.

Воропаев В. А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019. 448 с.

Дземидок Б. О комическом / пер. с пол. С. Святского. М.: Прогресс, 1974. 223 с.

Довгий О. Л. Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. Тула: Аквариус, 2018. 443 с.

Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: Флинта, 2011. 204 с.

Жиличева Г. А. Поэтика русского комического романа XX века: очерки. Новосибирск: Открытая кафедра, 2021. 222 с.

Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.

Козинцев А. Г. Леонид Пинский и философия комического / Пинский Л. Е. Почему Бог спит: Самиздатский трактат Л. Е. Пинского и его пе-

реписка с Г. М. Козинцевым. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 83–96.

Козинцев А. Г. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 143–162.

Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007а. 236 с.

Козинцев А. Г. Юмор: до и после иронии // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007б. С. 238–253.

Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. 728 с.

Манн Ю. В. Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 154–182.

Мечковская Н. Б. Феномен «смешного» в речи, его языковые первоэлементы и внеязыковые механизмы // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 140–153.

Николаев Д. Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко. Две тенденции развития русской юмористики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 24 с.

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 186 с.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

Тюпа В. И. Модусы художественности // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 127–128.

Фуксон Л. Ю. Смех как способ истолкования. Кемерово: Кузбасвуиздат, 2016. 254 с.

Чуковский К. И. О Чехове. М.: Худ. литература, 1967. 208 с.

Шатуновский И. Б. Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 340–372.

Attardo S. Humorous texts: A Semantic and Pragmatic Analysis. Berlin; New York, 2001. 238 p.

Colebrook C. Irony. London; New York: Routledge, 2004. 191 p.

Deleuze G. Logique du sens. Paris: Les éditions de Minuit, 1969. 392 p.

Esslin M. The Theatre of the Absurd. London: Pelican, 1980. 480 p.

Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern: Peter Lang, 1991. 611 p.

Marshall A. The Practice of Satire in England, 1658–1770. Baltimore: John Hopkins University Press, 2013. 431 p.

Raskin V. Semantic mechanisms of humor. Dordrecht: D. Reidel. 1985. 283 p.

Simpson P. On the Discourse of Satire. Towards a stylistic model of satirical humour. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. 242 p.

References

Astaf'eva O. V. 'Laureat nonsensa' E. Lir mezhdru literaturoy srednevekov'ya i noveyshego vremeni ['Nonsense Laureate' E. Lear between the literature of the Middle Ages and modern times]. *Nekanonicheskaya estetika. Vypusk V: Vse nelepitsey mira: Absurd v literature i iskusstve* [Non-Canonical Aesthetics. Issue V: All the Absurdities of the World: Absurdity in Literature and Art]: a collection of articles. St. Petersburg, Tver, Publishing House of Marina Batasova, 2019, pp. 111–123. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy. Tom 6. 'Problemy poetiki Dostoevskogo', 1963. Raboty 1960-kh–1970-kh godov* [Collected Works. Vol. 6. 'Problems of Dostoevsky's Poetics', 1963. Works of the 1960s–1970s]. Moscow, Russkie Slovari Publ., LRC Publishing House, 2002. 800 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy. Tom 3. Teoriya romana (1930–1961 gody)* [Collected Works. Vol. 3. Theory of the Novel (1930–1961)]. Moscow, LRC Publishing House, 2012. 880 p. (In Russ.)

Bocharov S. G. Zagadka 'Nosa' i tayna litsa [The enigma of the 'Nose' and the mystery of the face]. *O khudozhestvennykh mirakh* [About Artistic Worlds]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985, pp. 124–160. (In Russ.)

Voropaev V. A. *Net drugoy dveri...: O Gogole i ne tol'ko* [There is No Other Door...: About Gogol and Not Only]. Moscow, Belyy Gorod Publ., 2019. 448 p. (In Russ.)

Dzemidok B. *O komicheskom* [About the Comic]. Transl. from Polish by S. Svyatskiy. Moscow, Progress Publ., 1974. 223 p. (In Russ.)

Dovgiy O. L. *Satiry Kantemira kak kod russkoy poezii. Opyt mikrofilologicheskogo analiza* [Satires of Cantemir as a Code of Russian Poetry. Experience of Microphilological Analysis]. Tula, Akvarius Publ., 2018. 443 p. (In Russ.)

Ermakova O. P. *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of Language]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 204 p. (In Russ.)

Zhilicheva G. A. *Poetika russkogo komicheskogo romana XX veka: ocherki* [Poetics of the Russian Comic Novel of the 20th Century: Essays]. Novosibirsk, Otkrytaya Kafedra Publ., 2021. 222 p. (In Russ.)

Kovtun E. N. *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, uto-*

pii, pritchi i mifa (Na materiale evropeyskoy literatury pervoy poloviny XX veka) [Poetics of the Extraordinary: The Artistic Worlds of Science Fiction, Fairy Tale, Utopia, Parable, and Myth (Based on European Literature of the First Half of the 20th Century)]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1999. 308 p. (In Russ.)

Kozintsev A. G. Leonid Pinskiy i filosofiya komicheskogo [Leonid Pinsky and the philosophy of the comic]. In: Pinskiy L. E. *Pochemu Bog spit: Samizdatkiy traktat L. E. Pinskogo i ego perepiska s G. M. Kozintsevym* [Why God Sleeps: a Samizdat Treatise by L. E. Pinskiy and His Correspondence with G. M. Kozintsev]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, pp. 83–96. (In Russ.)

Kozintsev A. G. Raznonapravlennoe dvugolosoe slovo: estetika i semiotika yumora [Oppositely Directed Double-Voiced Discourse: The Aesthetics and Semiotics of Humour]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2013, issue 18, pp. 143–162. (In Russ.)

Kozintsev A. G. *Chelovek i smekh* [Man and Laughter]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2007a. 236 p. (In Russ.)

Kozintsev A. G. Yumor: do i posle ironii [Humor: Before and After Irony]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of the Comic]. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007b, pp. 238–253. (In Russ.)

Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma [Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of the Comic]. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007. 728 p. (In Russ.)

Mann Yu. V. Karnaval i ego okrestnosti [Carnival and its Environs]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 1995, issue 1, pp. 154–182. (In Russ.)

Mechkovskaya N. B. Fenomen ‘smeshnogo’ v rechi, ego yazykovye pervoelementy i vneyazykovye mekhanizmy [The phenomenon of the ‘funny’ in speech, its linguistic primary elements and extralinguistic mechanisms]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of the Comic]. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 140–153. (In Russ.)

Nikolaev D. D. *Tvorchestvo N. A. Teffi i A. T. Averchenko. Dve tendentsii razvitiya russkoy yumoristiki*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Works of N. A. Teffi and A. T. Averchenko. Two trends in

the development of Russian humorous literature. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1993. 24 p. (In Russ.)

Propp V. Ya. *Problemy komizma i smekha* [The Problems of Comedy and Laughter]. Moscow, Iskustvo Publ., 1976. 186 p. (In Russ.)

Sannikov V. Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [The Russian Language in the Mirror of the Language Game]. 2nd rev. and exp. ed. Moscow, LRC Publishing House, 2002. 552 p. (In Russ.)

Tyupa V. I. Modusy khudozhestvennosti [Modes of the artistic]. *Poetika: slovar’ aktual’nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A Dictionary of Relevant Terms and Concepts]. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Publishing House of Kulagina, Intrada, 2008, pp. 127–128. (In Russ.)

Fukson L. Yu. *Smekh kak sposob istolkovaniya* [Laughter as a Way of Interpretation]. Kemerovo, Kuzbasvuzizdat Publ., 2016. 254 p. (In Russ.)

Chukovsky K. I. *O Chekhove* [About Chekhov]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1967. 208 p. (In Russ.)

Shatunovskiy I. B. Ironiya i ee vidy [Irony and its types]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [The Logical Analysis of Language. Language Mechanisms of the Comic]. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 340–372. (In Russ.)

Attardo S. *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*. Berlin, New York, 2001. 238 p. (In Eng.)

Colebrook C. *Irony*. London, New York, Routledge, 2004. 191 p. (In Eng.)

Deleuze G. *Logique du sens* [The Logic of Sense]. Paris, Les éditions de Minuit, 1969. 392 p. (In Fr.)

Esslin M. *The Theatre of the Absurd*. London, Pelican, 1980. 480 p. (In Eng.)

Jaccard J.-Ph. *Daniil Harms et la fin de l’avant-garde russe* [Daniil Harms and the End of the Russian Avant-garde]. Bern, Peter Lang, 1991. 611 p. (In Fr.)

Marshall A. *The Practice of Satire in England, 1658–1770*. Baltimore, John Hopkins University Press, 2013. 431 p. (In Eng.)

Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht, D. Reidel, 1985. 283 p. (In Eng.)

Simpson P. *On the Discourse of Satire. Towards a Stylistic Model of Satirical Humour*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2003. 242 p. (In Eng.)

Dichotomies of a Comic Text Analysis

Ilya Yu. Rogotnev

Associate Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. rogotnev05@mail.ru

SPIN-code: 6494-6013

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7053-6180>

ResearcherID: B-3312-2017

Submitted 01 Sep 2023

Revised 17 Dec 2023

Accepted 19 Dec 2023

For citation

Rogotnev I. Yu. Dikhotomii analiza komicheskogo teksta [Dichotomies of a Comic Text Analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 146–156. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-146-156 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the poetics of the comic, the main focus is on the categories of analysis of individual comic segments. The material for the study was the prose of Nikolai Gogol. According to scientific literature, a comic work can be described not only as an aesthetic phenomenon but also as a cognitive construction and a special symbolic practice, which makes it possible to differentiate comic elements according to various criteria. A close reading of a comic fragment shows that a relatively small amount of text can contain many comic components, between which structural, content, and pragmatic differences can be detected. The comic text is considered through the prism of a set of dichotomies: active laughter – reduced laughter, satire – humor, comic deviation – nonsense, a simple comic element – a complex comic element. As shows an analysis of examples of reduced laughter (the term coined by M. M. Bakhtin), reduction of the comic is often associated with the loss (or incomplete realization) in the segment of special interdiscursivity. Grasping the dichotomy of satire and humor requires taking into account the diversity of intentions realized in satire: it can not only ridicule anomalous objects but also destroy the norm itself. Among the anomalies underlying the comic game, it is possible to distinguish deviations (shifts from the norm) and nonsense. A comic text based on nonsense requires special interpretive scenarios (scripts), in particular, it is proposed to distinguish between nonsense as such and absurdity. Distinguishing comic routines that are complex (in terms of their structure of expression) significantly complicates the issue of quantitative analysis of the comic: the volume of comic segments and the volume of comic effects are not fundamentally equivalent.

Key words: comic; text analysis; satire; humor; nonsense; Nikolai Gogol.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки).

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

По вопросам обращаться: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

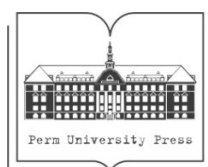
Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 16. Выпуск 1 / 2024

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 19.03.2024. Дата выхода в свет 26.03.2024
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 18,37. Тираж 500 экз. Заказ 40

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650356/?sphrase_id=396135

Распространяется бесплатно и по подписке